

ДЖЕНИС ХАРДИ

ВОЙНЫ ЦЕЛИТЕЛЕЙ: КНИГА II

СИНЕЕ
ПЛАМЯ

Пятнадцатилетней Ние едва удается избегать столкновений с ищейками герцога. Ее разыскивают, но она рискует всем, чтобы защитить каждого найденного Забирателя, чтобы помешать герцогу использовать их в ужасных экспериментах. Но решимости мало, чтобы защитить их, и Ниа скоро понимает, что спасти их можно, только сбежав из Гевега. К сожалению, лучшая ищейка герцога считает иначе. Ниа оказывается в плену там, где не хотела, ей приходится доверять тем, кому она никогда и не подумала бы верить. На кону не только жизни людей Гевега, и чем больше она узнает план герцога, тем сильнее понимает, как важна она в его победе. Чтобы спасти Гевег, ей нужно спасти и Басэер, если она не погибнет раньше.

ОДИН

Ответственность была опасной. Да, было приятно управлять своей жизнью, выбирать самому, но это значило, что нужно платить за свои ошибки.

И если все шло не так, как планировалось, то ошибки могли закрасться глубже карманов.

Я понимала, что совершила достаточно ошибок.

Я полила фиалки на веранде. Простая работа, но лучше так, чем сидеть в домике и переживать, пока друзья рискуют жизнями. Я должна была пойти с ними, но меня узнали во время последней миссии по спасению, так что выходить мне было опасно. Гевег и до этого был опасным из-за вторжения басэери, однако теперь на меня охотились Герцог, его солдаты генерал-губернатор Гевега и, может, кто-нибудь еще, и это был совсем другой уровень опасности.

— Айлин еще не вернулась? — спросила Тали, пересекая порог. За ней шли несколько девочек, Забиратели, которых мы спасли на прошлой неделе, но еще не отправили с островов.

— Нет, — сказала я. — Все еще на разведке, — как и Данэлло, но Тали всегда переживала за Айлин больше, что было глупо. Айлин могла о себе позаботиться, а о Данэлло я такого сказать не могла.

— Плохо, что ее так долго нет?

Я замешкалась.

— Не знаю. Зависит от того, забирают ли снова людей с улиц.

Забиратели за Тали побледнели и отпрянули. Никого не ловили вот так в Лигу целителей, но все знали, что теперь людей вытаскивали из домов, тащили в Лигу и заставляли исцелять, даже если это убивало нас.

Это было ужасно. Лига раньше брала только Забирателей с сильными талантами в ученики, тех, кто мог стать целителем. Но теперь? Выбора не было. Герцог требовал, чтобы все Забиратели даже с каплей способностей должны были служить Лиге. Повезло тем, кого учили.

А другие оказывались в маленькой комнате без окон, и над ними ставили эксперименты. Герцог Басэера вел свою войну, он не думал о нас.

— Уверена, они в порядке. Не о чем переживать.

Я посмотрела на Забирателей за Тали, они по одному убегали в комнаты. Так не должно

быть. Лига целителей должна была обучать Забирателей лечить и помогать. Все Забиратели раньше мечтали туда попасть, как Тали. Как я.

Теперь это было кошмаром.

Тали не двигалась, в ней снова проявилось упрямство младшей сестры.

— Нам не нужно поискать ее?

Если бы я могла. Они ушли давным-давно.

— Мы не можем покидать домик.

— Ты не можешь, а я могу.

— Ты тоже не можешь. Было сложно спасти тебя из Лиги один раз. Я не отдам тебя еще раз.

Она надулась, хмурясь, как было всегда, когда она думала, стоит ли продолжать спор.

— Ты можешь помочь Созку с обедом, — предложила я. — Ты знаешь, что это ему нужно.

— Он снова варит рыбу, — сказала она. — В прошлый раз я три дня выводила запах из волос.

— Может, ты...

— Ниа, я могу помочь с Забирателями, ты это знаешь, — она смотрела на меня с упрямством в карих глазах и заправила прядь за ухо. Она покрасила светлые волосы в рыжий, как было у Айлин, и это добавило ей огня.

— Сейчас слишком опасно, — сказала я мягче. — Можешь проверить остальных? Ты знаешь, как они напуганы. А я здесь в порядке.

Тали промолчала, но ее упрямство сменилось тревогой.

— Уверена?

— Да.

— Точно? Ты такой не кажешься.

— Потому что кто-то надоедает мне, пока я пытаюсь увести людей из Гевега, — я пыталась пошутить, но Тали скрестила руки и нахмурилась.

— Ты просто поливаешь фиалки и выглядишь ужасно.

— Я могу делать все сразу, — улыбнулась я, но она не поверила.

— Ниа, не нужно так.

Моя улыбка пропала. Я заслужила такую жизнь, я заплатила цену за спасение Тали, жизнь за жизнь. Было непросто забыть вину. И все в доме Зертаника постоянно напоминало о том, что я сделала, кого убила. И не важно, что дом ему уже не был нужен, что это было идеальное укрытие. Мы исправляли несправедливость, продавая то, что он забирал, но этого было мало, чтобы все исправить.

Я опустила ладонь и вздохнула.

Тали подошла и опустила ладонь на мое плечо. Она делала так, когда мы были младше, и мама ругала меня.

— Ты зря переживаешь, — сказала она, заполняя тишину, когда я промолчала. — Барников снова спрячет их в лодке.

— Кто-то видел нас с ним в прошлый раз. Генерал-губернатор может следить, — и мог пострадать еще один человек из-за меня. Я сунула руки в карманы.

Но не глубоко.

— Они тебя видели? — она встревожилась. — Кто? Лига?

— Я не уверена...

Дверь дома загрохотала. Я вскочила и поспешила в прихожую, сердце колотилось. Прошу, прошу, прошу, пусть они будут в порядке. Тали шла за мной, в этот раз мне не пришлось говорить ей не подходить к двери.

Айлин вошла, и мне стало легче. За ней шагал мальчик лет двенадцати. Он был грязным, долго прятался. Тощий, и его лицо просияло от запаха еды. Мое сердце сжалось, но потом вошел Данэлло, с опаской оглядываясь на улицу, а потом закрывая дверь.

— Что случилось? — сказала я, не радуясь, как должна была. — Я уже беспокоилась.

— Мы были осторожными на обратном пути, — сказала Айлин. Она посмотрела на Тали, а потом на меня, словно не хотела говорить мне при Тали. Многое могло пойти не так, и я не хотела догадываться, что не так. — Но мы нашли его, — она подвинула мальчика.

— Винвик, — выдохнула Тали и подбежала. Он тоже был рад ей. — Я думала, ты покинул Гевег.

— Я пытался, но не смог поймать лодку у болот.

— Вы знаете друг друга? — сказала Айлин.

Тали кивнула.

— Винвик был в моем классе в Лиге целителей.

— И в комнате? — тихо спросила я.

— Да, — на ее лице мелькнул страх. Винвика тоже заставляли исцелять, пока он не перестал двигаться от боли. Конечно, он голодал, чтобы быть свободным.

— Добро пожаловать, — сказала я с улыбкой. Айлин и Данэлло не улыбались. Наверное, все было очень плохо.

По ступенькам загремели шаги, Забиратели посмотрели на нас поверх поручней. В доме сейчас было четверо Забирателей, которых мы спасли от экспериментов Герцога, который хотел увидеть, нет ли у них особых способностей, полезных для него. Я еще не знала, для чего, это было частью нашего плана.

Первый шаг: спасти как можно больше Забирателей и убрать подальше от Герцога.

Второй шаг: понять, что хотел от них Герцог.

Третий шаг: остановить это.

Конечно, последние два шага были сложнее, чем казалось, но мы хорошо справлялись с первым шагом. Честно говоря, это было важнее.

Данэлло кашлянул.

— Тали, — сказала я, — почему бы тебе не отвести Винвика на кухню за едой, а потом в комнату?

Она нахмурилась на миг, словно поняла, что я хочу избавиться от нее.

— Идем.

Айлин проводила их взглядом и подошла. Данэлло тоже.

— Что случилось? — спросила я.

— Это, — Данэлло вручил мне сложенную бумагу.

Я развернула ее и задержала дыхание.

Плакат с моим лицом и записка с наградой в пять тысяч оппа внизу.

Пять тысяч оппа?

Святые! За такие деньги я бы сама сдалась.

«ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬ, МЕРЛЕНА ОСКОВА, РАЗЫСКИВАЕТСЯ ЗА УБИЙСТВО».

Я сжалась. Я не убила. Это было случайно... Зертаник потирал руки, Светоч смотрел с недоверием. Они предлагали жизни Тали и остальным, если я уберу боль из Плиты, чтобы

они могли украсть ее и продать.

Я глубоко вдохнула. Нет, это ложь. Это было не случайно. Я сделала выбор.

Геveg нуждался в Плите, единственном пинвиуме в городе. Без него мы не сможем больше исцелять. Целители не могли отдавать боль простому металлу. Зертаник не думал об этом, он хотел нажиться на тех, кто не мог оплатить исцеление. Светоч должен был думать. Он управлял Лигой Гевега, он должен был защищать целителей, а не использовать.

Они были ужасными, и я не должна была ощущать вину за их смерти.

Я помнила красные брызги на стенах кабинета Светоча, только это осталось от него и Зертаника после вспышки, отпустившей боль из Плиты. Вина осталась. Я знала, что это убьет нас, и я сделала это, чтобы спасти Тали и остальных.

Я честно думала, что и сама погибну.

— Зато они не знают твое настоящее имя, — сказала Айлин дрожащим голосом.

Данэлло кивнул и обхватил мою щеку ладонью.

— И ты теперь выглядишь иначе.

Как и Тали, я коротко остригла волосы, но выкрасила их в каштановый. Волосы Айлин были теперь черными, как у басэери, я так не смогла. Данэлло оставил светлые волосы, его видело мало человек. Это было не лучшей маскировкой, но не все в Лиге разглядели наши лица. Из живых.

— Может, никто тебя не узнает, — сказала Айлин.

— Может, — я проклинала себя за это. Хватит «может». Но, может, этого никак не избежать.

— Плакаты по всему городу, — сказала Айлин, бросая шляпу на стол из дерева с вставками из оникса. Он был дорогой, может, нам хватило бы этих денег на побег. С такой наградой сбежать будет сложнее.

— Солдаты развесили их, — добавил Данэлло. — Многие люди не рады. Мы видели, как один из владельцев магазинов сорвал его перед солдатами. Он назвал тебя героем.

Герой и убийца.

— Они вернули плакат, и он снова его снял, — Данэлло покачал головой. — Тебе стоило его видеть.

— И они его побили, — сказала Айлин. — И мы поспешили прочь.

Люди, которых я не знала, страдали, защищая меня. Вот так герой. Что бы я ни делала, кто-то страдал.

— Ты в порядке? — спросил Данэлло, взял меня за руку и потер большим пальцем мои костяшки.

— Я не ожидала этого.

— Ты знала, что Герцог будет тебя искать.

— Нет. Владелец магазина. Люди страдают из-за меня.

Айлин надулась.

— Ты спасла тридцать Целителей, не дала Светочу украсть пинвиум, почти плюнула Герцогу в глаз. Конечно, они за тебя заступаются.

— Лучше бы не заступались, — мне хватало ответственности и без этого. Я втянула всех в это, я должна была защитить их. Бабуля говорила, что спасенная жизнь была долгом.

— Теперь ты герой, привыкай.

Или убийца, смотря кого спросить.

Дверь задрожала от стука.

— Мы кого-то ждем? — тихо сказал Данэлло.

— Солдат, желающих арестовать нас? — не смешно пошутила я. Данэлло указал мне не выходить. Мы с Айлин отошли, а он выглянул в окно.

— Собиратель ренты, — прошептал он.

Я напряглась. Мы платили за месяц на прошлой неделе.

— Может, она уйдет, — сказала я.

Снова стук.

— Или нет, — сказала Айлин.

Данэлло вытянул руки.

— Что мне делать?

Настойчивый стук. Она привлечет так внимание. Созк покинул кухню с деревянной ложкой в руке. Он держал ее как оружие, и не зря. Он был в той комнате с Тали.

— Я знаю, что вы там, — крикнула она. — Откройте и поговорите со мной.

Ради Святой Сэи, только этого не хватало.

— Открывай, — сказала я, проходя в прихожую.

Она не ждала приглашения. Прошла мимо Данэлло ко мне.

— Рента.

— Мы уже ее платили.

— Еще раз. Подняли.

Я скрестила руки и пыталась не кричать. Украшения убедили ее, что Айлин, Тали и я были дочерьми Зертаника. Она удвоила ренту, чтобы взять часть себе, но позволила нам остаться. Она могла выбросить нас, а нам было некуда идти.

— Сколько?

Она улыбнулась и вручила мне один из плакатов.

— Пять тысяч оппа.

ДВА

Я не знала, кричать или дрожать.

Данэлло помрачнел.

— Как можно ее выдать? Она — гевегианка, как и вы.

— Я могла сразу пойти к генерал-губернатору и получить деньги. Но я этого не сделала. Но я не могу упустить пять тысяч оппа, — она оглядела дом, глаза блестели от жадности. — Это все равно не ваше, так почему не дать мне немного? И всем хорошо.

Если она заберет много, это привлечет внимание на рынке. Только там в Гевеге продавали украденные вещи, и хотя солдаты не разгоняли их, если много роскоши попадет на рынок, люди заметят, и им придется доложить. Повезло бы обеим сторонам, если бы она не была такой жадной. Но она не могла выдать нас владельцу басэери, потому что он, узнав, что Зертаник мертв, заберет все в доме себе.

Я посмотрела на Данэлло, его лицо было красным, он качал головой.

— Не хотите что-нибудь из верлаттской мебели? — сказала я, махнув на стулья. Если она так сильно хотела денег, пусть берет.

— Нет, думаю, те хрустальные графины больше мне нравятся. И, может, те

статуэтки? — она прошла мимо меня и провела пальцами по фигуркам Семи сестер из авантюрина. — Этого хватит.

И еще немного.

— Берите.

— Один человек столько не унесет.

Я стиснула зубы.

— Уверена, мы найдем вам мешок. Айлин? Поищешь наверху?

Айлин ударила по перилам, ворча про мешок, в который можно было бы сунуть ее голову, и пропала.

Женщина поджала губы и огляделась.

— Вас теперь тут больше трех.

Я скрестила руки.

— Гости пришли на ужин.

— О, не только на ужин, — она посмотрела на верх лестницы. Забиратели побежали в свои комнаты. — Что вы здесь делаете?

— Пытаемся выжить, как и вы.

Она рассеянно кивнула.

— Хорошее место. Я бы сама хотела здесь жить, но гад-басэери начнет подозревать, и тогда все эти безделушки пропадут, да?

Я не выдавала эмоции. Она разглядывала комнату, стены, явно считая оппа. Соседи тоже насторожатся, если увидят, как она уносит отсюда кучу вещей. Как говорила бабуля, от богатства слабела мудрость, и я сомневалась, что эта собирательница ренты изначально была мудрой. Она могла все разрушить.

Айлин спустилась по лестнице и бросила тяжелый холщевый мешок ей.

— Это подойдет.

— А завернуть их? — она нахмурилась. — Вдруг они треснут?

— Авантюрин не треснет. Потому он и ценен.

Ее глаза загорелись. Святые, она даже не знала цену тому, что просила?

— Да? А еще что-нибудь...

— Мы в расчете? — сказала я, уперев руки в бока. Я пыталась выглядеть угрожающе, но это у меня плохо получалось. Данэлло в этом был лучше, а Айлин могла пугать не хуже крокодила, если хотела.

— Ну, — медленно сказала она, глядя на хрустальные графины. — На всякий случай можете оплатить ренту за следующий месяц.

— Думаю, мы уже это заплатили, — сказала Тали с лестницы. За ней стояли все — Забиратели и даже семья Данэлло. Его отец выглядел опасно, глядя на нас с высока.

— Может, даже за три месяца, — сказал он. Женщина должна была уловить угрозу в его тоне. Она могла угрожать нам в ответ, и ее угрозы были опаснее.

Она это знала. Она ухмыльнулась им, а потом осторожно сунула сокровища в мешок.

— О, думаю, к тому времени вы уже уйдете. Так почему не взять все, что можно, сейчас?

— Потому что кто-нибудь заметит, — сказала я. — И если нам придется бежать, мы убедимся, что владелец узнает, что Зертаника нет.

Она пронзила меня взглядом и затянула мешок.

Я улыбнулась.

— Почему бы вам не прийти на следующей неделе? Визит раз в неделю безопаснее для всех нас.

Она замешкалась, глядя на меня и, наверное, думая, были ли мои слова угрозой. Если она верила плакату, я для нее была убийцей.

— Хорошо.

Данэлло открыл дверь, и она вышла. Она быстро пришла в себя и оскалилась

— Следующая неделя меня порадует.

Она ушла, Данэлло захлопнул дверь за ней.

— Это не правильно! — сказал он, я опустилась на ступеньки. — Она не может просто приходить и...

— Может, — я понимала его чувства, я видела, как басэери делали так с домом моей семьи. Но они забрали все. Святые! Это было не честно.

— Нам лучше все продать, — сказала Тали, звуча, как мама. Мы слышали от нее такое до начала войны. И запастись едой. Камни было продавать лучше всего. И безопаснее было в Лиге с бабушкой. — Она никогда не была наверху, так что не может забрать то, чего не видела.

— И нам нужно найти новое место, — пробормотала Айлин.

— Кто нас впустит? — сказал Данэлло, но не так тихо. — И как мы найдем место, куда все поместятся?

Вряд ли найдем.

— Может, пора покинуть Гевег.

Потрясенная тишина, но они не могли спорить. В доме было много денег, мы могли купить лодку, даже если награда была заманчивой.

— Мы можем уйти на фермы, — сказал Данэлло. — Па, твоему другу не нужна помощь? Его отец кивнул.

— Нужна. Он едва справляется. Немного денег и дополнительные руки помогли бы и ему, и нам.

Герцогу были важны Забиратели и пинвиум, а не картофель и сахар. Я еще не работала на ферме, но звучало неплохо. Честная работа, свежая еда, открытые поля с множеством укрытий. Солдаты и не станут искать нас на фермах. Мама водила туда Целителей раз в пару месяцев, ведь у фермеров не было своих, и на визиты уходила почти неделя.

— Может, стоит сперва спросить у него? — спросила я. — Пятнадцать человек займут много места, — и я не хотела бросать этот дом, пока у нас не было укрытия.

— Может, идея неплоха. Я не говорил с ним после того, как мы скрылись. Он мог оставить место.

— Как долго займет путь туда и обратно? — нам нужно было успеть собрать в доме все ценное, что можно было унести.

— День или два. Он недалеко от болот.

Младшая сестра Данэлло, Халима, подбежала и обняла его.

— Я быстро, не переживай, — начал его отец и посмотрел на Данэлло. — Присмотришь за ними? — что-то в его тоне намекало, что он не только о семье.

Данэлло кивнул.

— Я присмотрю за всеми.

— Береги их. Я вернусь завтра вечером.

— Будь осторожен, па.

— Буду, — звучало сильно, но я видела тревогу в его глазах.

Бахари посмотрел на меня так, словно я прогоняла его отца. Джован кивнул, держась, а Халима была испугана. Отец Данэлло обнял своих еще раз, а потом ушел наверх собирать вещи.

— А Забиратели? — спросила Тали через минуту.

— Они пойдут с нами.

Она покачала головой.

— Я про тех, кого мы еще не нашли. Их тут не меньше десятков.

— Тали, я не могу спасти всех.

— Знаю, но...

— Если мы останемся, всех могут поймать.

— Может, пустить слух, что мы уходим, и больше ребят начнут искать нас?

— Кто-то, кроме Забирателей, может узнать это. Солдаты ищут меня.

Она вздохнула и кивнула.

— Я надеялась найти еще нескольких пропавших друзей.

— Я тоже. Может, мы найдем их раньше, чем уйдем, — я повернулась к группе на лестнице. — Ребята, идите в комнаты и ищите все ценное. Лучше маленькое, чтобы унести, чтобы можно было продать.

— Кто будет продавать? — спросил один из недоверчивых Забирателей. Я не могла его винить. Стражи Лиги вломилась в дом его семьи посреди ночи, пытаясь найти его. Он едва сбежал.

— Мы выберем людей, которые пойдут утром на рынок. Если нас будет несколько, будет не так очевидно, что мы распродаем много вещей сразу, и они не понизят цены. А потом поделим оппа, чтобы у всех был запас, если нам придется разделиться.

Это всем понравилось.

— Друг, чинящий лодки, поможет нам перевезти людей с острова. Обычно, у него работает сразу несколько лодок, так что у него хватит места, чтобы доставить нас на материк, — было опасно использовать Барникова еще раз, ведь за ним могли следить, но мы доверяли ему. У него было доброе сердце, он ненавидел герцога. — Если повезет, мы сможем уйти завтра вечером, когда вернется отец Данэлло.

Но удача должна быть большой. Покинуть остров было не так просто, как я описала, но им не были нужны еще переживания.

— А если фермер не хочет нас принять? — спросил Забиратель.

— Мы найдем другую ферму. Не будем думать об этом сейчас. Как только мы покинем город, у нас будет время понять, куда идти, ведь солдаты уже не будут дышать нам в шею.

Айлин поглядывала на меня, она собиралась задать мне вопросы, я знала. Как и Тали.

А остальные? Некоторые выглядели неуверенно, и я не удивлюсь, если они убегут, как только получат свои деньги. Святые, мне было бы даже лучше, если бы людей, за которых я переживала, было меньше.

Но если нас нигде не примут? Беженцы из Верлатты не могли идти только в Гевег. Фермы явно были полны их. Мы можем добраться туда и понять, что там нет для нас места.

Или может оказаться, что герцог проверяет фермы, и бежать будет некуда.

* * *

— Можно взять что-то себе? — спросила Тали, пока мы обыскивали полки в кабинете Зертаника. Она держала бусы розового цвета.

— Нам нужно продать как можно больше. Мы не знаем, с кем придется торговаться, и как долго мы будем искать потом работу.

— А если мы не найдем место?

— Найдем. Дашь мне тот нож? Этот шкафчик заперт.

Тали надела бусы и передала мне нож.

— Здесь заперты половина шкафчиков. Зертаник явно не доверял людям.

Я вставила нож в скважину.

— Он был воров.

— Вот как.

Замок щелкнул, я выдвинула ящичек. На дне лежали страницы, написанные мелким почерком, какой был у папы.

«— Смешные буквы, папа. Зачем они?

— Они помогают мне учить пинвиум держать в себе боль, Ниа.

— Пинвиум говорит с тобой?

— Нет. Но он слушает».

— Ниа? — Тали коснулась моей руки, я выронила страницы. Они упали на ковер. — Что такое?

— Ничего. Просто... ничего, — я схватила страницы, пока она не увидела их, но одну она успела забрать.

— Папа писал такие.

— Знаю.

— Знаки мага.

Я была удивлена, что она помнила. Ей было семь, когда он умер, и он мало колдовал за год до этого. Как и все в Гевеге, он был занят на войне.

Она смотрела на страницы со слезами на глазах, а потом вытерла их.

— Они ценные?

— Не знаю. Наверное, зависит от заклинания.

— Их легко нести, так что можно попытаться продать их, она собрала страницы и разгладила. — Еще есть?

— Я не смотрела.

Она осмотрела ящичек и вытащила тонкую пластину пинвиума размером с книгу. Знаки на металле были такими же, как на бумаге. По моей спине пробежал холодок.

— О, мило, — она провела пальцами по знакам. — Один пинвиум уже ценен. Смотри, какой голубой металл. Он явно чистый, — она протянула его мне.

Я отпрянула.

— Все хорошо.

— Что такое? — она забавно посмотрела на меня, а потом на пинвиум. — Он не кусается.

— Я... — не хотела бы трогать его. Не хотела бы находиться с ним в одной комнате, я не знаю, почему. — Убери его.

— Убрать? Ты знаешь, сколько он стоит?

Пинвиума было мало, он был ценен, но я не хотела быть рядом с ним.

— Это... неправильно.

Она смотрела на меня, как на безумную. Я так себя и ощущала.

— Ладно, он ушел, — сказала она. Пинвиум стукнул о ящичек, Тали задвинула его.

Я чувствовала его, хотя раньше никогда этого не могла. Не чувствовала, даже когда увидела. Это было не так, как описывала Тали, когда учила меня толкать боль в пинвиум, как делали Целители. Не было зова, гула, только дрожь в животе.

Но дело был и не в моей способности. Передача боли от человека к человеку не была связана с этими знаками. Но что-то было не так.

— Я проверю библиотеку, — сказала я, вскакивая на ноги.

— Ниа!

Я не слушала ее, хотела убраться подальше от пинвиума. Я закрыла дверь библиотеки и рухнула в кресло, куда мы могли влезть вместе с Тали. Дрожь утасла, но тревога осталась.

Что с тем пинвиумом? Я еще ни разу так себя рядом с ним не ощущала.

Сундук с полоской голубого металла на крышке, изрезанного знаками. Мужчины из Консорциума пинвиума принесли его, и пап кричал на них:

— *Вы принесли это сюда? В мой дом? Вы даже не знаете, что он делает!*

Я еще не видела, чтобы папа боялся знаков. Они его беспокоили его? Я спряталась, боясь криков и того, как крутило живот при виде сундука. Бабуля нашла меня в шкафу и уложила спать. Она пела колыбельные, пока я не уснула.

— Ниа, ты здесь? — дверь открылась, заглянула Айлин.

— Да.

Она посмотрела на книги на полках, но в этот раз не тронула их. Некоторых книг не хватало, так что у нее было что почитать.

— Мы собрали грудку сокровищ внизу. На столе.

— Спасибо.

— Ты в порядке? Выглядишь плохо.

— В порядке, — я встала и прижала ладони к животу. — Похоже, я не понравилась рыбе Созка, но это пройдет.

Она кивнула и порылась в выдвижном ящике стола.

— Ты хотела разобраться там, или лучше это сделать мне?

— Ты сможешь. У тебя в этом знаний больше.

— Дочь торговли, — она улыбнулась, но тут же опечалилась. Так было всегда, когда она говорила о матери. Хотя Айлин говорила о ней мало. Никто из нас не говорил о семьях. — О, не думаю, что все отдадут всё, что нашли. Я заметила, что Кнег спрятал золотую рамку в карман.

— Ничего. У нас много вещей, и я не могу винить их в жажде большего. Ты ничего не забрала?

— Кто сказал? — она высунула язык и пошла к двери. — Я разложу вещи по ценности. Мы сможем спрятать их в мешки и оставить на ночь в твоей комнате.

— Хорошо.

Айлин закрыла за собой дверь. Я вздохнула и начала рыться в ящичках и на полках, хотя тут почти все занимали книги. Несколько подсвечников могли стоять неплохо, ваза напоминала хрустальную, но...

Живот снова скрутило, как в кабинете. Моя ладонь застыла над полкой, а потом рука опустилась. Еще больше пинвиума со знаками? Но не в ящичке.

В этот раз — за книгами.

Зачем один запирать, а другой прятать?

Я вдохнула и вытащила одну из книг. Потом другую, третью, пока полка не опустела.

Стало видно сундучок. Не было голубой полоски, слава Святым, это была простая железная коробочка с замком.

Желудок задрожал.

Просто открыть.

Моя рука не двигалась.

Забрать.

Я сунула книги на полку и побежала из комнаты.

ТРИ

Рынок я не любила, и дело было не в том, что мне было нечего продавать там. Там были воры — они покупали украденное, продавали украденное, искали, что украсть. Нужно было следить за карманами и языком, ведь иначе тебя могли обокрасть.

Мы решили, что пойдут шестеро. Я, Данэлло, Айлин, Тали, Соэк и Джован. Еще больше привлекли бы внимание, а меньше не донесли бы вещи. Мы разделились на пары, чтобы помогать друг другу.

— Все помнят, сколько брать? — сказала я за квартал до рынка. Айлин хорошо поработала, разделив вещи по ценности. Мы могли и не продать все, но чем больше удастся, тем лучше.

— Помню, — Джован уже играл. Он удивил нас прошлой ночью, когда мы проверяли друг друга на лучшее сокрытие лжи. Тали была не так плоха, но она умела заставлять людей дать ей то, что она просила. Она звала это лицом голодного щенка, так она много раз получала добавку десертов в Лиге.

Я верила ей. И я должна была помнить об этом в следующий раз, когда она будет пытаться уговорить меня.

— Мы пойдем раздельно. Не смотрите друг на друга, а, когда продадите все, встречаемся здесь.

Айлин нахмурилась и покачала головой.

— Не здесь. Иначе на нас наткнутся те, кто решат проследовать за нами, — она огляделась и указала на пекарню. — Туда. Купите что-нибудь и задержитесь там.

— Если увидите солдат, — добавила я, — уходите, но шагом, а не бегом.

— Ясно. Идем, — сказал Соэк. Он и Тали шли за мной с Данэлло, а последними были Айлин и Джован.

Данэлло взял меня за руку, и мы прошли последний квартал к рынку, следя за солдатами и ворами. Рынок менял места, но его можно было найти только в беднейших частях Гевега. Он не отличался от обычных рыночных площадей, но никто здесь не выставлял товары на лотках, сделки совершались шепотом. Сегодня он был возле доков.

Наш мешок был полон серебра и металла, мы пошли к столу со знаком молота и наковальни.

— Чем могу помочь? — спросила торговка. Она улыбалась, но ее взгляд взвешивал мешок, словно она по его виду могла понять его ценность.

— Тетя оставила мне серебро, мне оно не нравится, — я вытащила пару предметов. — Я решила, что нужно продать это и купить себе что-то хорошее.

Торговка взяла подсвечник и покрутила, хмурясь, словно серебро было не чистым, мы знали, что оно чистое.

— Страшное.

— Посмотрите вилки.

— У вас полный набор? Я знаю женщину, которая хочет подарить свекрови что-то страшное.

Я вытащила коробку из дерева из мешка. Ее глаза на миг расширились.

— Ящик неплох.

Он был лучше. Дерево сияло, рисунок на нем был темным.

Айлин и Джован миновали нас и прошли к ювелиру. Айлин удивила нас прошлой ночью своим рассказом о том, как ее любимый умер во время случая на пароме, она осталась одна, и теперь ей нужно было продавать все его подарки. И ее госпожа якобы дала ей парочку безделушек, чтобы утешить ее. Она выглядела как горничная, ворующая украшения госпожи.

Торговка провела пальцами по деревянной крышке и подняла ее. Серебро сверкало рядами.

— Дам двести за набор.

— Столько стоят одни подсвечники.

Уголки ее рта напряглись на миг.

— Или даже сотню.

Я пожалала плечами, изображая безразличие. Но сохранять спокойствие было сложно. Двести оппа я никогда и не видела.

— Твой мальчик вообще говорит?

— Только когда кто-то пытается украсть рыбу из наших сетей, — скрестил мускулистые руки Данэлло, глядя на нее.

Мне показалось, что на миг я увидела улыбку.

— Тебе повезло, девочка. Посмотрим, может, я... — она медленно разглядывала предметы, пытаясь решить, как обмануть нас.

— Но это авантюрин! — закричал знакомый голос. — Он должен стоять больше.

Я повернула голову и попыталась не задохнуться. Собирательница ренты спорила, размахивая статуэткой перед лицом торговца. Я отвела взгляд и надеялась, что она нас не заметит.

— Триста, — закончила торговка.

— Не меньше шести сотен.

Она пожалала плечами.

— Можете продать кузнецу, — она не убирала руки с ящика.

— Отдать крысе из басэери серебро моей тети? — я развернулась и рявкнула. — Ну уж нет.

Собирательница посмотрела в мою сторону и развернулась. Она увидела меня и серебро на столе, прищурилась так, словно я продавала ее собственность.

Тали и Соэк за ней ушли от торговца. Тали начала улыбаться, отворачиваясь, значит, у нее все прошло хорошо. Айлин и Джован были у ювелира, но украшения были завернуты, так что конец был близко.

— Как насчет пяти? — сказала я.

— Вы меня так обворуете.

Собирательница ренты шла к нам. Данэлло перехватил ее по пути.

— Что ты делаешь? — спросила она у меня. — Что ты продаешь? Твои друзья тоже здесь? — она развернулась. — Вон один! Где остальные?

Торговка нахмурилась и убрала руки от ящика.

— Наверное, сейчас не лучшее время.

— Все хорошо, — быстро сказала она. — Не о чем переживать.

Данэлло держал женщину за руки, но она не унималась.

— Я могла тебя выдать, но не стала! Ты в долгу передо мной.

Торговка теперь смотрела на собирательницу, хмурясь, словно она усиленно думала. А потом она посмотрела на меня.

О, Святая Сэя, только бы она не узнала меня.

Айлин взбила мои волосы так, чтобы голова выглядела больше, чем на плакате, и накрашила мне глаза и щеки, чтобы я выглядела старше.

— Я тебя знаю?

— Нет.

— Это мое, — собирательница ренты прошла мимо Данэлло и схватила серебро.

— Нет! — я забрала их вовремя, но торговка пяtilась с тревогой на пухлом лице. Толпа собиралась, кто-то смотрел от скуки, другие ждали, будет ли бой, не отлетит ли им что-нибудь.

— Не пытайся меня обмануть, Преобразователь, или пожалеешь!

Я сглотнула. Торговка вскрикнула.

— Ты же с плаката!

— Сделки не будет, — я бросила ящик с серебром в воздух, Данэлло толкнул собирательницу ренты в толпу. Она упала, сбила нескольких людей, деньги и серебро разлетелись по улице. Поднялись крики тревоги и радости, никто не думал обо мне.

Я пошла к пекарне быстрым шагом, но не на бегу. Солдаты ходили по улицам, но торговцы платили им, чтобы они не ходили на рынок, зато они могли схватить того, кто убегает оттуда.

— Кто-то идет за нами?

— Вряд ли. Торговца не оставит свое место. Не думаю, что остальные слышали, как собирательница тебя выдала.

Я могла лишь надеяться.

Мы спрятались за выступом. Пекарня была напротив, но я не хотела заходить, если нас преследовали.

— погоди, кто-то вышел из переулка, — сказал Данэлло. — Парень девятнадцати или двадцати лет. Думаю, он что-то ищет.

Я выглянула. Данэлло был прав, но он не просто что-то искал, а и уходил.

Злые крики доносились со стороны рынка. Патруль вышел на улицу, их шаги были неуверенными, они не знали, хотят ли вмешиваться. Парень пригнулся, чтобы затянуть сандалии, хотя их у него не было.

— Он прячется от солдат, — прошептала я. — Если бы он бы за мной, он бы так не делал.

— Что он тогда ищет?

Я задержала дыхание, солдаты подошли ближе к парню. Я узнала напряжение, страх и отчаянную надежду, что тебя не заметят.

Женщина закричала, и солдаты побежали туда, миновав парня.

Он задержался у земли на пару секунд, а потом вскочил. Он стоял, медленно разворачиваясь, с бледным лицом.

— Преобразователь? — прокричал он шепотом. — Ты здесь? Мне нужна ваша помощь.

Прошу, мы в беде.

Я начала подниматься, Данэлло остановил меня.

— Нельзя рисковать.

— А если он Забиратель?

— А если это ловушка?

Я огляделась.

— Он слишком напуган для ловушки.

— Тогда я подойду. Будь здесь, — он не ждал ответа, а выпрыгнул и пошел. Парень вздрогнул и отпрянул, но напрягся, словно ожидал, что Данэлло ударит его. Они поговорили минуту, а потом Данэлло оглядел улицу.

— Все хорошо, — позвал он.

Я вышла из укрытия.

— Ты была права, — сказал Данэлло. — Его сестра застряла в доках. Ищейки пытаются забрать ее.

— Вы должны спасти ее, — сказал парень. — Я пытался купить оружие, чтобы отогнать Ищеек, но я услышал, как женщина назвала тебя Преобразователем. Забиратели, которые прячутся с нами, говорили о тебе. Некоторые говорят, что ты можешь помочь.

Я еще не сталкивалась с таким. Солдаты и стражи — одно дело, но Ищейки были обучены искать Забирателей. Нам везло избегать их. Стоило понимать, что так будет не всегда.

— Где она? — спросила я. Решение было не лучшим, но отвернуться я не могла.

— У третьего причала. У ловушек.

Ряды ловушек были там: для рыб, крабов, уток, может, для мышей и крыс. То место было вонючим лабиринтом.

— У каких ловушек?

Он провел руками по каштановым волосам.

— Я... хм... не уверен. Когда мы их увидели, мы побежали.

Побежали? Конечно, вы привлекли их внимание.

— Думаю, их там не меньше четверых, — сказал он. — Может, больше.

Четверо Ищеек? Сэя, сжался.

— Нам нужна помощь, — сказала я. Данэлло молчал, но рад этому не был. — Идем.

Я пошла к пекарне. Остальные были там, выглядели встревожено. Вокруг рта Тали был крем из манго, но угощение ее не радовало. Айлин пронзила меня взглядом «и что ты теперь делаешь, Ниа?».

— Что случилось?

— Собираательница ренты заметила меня и начала шуметь, но мы сбежали. Сестра этого парня оказалась в ловушке в доках. Ищейки хотят ее поймать.

— Какой план? — спросила Айлин.

— Она в третьем причале. Мы разделимся и поищем ее, — сказал я.

— Подадим сигнал, если найдем, — сказал Данэлло. — Три карканья, потом два, как учили.

— Ясно, — кивнула Тали.

— Нет, — сказала я. — Ты идешь в дом с Созком и Джованом, — они хотели возразить, но я подняла руки. — Слушайте, собираательница ренты явно расскажет обо мне солдатам,

так что дом больше не безопасен. Вам нужно вывести всех и пойти к Барникову, — он удивится, когда они придут, но у нас не было выбора. — Иначе нас схватят.

Тали скрестила руки.

— Я тебя не брошу, — в ее глазах были слезы, она склонилась ближе. — Если тебя поймут, мы снова будем разделены. Я лучше буду с тобой, чем одна.

Я представила, как Тали одна пытается найти еду, избегать солдат. Выживать.

— Хорошо, но ты слушаешься меня и держишься близко.

— Хорошо.

Я повернулась к остальным.

— Идем.

Мы покинули пекарню и поспешили к причалу, солнце уже било по головам. Мы с Айлин пошли в лабиринт, Данэлло и парень отправились другими путями. В нескольких шагах впереди чайка завопила и взлетела, белые перья выделялись среди коричневых и зеленых ловушек для крабов, поднимающихся, как утесы. Чайки редко пугались того, что может их съесть, но сейчас они боялись людей или крокодилов. Я упала, Айлин с Тали пригнулись со мной, прячась за сохнувшим ящиком.

Шаги зазвучали в тридцати футах за нами. Медленные, осторожные. Слишком тяжелые для испуганной девочки, но не такие тяжелые, как у работника. А потом еще одни. Может, Ищейки работали парами, один пугал добычу, другой ловил.

Я жестом попросила Айлин оглядеться и понять, чьи это шаги.

Она кивнула и поползла вдоль ящиков.

Снова шаги, а потом...

Отполированные сапоги и штаны появились в поле зрения. Ищейка! Я услышала скрежет, словно вытащили оружие.

— Выходите. Мы знаем, что вы здесь, — звала холодным голосом женщина.

Мое сердце колотилось. Я посмотрела на Айлин, но ее в проходе уже не было. Глаза Тали были огромными, но она молчала и не двигалась.

Я выглянула между коробок на женщину. Она медленно повернулась по кругу, вытянув руку. Я попятилась от Ищейки, пока не добралась до конца ряда, и пригнулась. Если Ищейки пойдут вперед, я смогу...

Апчхи!

Я повернулась на звук, готовая бежать. Сестра парня!

Она была почти моего возраста, но маленькая, как Тали. Она была под столом в пятидесяти футах от меня.

Волны бились о стены, шипели среди камышей, растущих возле лодок. Ищейка стояла у перил, сине-черный прут из пинвиум был в ее руке. Это лучше меча. Опаснее для меня.

Я повернулась к Тали и указала на шлюпку, висящую на столбе.

Она кивнула.

Закричала фальшивая чайка — три раза, близко. Айлин, наверное, была с другой стороны от сестры. Я дважды каркнула. Ищейка повернулась, и я побежала по ряду, скользнула под шлюпку. Тали залезла через миг.

Ищейка отошла от перил, приблизилась так к девочке. Данэлло скользнул за Ищейку. Брат был здесь, но я него не видела. Я надеялась, что он не поступит безумно, чтобы помочь сестре.

Ищейка напряглась и повернулась, словно слышала нас.

Я оставила Тали и придвинулась, проверяя каждый шаг, ступая на белые доски причала. Движение под столом привлекло мое внимание. Сестра склонилась так, словно собиралась бежать, на ее лице был ужас. Я покачала головой, и она села.

Скрип.

Я застыла. Ищейка развернулась и вскинула пинвиум. Она посмотрела на ловушки и вытащила нож из сапога.

Скрип.

Ищейка пошла на звук, склонив голову, с оружием наготове.

Сестра тихо вскрикнула. Я вскинула руки и просила ее губами остаться. Она кивнула.

Ищейка была рядом со мной. Она сделала еще шаг, блестящие черные сапоги остановились.

Она прищурилась. Она склонила голову и шагнула к стене, разделяющей нас.

Она ощутила меня?

Джеатар предупреждал меня об этом до того, как покинул Гевег.

— Герцог наймет лучших Ищеек, чтобы найти тебя. Тех, кто могут ощущать Забирателя так, как Забиратель ощущает пинвиум. Хорошие могут ощутить Забирателя, проходя мимо.

Если она нас так ощущала, то она была хороша.

— Выходи, малышка, — позвала она громче.

Я задержала дыхание. Капли пота были на ее брови и верхней губе. Она была испугана? Если да, то я могла застать ее врасплох, дать остальным время уйти.

— Знаю, ты здесь, — позвала Ищейка. Она вытянула руку в дюймах от ловушек, скрывающих меня, словно чувствовала меня сквозь дерево.

— Это ты, Преобразователь?

Я сглотнула. Она догадывалась. Она не знала точно, я ли это.

— Я оставлю девочку, если ты выйдешь. Ты для герцога нужнее.

Причал заскрипел. Айлин или Данэлло?

— Ты не сможешь долго меня избегать, Преобразователь, — сказала Ищейка противным голосом.

Может, нет, но это не означало, что я не попробую.

— Ты не сбежишь, — продолжила она. — Наши стражи на каждом мосту каждого острова. Солдаты на всех причалах. Если тебя не схвачу я, это сделают мои люди.

Люди? С каких пор Ищейки нанимают других помочь им?

Я заметила Ищейку в дыры в ловушке, а потом она пропала.

— Попалась.

ЧЕТЫРЕ

Я развернулась, вскрикнув. В руках Ищейки был прут из пинвиума. Она взмахнула им, и...

Вжих.

Боль вылетела из него, кожу покалывало, как от песка. Она уставилась на меня, потрясенная, что я не рухнула, крича от боли. Они, похоже, знали обо мне не все.

Что-то ударило по ящикам вокруг меня. Они пошатнулись, из них посыпалось содержимое.

— Похоже, попалась, — сказала Айлин, бросая в нее сети.

— Вианд? — крикнул мужчина.

— Ее... — начала она.

Я бросила на нее еще сети и каркнула три раза. Мне ответило двойное карканье. Ищейка молчала лишь миг, а потом начала кричать и биться.

— Свяжи ее, — сказала я.

Айлин помогла мне обвить ее сетями, как курицу в день Всех святых. Крики Ищейки превратились в визг и проклятия.

Парень подбежал к своей сестре и вытащил ее из укрытия. Данэлло появился из-за ящиков.

— Сюда идут еще больше Ищеек, — сказал он, указывая за плечо.

Мы ушли, пригибаясь, двигаясь как можно быстрее.

Я замедлилась у северного моста, проверяя людную улицу, ведь Ищейка говорила о стражах на всех мостах. Десятки рабочих ходили по причалу и прилегающему району, но никто не выглядел как стражи.

Мы медленно пересекли мост, двигаясь с изгоями и рабочими. На другой стороне моста я повернула к улице у канала, чтобы мы не привлекли внимание солдат.

— Данэлло, Айлин, — сказала я, — проверьте, не идут ли за нами.

— Ясно.

Айлин пропала в толпе, быстрая, как ветер, Данэлло это удавалось хуже, но он старался.

Изгой толкнул меня. Я обернулась, радуясь поводу оглянуться. В нескольких домах от нас двое мужчин шли бок о бок. Их одежда была бедной, они не смотрели на солдат, не сторонились других людей. Их темные волосы были короткими, бород не было. Таких людей обычно стоило опасаться. Данэлло и Айлин были в двадцати шагах от них, шли по разные стороны улицы.

Пахло горелым, мы попали туда, где жили басэери. Большую часть этого района сожгли в восстаниях, когда старый Светоч заявил, что целители Гевега мертвы. А потом я доказала, что Светоч врал и пытался украсть пинвиум Лиги. Никто не был этому рад.

Они злились, нападали на Лигу, сжигали магазины басэери и дома, давали повод генерал-губернатору присылать солдат и вредить нам.

Я посмотрела на возвышающуюся Лигу вдаль. Дыра там, где был кабинет Светоча, была острым напоминанием, почему меня искали.

Но я не могла изменить свершившегося.

— Ниа? — сказала Тали, забавно глядя на меня. — Почему мы замедлились?

— Прости, — я ускорила.

Трое мужчин вышли из-за угла перед нами, разглядывая улицу. Люди ищейки? Я развернулась и пошла в другую сторону.

Ищейка вышла в переулок.

Я застыла. Как и Айлин и Данэлло, что были на другой стороне. Она была между нами, но от этого безопаснее не было.

Мне нужен был план.

Ищейка улыбнулась, но не дружелюбно. У нее был меч и нож в руке.

— Нашла до обеда, — сказала она. — Стьюиг должен мне десять оппа.

— Вы меня с кем-то спутали, — сказала я, пытаюсь отвлечь ее, пока Айлин и Данэлло подкрадывались к ней.

— Не думаю.

Данэлло бросился на Ищейку и отбросил ее в окно торговца болью. Стекло треснуло, но

не разбилось. Люди оборачивались, хмурились.

— Бегите! — закричала я. Двое из трех мужчин преградили мне путь. Еще один пошел за ними. Огромный, с толстыми руками и закатанными рукавами, как тяжело работающий человек.

Я оттолкнула Тали от приближающихся мужчин. Она отшатнулась на пару шагов, остановилась, на ее лице смешались страх и гнев. Забиратель и ее брат побежали к каналам.

— Иди, Тали, — крикнула я.

— Не без тебя! — она схватила меня за руку и попыталась оттащить.

Айлин бежала к нам, протягивая руку, словно хотела схватить меня.

Ищейка встала на ноги. Она взмахнула прутом из пинвиума, направляя его на Тали и Айлин.

Вжих.

Мою руку покалывало. Айлин закричала и упала. Тали — нет, а должна была.

Мы смотрели друг на друга слишком долго. Она сопротивлялась! Этого раньше не было. Я видела, как вспышки боли вредили ей. Она не была защищена, как я.

Как она делала это?

Еще двое мужчин напали на нас. Я упала с силой на асфальт рядом с бессознательной Айлин. Я схватила ее за лодыжки и потянула.

Руку покалывало, но больно не было, и это не длилось долго. Мужчины схватили меня. Я пыталась схватиться за их открытую плоть, но не могла дотянуться.

Данэлло прыгнул на мужчину сзади. Он развернулся и ударила Данэлло в лицо. Тот отлетел.

Я ударила по ногам одного из мужчин, держащих меня. Он закричал и ослабил хватку. Я потянулась и прижала ладонь к его коже.

И толкнула.

Он зашипел и отпустил, тряся рукой так, словно что-то ужалило его. Я потянулась к мужчине, держащему Тали, но толстые руки обхватили мои плечи. Я едва могла дотянуться до его руки. Я толкнула остатки боли Айлин в него. Он закричал, но не отпустил.

Руки Тали были прижаты, еще один мужчина связывал их. Она попыталась укусить его, но получила пощечину.

— Эй! — я ударила ногой, но промазала.

Несколько рыбаков нахмурились и пошли к нам, но Ищейка преградила им путь и что-то подняла.

— Это разрешение герцога, — она улыбнулась, как довольный кот. — Вмешательство наказуемо.

Это остановило рыбаков. Они могли помочь мне, рискуя попасть в тюрьму, но никто не хотел сражаться за герцога. Толпа ворчала и отступала.

— Ты заставила нас побегать, — сказала она.

— Кто вы? — спросила я, дрожа, пока солдаты связывал мои руки веревкой. Данэлло лежал и стонал.

— Многие зовут меня Вианд, — она поднесла к моему лицу плакат с наградой. — Похожа, кроме волос. Это было умно, — она улыбнулась. — Смотри, Стьюиг, два Забирателя за один раз. Неплохо.

— Отпустите ее! — сказала я.

Вианд стояла так, что мои ноги ее не доставали.

— Мерлиана Осков, — сказала она, используя имя, которое я называла тем, кто хотел меня поймать. — По приказу герцога Верраада я арестовываю тебя за убийство Светоча Дуиса Стика.

Она склонилась и шепнула мне на ухо:

— Но мы обе знаем, что он хочет тебя не поэтому.

Веревки впились в мои запястья, сковывая, как и Тали. Вианд бросила нас в телегу, ждущую у заднего двора Лиги. Высокие каменные стены и ворота из железа я сразу узнала.

Врата открыли, и Вианд вошла вместе с четырьмя вооруженными мужчинами.

Тали придвинулась ко мне и взяла за руку.

— Слушайте, — Вианд подошла к нам. — Вы надоедливы. Если будете раздражать меня, проведете ночи под причалом, где жарко. Будете хорошо вести себя, будете спать в клетке наверху, где прохладно.

Она взмахнула рукой.

— Поднимайте.

Клетка склонилась, мужчины забрались на скамейку. Через миг телега покатила по улице Большого канала. Я нахмурилась.

Вианд хотела отвезти нас по улицам, словно показывая Гевегу, что меня поймали. Толпы Басэери смотрели, как проезжает машина. Раньше меня еще не освистывали. Кричали, плевали и бились — да. Но не освистывали.

— Уродина!

— Убийца!

— А я кого-то из них исцеляла, — прошептала Тали, уклонившись от гнилого апельсина.

— Тали, что ты сделала, когда Вианд выпустила боль?

— Ничего.

— Но ты должна была. Боль не навредила тебе.

— Немного жгло. Думаешь, у меня иммунитет, как у тебя?

— Раньше его не было.

Она пожала плечами.

— Я пыталась увести тебя. Я думала только о том, как оттащить тебя.

Оттащить. Она касалась меня. Я закрыла глаза и представила нас там. Я что-то ощутила до того, как Вианд выпустила боль. Покалывание, будто она что-то забирала у меня. Иммунитет? Она одолжила его?

— Положи ладони на мои, — сказала я. — Может, получится передать мне боль.

— Что? Я не могу.

— Попробуй.

Она положила ладони поверх моих, и...

— Ничего.

— В этот раз покалывания не было, — может, она ничего не делала. Я могла закрыть ее от боли, или боль пролетела мимо нее. Может, я оттянула боль на себя.

— Ты же знаешь, как нам выбраться? — она смотрела на меня с надеждой. Ее уверенность была милой, но я не была уверена, что заслужила такую веру.

Я не знала, как выбраться из клетки. Я не могла даже сбежать в городе, который знала так хорошо, как свое имя.

— Они не будут вечно держать нас в клетке. Когда Вианд откроет двери, я перекину

боль, и мы побежим.

Она нахмурилась.

— Не лучший план.

— Другого нет.

— Ладно. Скажи, когда придумаешь другой.

— Мы выберемся отсюда, — пообещала я. Она улыбнулась, но вряд ли поверила мне.

Насмешки и броски гнильем прекратились, когда мы попали в другой квартал.

Люди следили за нами, их лица были мрачными и холодными, но из-за людей Вианд, а не из-за нас. Я видела разочарование, поражение. Герцог превратил нас в людей, которые позволяли тащить по городу детей к тому, кто одолел нас.

— Освободите Забирателей!

Данэлло? Крики звучали вокруг нас. Мужчины с дубинками и сетями выбежали из толпы. Они напали на главного стража и бросили в него сеть. Еще больше людей бросилось к лошадям. Айлин, Джован, Бахари, Энзи.

Даже Винвик!

Раздался высокий вопль. Лошади встали на дыбы, передние копыта ударили по рыбакам, пытавшимся набросить на них одеяла. Возница был на земле без сознания. Я заметила Барникова с палкой.

— Видишь? План не нужен. Нас спасут!

Лошади завопили снова, одна лягнула. Клетка содрогнулась, копыта ударили по ней. Конь бился, пытался сбросить с себя наездника. Клетка качалась, как лодка в бушующей воде.

— Толкайте сильнее! — вопил Данэлло поверх шума.

Я закричала, клетка перевернулась, утаскивая лошадей на землю. Тали упала на меня, ее колено ударило меня по голове. Дверь открылась, мужчина вытащил ее. Другой взял меня за руку и поднял на ноги.

Он поспешил увести меня от клетки.

— Нет, там мои друзья, — я пыталась вернуться, но мужчина не останавливался.

Люди Вианд были удивлены нападением, но они не мешкали. Их было все больше, они окружали других мечами и прутами с пинвиумом. Данэлло пытался, закрывая Тали и Айлин.

— Погодите!

Мужчина вел меня по улице.

Прочь от Данэлло и Тали.

Прочь ото всех.

Святые и грешники! Это было не спасение, а похищение.

— Пустите! — я не могла вырваться из хватки. Я била его по руке, но она словно была из камня. Я склонилась и укусила его за плечо.

Он вскрикнул и отпустил меня.

— Ну уж нет, — сказал другой мужчина, появляясь сзади раньше, чем я сделала шаг. Он схватил меня за руки и почти потащил по улице. Вокруг не было ни души.

Они тащили меня в дом в другом конце улицы.

Первый мужчина открыл дверь первого этажа и втолкнул меня.

— Поймали, — сказал он, закрывая дверь за нами.

— Хорошо.

Я развернулась. Там стоял парень, которому было лет двадцать.

— Что происходит? — спросила я, хотя уже знала, зачем меня спасли от Ищейки, но увели от друзей.

— Мы заработали пять тысяч оппа, — он ткнул локтем мужчину рядом с собой. — Видишь, дядя? Я говорил, что это сработает.

ПЯТЬ:

Они хотели приз. Хотели так, что украли меня у Ищейки. Хороший план. Дикий, но хороший.

— А как же девочка, что была со мной? — спросила я, пока руки связывали.

— Не знаю, все равно, — сказал дядя, потирая плечо. — Должна быть свободна. Люди в доках были не рады, что пару Забирателей арестовали.

Парень кивнул.

— Особенно тот парень, да, Фесо? Светлый, высокий. Он называл тебя героем. И он поднял шум.

Данэлло.

— О, да, — Фесо рассмеялся и покачал головой, словно не понимал такого поведения. — Рэсик слушал, а потом улыбнулся.

— Тогда у меня появилась идея, — парень, Рэсик, подмигнул и постучал по виску. — Пусть рискуют, а, если выйдет, мы схватим тебя и уведем из-под их носов.

Эти люди были готовы смотреть, как солдаты сжигают дома, чтобы украсть то, что останется. Сбежать вряд ли выйдет. Боли осталось мало, убежать со связанными руками я не могла. Я не могла рассчитывать на спасение, ведь не знала даже, ушли ли остальные. Вианд могла схватить их всех.

— Что вы сделаете со мной? — спросила я.

— Убьем, — сказал спокойно дядя.

— Голова подойдет им, да? — добавил Фесо. — У нас есть ящик? Будет грязно.

Желудок был готов устроить им грязь сейчас.

— Не нужно так делать.

— У тебя есть пять тысяч оппа? Тогда отпустим.

— Стойте! На плакатах не говорится, что я должна быть мертвой, — они замолчали. — Герцог хочет меня живой. Убьете, и не получите ничего.

Фесо нахмурился.

— Никто не хочет преступников живыми.

— Герцог хочет. Я нужна ему, — я не знала, зачем, но надеялась, что они не спросят. К счастью, они не ударили меня сразу. Я не хотела, чтобы меня отдали герцогу, но так моя голова была бы на плечах.

Было сложно придумать план без головы.

— Не думаю, — Фесо поднял топор, который я не заметила на столе.

Прошу, святая Сэя, нет.

Рэсик вскинул руку.

— погоди, а если она права?

— Голову проще отнести в Басэер, — пробормотал Фесо.

— Нет, если от этого проку не будет, — дядя смотрел на Рэсика, словно мог предсказать будущее по его веснушкам. После долгой минуты он сел за стол рядом с Фесо. — Будет сложнее доставить ее туда, но мальчик прав. На плакатах не было ничего про смерть, а

обычно уточняют. Мы сможем сунуть ее в телегу.

— Но не сможем скрыть.

— Рэсик, — отмахнулся дядя. — Возьми тот ящик. Она поместится.

— Может, проще будет идти? — спросила я.

— Нет, ты убежишь.

— А если я пообещаю не убежать?

— Знаешь, — сказал Фесо дяде, — головы не болтают.

Я замолчала. Рэсик рассмеялся.

— Бери ящик, чтобы мы убрались отсюда.

Это было плохо. Я разглядывала комнату, надеясь, что придумаю идеальный план побега. Один стол, три бандита, три стула, четыре матраса. Окон не было. Только одна дверь. Дядя уже показал крепкую хватку, Фесо был крупнее и шире, у него было столько шрамов, что он явно был не прочь пустить кровь в драке.

Дядя не смотрел на меня. Его голова была склонена над бумагами на столе. Мне показалось, что это карты. Фесо смотрел на меня все время без эмоций.

Он рассмеялся. Если крокодилы умели смеяться, так это и выглядело.

— Она хитрая. Смотри — она планирует побег.

— Нет, — сказала я.

— О, ага. Я видел, как ты озиралась.

— Можно завязать ей глаза, — сказал дядя, не отрывая взгляда от карт.

Фесо встал из-за стола и подошел к матрасам.

— И вставить кляп. Ставлю десять оппа, что она будет кричать всю дорогу, если мы этого не сделаем.

Дядя кивнул.

— Хорошо.

Фесо вытащил из мешка полоски ткани и подошел ко мне. Я не знала, чем были раньше эти полоски, но они не выглядели чистыми и мягкими. Чем ближе он был, тем сильнее я ощущала запах. Что-то кислое.

— Не надо.

— Смотрите-ка, — сказал он, завязывая одну из полосок узлом. — Вредничает. Открывай.

Я покачала головой. Он схватился за мою челюсть, надавил на щеки. Мой рот открылся, он толкнул узел мне в рот, концы полоски завязал за головой. Я скривилась, когда в узел попали и мои волосы.

Фесо улыбнулся и тряхнул второй полоской. Пыль полетела на мою голову. Я задержала дыхание, чтобы не чихнуть.

— Лучше закрой глаза, — он встал за мной. — Эта грязная.

Я зажмурилась, и он завязал мне глаза. Зато так было проще сдерживать слезы.

Стук, приглушенные голоса. Это я слышала примерно час. Я считала минуты, но сбилась на двадцать какой-то, когда кто-то чихнул. Я надеялась, что это Фесо, хотя это не было похоже на отмщение.

Дверь открылась, стук стал громче.

— Почему так долго? — спросил дядя.

— Ящик тяжелый, — сказал Рэсик, что-то хлопнуло. — И там много людей кричат и кидаются. Улицы переполнены.

Руки схватили меня за руку, подняли на ноги, потащили вперед к ящику.

— Хватай ее, — сказал Фесо, руки подхватили мои ноги. Я корчилась, но они схватили меня крепче. Я отыскала плоть, может, руку, и втокнула туда свою головную боль. Мужчина закричал и бросил меня туда, где пахло рыбой и плесенью.

Что-то ударило меня по голове, пока я пыталась встать, и они рассмеялись.

— Лежи, — приказал Рэсик, словно я была собакой.

Крышка закрылась, и свет, что проникал через повязку, пропал.

Он связал мои ладони, но не руки, и я смогла убрать повязку с глаз, а потом и кляп. Рот был сухим, как скамейка. Как только я услышу толпу, я буду кричать.

Один край ящика подняли, я врезалась в другой. Через миг ящик подняли и с другой стороны, и мы пошли. Тихий шум доносился до меня несколько минут, он становился громче с каждым мигом. Я раскачивалась с ящиком, билась о стенки, пока мы спускались по ступенькам. Я слушала, ожидая шум людей, которые могли бы мне помочь, услышав крики. Я молилась, что остальные в безопасности и идут к Барникову.

Голоса вопили команды. Солдаты или стражи.

— Опустите, или арестую, — сказал кто-то, похожий на стража.

— Помогите! — я била руками и ногами по стенками. — Помогите!

Ящик упал на землю. Я билась и вопила, пока нож не появился сверху, задев мою щеку. Я отпрянула и прижала ладонь к порезу. Через миг нож пропал.

— Следующий будет с тяжелой стороны, — сказал Фесо в дыру.

С той стороны, где я спиной прижималась к стенке.

— Я не хочу рисковать деньгами, но головы не пытаются сбежать.

Я молчала, хоть порез покалывало, кровь текла по шее. Пахло копченым, запах неприятно смешивался с рыбой и плесенью. Запах рыбы становился сильнее. Лошади ржали, скрипело дерево, волны били о доски.

Видимо, мы были в домике на причале, там была конюшня. Но лошадей позволяли себе здесь только военные и богачи.

Это не мешало людям переправлять их. У эконома Гилнари была конюшня.

Как только я покину остров, мне конец. Мне нужно было сбежать раньше, чем они доберутся до парома.

Прошу, святая Сэя, сделай что-нибудь. У меня кончились идеи.

Голоса доносились, но я не могла разобрать слова. Может, дядя готовил телегу и лошадей.

— Я помогу с этим, — крикнул кто-то.

— Нет, я держу, — сказал Фесо, ударив по стороне ящика, где была моя спина. — Закричишь, — пробормотал он в дыру, — и все, кто попытаются тебе помочь, умрут.

Через минуту кто-то закричал, и я пошатнулась. Ящик резко встал на бок, и я упала на голову. А потом ящик выправили.

Надежда угасала. Я попала в телегу.

— Она сможет дышать там? — голос был приглушенным, но точно принадлежал дяде.

— Я сделал ей дыру, — ответил Фесо.

— Одной не хватит.

Телега пошатнулась, лезвие ударило в крышку четыре раза, а потом один раз сбоку. Я прижалась к другой стороне.

— Хватит?

— Лучше сделать их шире.

Лезвие вернулось, покрутилось в каждой дыре, пока в отверстия размером с виноградины не полился свет.

— Теперь рад?

— Ага, так она не зажарится. Там не станет грязно?

— Мы же ее не кормили.

Я поежилась, хотя в ящике становилось все жарче. До Басэра четыре, а то и пять дней пути. Я обходилась до этого без еды три дня, не дольше. Я знала тех, кто мог дольше, так что могла надеяться, что смогу, но как долго я проживу без воды?

— Паром грузят.

— Вовремя, — сказал дядя. — Святые, голова меня убивает. Разбуди меня, когда будем на материке. Я посплю.

Дверь скрипнула и закрылась. Телега поехала вперед.

Переданная боль. Скоро ли от нее загустеет кровь дяди? Скоро ли он умрет?

Надежда и вина смешались в неприятный узел в моем животе. Я убила его этим, он еще не знал этого. Я не видела, чтобы они сходили к Целителю. Может, к торговцу болью, но вряд ли они были по пути.

Я должна была ощущать вину. Но он убил бы меня мгновенно. Отрубил бы голову ради денег. И все же целители не убивали.

Крики толпы звучали в моих ушах. Убийца!

Я не была целителем и не могла им стать. Я могла быть или героем, или убийцей.

Простите, святые, но я не чувствовала себя никем из них.

Желудок сжимался от покачивания, меня тошнило от жара и тесноты. Я сосредоточилась на дыхании — вдох, выдох, вдох, выдох — чтобы сдержать тошноту. Я не думала, что Фесо хоть по какой-то причине откроет ящик, даже если будет шумно или начнет вонять.

Щелкнули поводья, покачивания усилились, кони набрали скорость. Если мы попадем в Басэр быстрее, я смогу выжить, но это было ужасно неудобно.

Я билась о стенки, синяки появлялись поверх синяков, порез на щеке открылся. Все болело. Руки и ноги пылали от ударов, спина, казалось, уже не выпрямиться. Зато у меня была боль, которую можно было передать, оказавшись снаружи.

И убить больше людей?

Я сглотнула. Они не были людьми, это были бандиты, убийцы. Это должно было что-то менять, но мне все равно было не по себе. Может, я смогу сбежать без передачи боли. Удавалось раньше, хотя в такой беде я еще не была.

Часы спустя свет в дырах пропал. Телега замедлилась и остановилась.

Шаги.

Кто-то повозился с замком, крышка поднялась. Свежий воздух полился в ящик, я глотала его, как воду. Наступила ночь, и звезды усеивали небо за плечом Рэсика.

— Двинешься, — сказал он, нависая надо мной с ножом, — и я захлопну крышку изо всех сил.

— Не буду.

Он бросил мне флягу с водой.

— Спасибо, — пот лился мне в глаза, но я не вытирала его и не трогала флягу.

Он пожал плечами.

— Все будет напрасно потрачено, если ты умрешь.

— Вы такие бессердечные?

Он опешил от этого, на лице возникло потрясение, потом вина, а потом злость.

— Это дело. Ничего личного.

— Поменяемся местами, и я послушаю твое мнение.

— Ты бы поступила так же.

— Нет.

— Ага, это ты сейчас так говоришь, но попробуй отказаться от предложенного. Это непросто.

Я улыбнулась, ему стало не по себе.

— Я отказывалась и от больших богатств.

— Тогда ты дура, — он захлопнул крышку и запер ящик.

Я вздохнула, сделала глоток воды и наслаждалась остатками свежего воздуха, пока он снова не стал спертым. Может, я была дурой. Где бы я была сейчас, если бы согласилась на предложение Зертаника, опустошила Плиту Лиги и помогла им со Светочем продать ее? Стояла бы в Верлатте, показывая им пустые кирпичи пинвиума и требуя за них целое состояние? Или жила бы без тревог в своем доме с Тали и Айлин?

Скорее всего, я была бы мертва или сидела бы с Зертаником и Светочем в темнице. Лучше уж так, чем то, что задумывал для меня герцог.

ШЕСТЬ

Ящик снова открылся, может, два дня спустя. Я не знала. Небо было серым с красным. Закат.

— Что с ним? — спросил Рэсик, выглядя злым и напуганным.

— Что? — прохрипела я, во рту слишком пересохло.

— Дядя не просыпается. Я знаю, это сделала ты, так исцели его.

Я молчала.

— Скажи, иначе не получишь больше воды.

— Ты... не... — я закашлялась, губы трескались.

Рэсик провел рукой по волосам и огляделся. Он вытащил флягу побольше из кармана и бросил мне.

— Пей и говори.

Я выпила теплую, но хорошую воду. Голова перестала болеть, но остальное тело все равно страдало. Я вручила Рэсику флягу.

— Вам не заплатят за мертвую меня.

Он недовольно застонал и ушел, оставив крышку открытой. Я наслаждалась холодным свежим воздухом. Он вернулся слишком быстро.

— Исцелишь его, и я выпущу тебя из ящика. Будешь в карете с нами.

— Если я исцелю его, это убьет меня, и вы не получите денег.

Он выругался.

— Врешь.

— Вам нужен пинвиум, чтобы исцелять, а его у вас нет, — хотя со мной это не помогло бы, но он этого не знал. — Пять тысяч оппа или жизнь дяди. Выбирай.

Он ударил кулаком по ящику и ушел, ворча. А потом опять вернулся.

— Ты можешь передать боль другому, да? Потому тебя так хочет получить герцог? — он

оглянулся и провел ладонью по верхней губе. — В кого-то как...

Фесо оттащил его от ящика.

— Что ты делаешь?

— Ничего! Давал ей немного воды.

— Держись от нее подальше.

— Буду.

— Я серьезно.

— Я услышал, — Рэсик закрыл крышку, но я заметила, как он с ненавистью смотрел на

Фесо.

Крышка открылась снова, бледный солнечный свет пролился в ящик. Воздух был влажным и чистым.

Меч оказался у моего лица, сияя.

— Ты встанешь, выйдешь из ящика и исцелишь моего дядю, — Рэсик смотрел на меня, но напряженно, словно хотел посмотреть куда-нибудь еще.

— Где Фесо?

— Не переживай из-за него, слушайся меня.

Я села, мышцы горели и покалывали, когда в них полилась кровь. Голова закружилась, и я дышала, пока не стало лучше.

— Скорее!

— Я не двигалась днями, — сказала я, держась за бок связанными ладонями. — Двигаться сложно.

Стоять было сложнее, хотя это было мне на руку. Мне не приходилось изображать, что я падаю. Я встала на ноги и перелезла через край. Ящик склонился. Я упала к ногам Рэсика.

К босым ногам.

Так он убежал от Фесо.

Я схватилась за его лодыжку ладонями и толкнула, отправляя в него все свои боли. Он закричал и упал на ящик, разбив стенку. Его ноги больше не работали, он сорвал крышку с петель, пытаясь встать.

Зато мои ноги заработали отлично. Я не могла передать голод и жажду, так что все равно покачивалась, но боль ушла.

Я схватилась за меч, вонзила его между колен и о лезвие распоролла путы.

— Больно, — стонал Рэсик, сжавшись в комок.

Я не смотрела на него, но все равно ощущала вину. Он хотел убить меня, как и его дядя. Почему меня должны были волновать их смерти?

Я прогнала мысль, разрывая веревки. Мы были у дороги, вокруг были лишь поля. Не было каналов, чтобы нырнуть в них, переулков, чтобы скрыться, деревьев, чтобы спрятаться.

— Рэсик? — сказал Фесо.

Я вздрогнула. Дымок поднимался в небо из-за телеги. Костер. Если они устроились на ночлег, то телега была пустой.

— Лучше бы тебе не быть возле девчонки.

Я встала с мечом и обошла телегу. Я осмотрела ее и нахмурилась. Возницы не было, но лошади щипали траву в пятнадцати шагах, привязанные к палке в земле. Украсть не выйдет. Тяжело ли ехать на лошади? Может, я смогу украсть одну. Я не видела упряжь, на их шеях были лишь веревки.

— Рэсик? Ответь.

Фесо был близко, только он мешал моей свободе. Мои руки дрожали, кончик меча колебался. Был лишь один шанс застать его врасплох. Я помнила уроки Данэлло. Выпад, отбить, броситься.

— Ты... ах, блин, — металл заскрежетал, меч выскользнул из ножен. — Где она?

Рэсик стонал и бормотал что-то неразборчиво.

Я схватила меч крепче и приготовилась к удару.

Сначала появилась тень Фесо, склонилась у края кареты, а потом...

Треск!

Острая боль пронзила мое колено, я пошатнулась и выронила меч. Он вонзился в траву и шатался.

— Хороший удар, — сказал Фесо, вытаскивая меч из земли.

Я перекатилась. Еще один человек стоял за мной, на его плече была длинная ветка. Возница?

— Свяжи ее, — сказал Фесо.

— Я? Я не буду ее трогать.

— Мы не можем оставить ее так.

— Заставь ее залезть в ящик.

— Не могу. Рэсик, балда, сломал его.

— Хорошо, — возница обошел карету. Он вернулся с веревкой. — Если она передаст боль, ты пожалеешь.

Фесо шагнул ко мне и прижал лезвие к горлу.

— Ты же ничего не сделаешь?

— Нет, — я не двигалась, пока мне связывали руки.

— Мы будем в Басэере через пару часов. Я буду держать ее внутри и следить.

Возница поежился от этого, но открыл дверцу. Дядя лежал внутри, бледный и потный. Фесо забрался в карету и толкнул дядю. Он застонал, упав на траву.

Пепельная кожа, впавшие глаза. Он долго не протянет.

— Нужно отвести его к Целителю.

— Зачем? Нам будет больше денег, — Фесо повернулся к вознице. — Бери лошадей. Я слежу за девчонкой.

Мужчина нахмурился, но послушался. Рэсик все еще лежал на траве. На миг я задумалась, поднимут ли его.

Фесо махнул мечом на меня, а потом на открытую дверцу. Я забралась внутрь и села. Фесо залез следом, не убирая меч.

— А теперь, — Фесо склонился ближе, — обсудим правила. Заговоришь, убью. Попытаешься сбежать, убью. Двинешься, убью. Слушаешься, иначе убью. Кивни, если поняла.

Я кивнула.

— Хорошо. Правила работают.

Я слушалась до Басэера. Пейзаж за окном не менялся, зеленые поля и фермы тянулись вечно. Я не могла даже представить, сколько людей кормили эти поля.

Полуденное солнце нависало над нами, когда мы добрались до стен города. Золотые камни пропадали вдаль, они были выше многих зданий Гевега, может, в тридцать или сорок футов. Через каждый несколько сотен ярдов возвышалась башня.

Справа, между городом и рекой, была какая-то военная крепость. Прямоугольная, с

широким рвом вокруг нее. Бараки стояли аккуратными рядами. Вооруженные солдаты окружали стены и башни.

— Это была армия герцога?

Карета замедлилась у ворот, высоких, с широкими прутьями. Я видела не меньше пяти солдат, но могло быть больше.

Один солдат подошел к дверце. Она открыла ее с рукой на мече.

— Дело?

— Доставляем преступницу для награды.

Она посмотрела на меня и кивнула.

— Выведите ее.

Фесо съехал с сидения и потянул меня за веревку.

— Выходи.

Я выбралась с изяществом лягушки.

— Сюда, — женщина повела нас к станции стража. Доски с плакатами висели позади. Разные лица, и мое тоже, смотрели на меня.

— Вон она, — указал Фесо.

Солдат замерла и сняла плакат.

— Держите ее, пока я пошлю кого-нибудь за судьей, — она позвала солдата. Они быстро поговорили, поглядывая на Фесо, а потом второй солдат помахал нам.

— За мной.

— А моя карета? — сказал Фесо.

— Скажите проезжать. Он увидит, где можно остановиться.

Мы прошли врата. Мое горло сжалось, словно один воздух тут был ядовитым.

Басэер. Я в Басэере.

Посреди огражденной площадки стояла квадратная клетка. Солдат открыл ее и жестом поманил меня внутрь. Я прошла туда и опустилась на холодный каменный пол. Вот тебе и приветствие.

— Может, это было предупреждением для всех, проходящих врата, — слушайте, или платите по заслугам.

— Скоро мне дадут деньги? — спросил Фесо. Ему, а не им. Бедняга возница этого не слышал. Он точно повторит судьбу Рэсика и дяди.

— Я не знаю расписания судьбы, — сказала солдат. Она указала на скамейку у клетки. — Ждите здесь.

Фесо сел, вскоре пришел и возница. Люди, телеги, кареты проходили и катились мимо нас, редкие смотрели в мою сторону. Я подозревала, что у них часто кто-то сидел в клетке.

Я тихо сидела, опустив голову, словно боялась или была слишком слаба. Это было недалеко от правды, но я могла немного двигать запястьями. Если повезет, я смогу высвободить руку. Я не знала, что делать потом, но начинать нужно было с малого.

— Почему так долго? — сказал Фесо через час. Он вскочил на ноги. — Так сложно посчитать монеты и сложить их в сундук?

Он, наверное, не пытался считать пять тысяч раньше.

Возница так не тревожился.

— Им нужно найти стражей, чтобы увезти деньги. Воры-басэери будут действовать при любом шансе.

Этого я не знала. Я думала, что они тоже басэери.

— Эй, — позвал Фесо солдат у ворот. Та же женщина оглянулась. — Когда он придет?

Она пожала плечами.

— Ненавижу этих людей.

Солнце спускалось по горизонту, когда подъехала карета.

— Вовремя, — проворчал Фесо. Возница зевнул и остался на скамейке.

Дверца открылась, вышел мужчина в броне. Но не в обычной серебряной кольчуге, какие носили солдаты в Гевеге. Эта была темной и выглядела тяжелее.

А потом появилась женщина.

Вианд.

— Деньги мои привезли? — Фесо упер руки в бока?

— Твои? — сказала она, улыбаясь, как кошка. Второй мужчина в броне вышел из кареты, со скамейки возницы спустились еще двое. Женщина-солдат отошла от ворот с мужчиной, с которым говорила раньше.

Я подозревала, что никто из них не был судьей, а солдаты на воротах работали на Вианд. Зарабатывали так.

Фесо опустил руки и напрягся. Возница понял, что что-то не так, потому что встал со скамейки. Вианд подошла к ним, ее телохранители в броне не отставали.

— У меня их деньги, — она вытащила мешочек и бросила женщине-солдату. Она поймала его одной рукой и кивнула. — Благодарю еще раз.

— Всегда рады.

Фесо сжал кулаки.

— Пытаетесь обмануть меня?

— Украл мою вещь и обвиняешь меня в обмане? — цокнула Вианд. — Я забираю свою добычу.

— Сначала мои деньги.

— Это мои деньги.

Фесо пошел к ней с ножом в руке. Он всадил его по рукоять в ее бок, она закричала, пальцы прижались к животу. Кровь пропитала ткань.

Возница выхватил меч, а люди Вианд достали свои. Все, кроме...

Один из мужчин в броне упал на колени, прижал ладонь к ране Вианд, а другую — к ее лбу. Он сощурился, скривился, а потом его щекам вернулся цвет. Он прижал окровавленную руку к броне.

К голубоватой броне. Как и пинвиума.

СЕМЬ:

Святые и грешники, солдат-целитель в броне из пинвиума! Это герцог делал со своими целителями? Учил их убивать?

Это было отвратительно. Это было... Я поежилась. Ужасно. Как убить солдата, который может исцелять свои раны и толкать боль в броню? Таких не остановить.

Фесо и возница умели сражаться, но это не было важно. Нож Фесо попал в брешь брони, пустил кровь, мог задеть органы, но солдаты-целители толкали боль в пинвиум и дальше сражались. Они не уклонялись, не были на ногах такими легкими, как Фесо.

Им и не нужно было такими быть.

Другие помогли Вианд встать на ноги. Она была бледной, но стояла. Они смотрели на солдат-целителей, как и пара солдат у ворот. Почему они сражались за Вианд? Она не могла нанять их. Герцог не выдал бы никому такое оружие. Он помогал Вианд? Но почему? Нельзя было просто платить ей?

Возница закричал и упал. Солдат-целитель одолел его, он улыбнулся, словно получал от этого удовольствие.

Никто не мог выстоять против герцога с такой армией. Никто.

Я сильнее и быстрее дергала руками, пытаясь высвободиться, пока солдаты убивали Фесо. Кожу ранило, но веревки не поддавались. Я терла их о каменный пол, о край сандалии, обо все, что казалось острым.

Фесо неплохо сражался, но победа ему не светила. Он попытался бежать, но солдаты догнали его и сбили. Вианд улынулась и шепнула что-то человеку рядом с собой. Он сделал записи в книжке, которую я до этого не видела.

Я выдохнула. Это была проверка? Герцог дал Вианд солдат, чтобы посмотреть, какие они в бою? Какой была ее власть?

Солдаты двигались и покончили с Фесо. Он не кричал, только выдохнул с болью и упал. Вианд кивнула, удовлетворенная выступлением солдат.

Это было хуже рядов начиненных болью Забирателей в Лиге. Хуже мятежей, сражений, избиений. Если герцог направит этих солдат на Гевег, мы не выживем. Будет как с Сориллем. Мы умрем не от огня, а от рук тех, кто должен был исцелять нас.

Вианд щелкнула пальцами, и ее люди унесли тела за кареты, дальше мне не было видно. Она подошла ко мне, показывая на окровавленную форму.

— Смотри. Испорчено. Кровь не выведешь, — но она говорила не так легко, как хотела, я уловила напряжение в ее голосе. От такой раны нужно оправиться, даже если ее сразу исцелили.

— Думаю, вам нужно это сжечь.

— Наверное, ты права, — она нахмурилась и вытерла пальцы о штаны. — Продолжим с того, на чем закончили?

— Где моя сестра?

— Думает над самым важным решением в своей жизни. Трата времени.

— Где она?

— Думаешь, я расскажу? — она вздохнула. — Я думала, ты умнее.

— А мои друзья? Вы их поймали? Можете хоть это мне сказать?

Она пригладила блестящие волосы.

— Я понятия не имею, с кем твои друзья. Если они были частью того неуклюжего спасения, то — да.

— Они здесь?

— Хватит вопросов. Идем, — Вианд махнула стражу у ворот, и он отпер клетку. Солдаты-целители шли за ней, следили за мной тяжелыми взглядами, словно ждали нового боя. Они могли оказаться такими же, как солдаты басэери, могли начать унижать меня, толкать и подставлять свою броню.

Сколько боли в том пинвиуме? Фесо сильно боролся, нанес много ударов. Крупный забрал рану Вианд, а удар по животу болел ужасно. Я встала на ноги, шатаясь. Я впилась в прутья, но удержалась.

— Ужин требуется, да? — отметила Вианд. — Они тебя вообще кормили?

— Нет. Они заперли меня в ящике, — я делала вид, что глубоко дышу, приближаясь к солдату крупнее. Я могла бы забрать его, Вианд и, может, даже ее возниц и солдата у ворот.

Вианд фыркнула.

— Аматоры.

Я осторожно шагнула, позволила ногам подогнуться. Я рухнула вперед, вытянув руки, словно пыталась остановить падение. Ладони хлопнули по броне из пинвиума. Я представила, как одуванчики разлетаются на ветру.

Вжих!

Боль вспыхнула. Люди закричали. Вианд визжала от боли, все вокруг нее рухнуло. Она упала на миг позже. Я побежала в толпу, ноги дрожали, но держали меня. Но они долго не продержатся, мне нужно было скорее найти укрытие.

Я не слышала, что стражи с врат идут за мной, но они бежали. Скоро последует и Вианд, как только сможет двигаться.

Я не знала, куда идти. Улица была узкой, телеги были у высоких зданий из такого же золотого камня, как стена. Яркая черепица разных цветов была прикреплена к камню, не получалось понять, где заканчивалось одно здание и начиналось другое. Ставни были такими же яркими, на них было больно смотреть. Я потянула за ставни, надеясь проскользнуть туда, но они были лишь украшением, а не настоящим окном. Дерево, прибитое к стене.

Я шла дальше в шум и хаос. Здания были пяти — нет, шести — этажей в высоту. На верхних этажах были балконы, но на нижних — нет, а у меня все равно не хватило бы сил, чтобы залезть туда. Я не видела переулков. Здания были прижаты друг к другу, улица, казалось, тянулась милями.

Словно весь город обрушился на меня.

Быстрые вскрики и движение было в толпе позади меня, и это говорило, что солдаты приближались.

Мальчик пробежал мимо в толпу. Еще трое гнались за ним. Они пропали через миг, скрытые толпой.

Уличные дети. Они всегда знали, где спрятаться.

Я следовала за ними, бежала мимо женщин в красивых платьях, мужчин с расшитыми жилетками без рубашек. Мимо детей с лентами на головах. У одного мужчины на плечах была змея толщиной с мою ногу. Люди толкали меня, я толкалась в ответ. Никто не извинялся, но они не кричали. Никого не беспокоили веревки на моих запястьях.

Уличные мальчишки бегали среди лотков, пригибались под коврами со странными узорами. Я оттолкнула ковер и полезла за ними.

Там была дыра, может, заброшенный магазин. Темный, пахнущий корицей, тесный. Место было прижато к зданию, его могли не заметить снаружи. Я увидела еще одну небольшую дыру в нескольких футах впереди. Тихие шаги, смех. Страх гнал меня туда, но кто знал, что я найду на другой стороне?

Крики и вопли доносились с улицы. Топот тяжелых сапог. Вопили приказы.

— Плевать! Найдите ее! — сказала Вианд, звуча разъяренно. — Пусть стражи запрут врата. Наймите больше людей, проверьте все улицы. Верните ее.

Я прижалась к стене, а потом развернулась и провела пальцами по сломанным кирпичам вокруг проема. Не так хороши, как нож, но все равно неплохо. Я потеряла веревки о края, пока не заболели руки.

Я почти разорвала первый виток, когда в проеме раздался шорох. Я застыла на миг, а потом отошла от дыры. Здесь не было места, чтобы спрятаться, но если я не буду шуметь, а мальчик будет спешить, он меня не заметит.

Шорох становился громче, я изменила план. Он не сможет меня пропустить. Слепой кот нашел бы меня здесь. Я схватила кусок кирпича и подняла руки.

Темная голова выглянула.

— А-а-а! — он отпрянул.

— Прости, — я выронила кирпич. — Я тебя не обижу.

Он не двигался, а лежал, закрыв лицо одной рукой.

— Мне нужно укрытие. Но я скоро уйду, обещаю.

Рука опустилась.

— Ты меня напугала.

— Прости. Ты тоже меня напугал.

— Правда? — он улыбнулся. — Никто еще меня не пугался.

— А я испугалась

Он кивнул, довольный собой. Не за ним я бежала по улице, он был младше, ему было восемь или девять.

— Кто тебя связал?

Я запнулась.

— Солдаты.

— Они так делают. Ты воровала?

— Нет. Меня украли.

Он рассмеялся.

— Таких я еще не встречал. Разрезать? — нож сверкнул в тенях.

Я вытянула руки.

— Да, спасибо.

— Ты забавно разговариваешь, — сказал он, разрезая веревки.

— И ты.

Он рассмеялся. Веревки упали.

— Спас...

— Шшш! — он прижал палец к моим губам и склонился к коврам. Было слышно уверенные шаги. Дерево затрещало, мужчина выругался и закричал:

— Не ходите по моим товарам!

— Мы можем искать, где хотим. Назад.

— Опустить это!

Металл звякнул о металл.

— Мы всегда можем повесить тебя.

Тишина, а потом шум продолжился.

— Это Бессмертные, — прошептал мальчик.

— Солдаты в броне из пинвиума?

Он кивнул.

— Иди сюда, — он тихо направился к дыре. Я — за ним.

Тьма поглотила нас, и только дыхание мальчика давало мне понять, что он передо мной. Через какое-то время свет появился, и проход открылся в кладовой, старой, заброшенной, с плесенью на стенах.

— Нам лучше убираться отсюда, — сказал он, вытаскивая ключ и отпирая дверь на дальней стороне. — Лучше всего это делать тебе.

— Куда ведет эта дверь?

— Площадь фонтана. Это дальше врат улицу Экет, так что тебя не найдут, — он приоткрыл дверь и выглянул. — Быстро иди, пока не стемнело.

— Мне некуда идти.

Он нахмурился и покачал головой.

— С нами остаться нельзя. Иеста не одобрит. На улице Мораат больше всего закрытых окон.

Я вышла в свет заката.

— Куда?

— Вниз. Третий квартал справа, — он указал на широкую улицу со складами. Улица выглядела так же, как та, с которой мы ушли. Телеги торговцев, толпа людей, и не было мест для укрытия.

— Спасибо.

— Святые тебя уберегут, — он запер дверь и побежал в толпу. Я боялась двигаться.

Я никогда не видела столько людей! Казалось, весь Басэер был на улице. И это были не только люди. Корзинки с курами, гуси и утки щелкали клювами, птицы чирикали. Клетки с яркими птицами висели над ящиками с разноцветными ящерицами. Женщины ходили с собаками на поводках, даже с обезьянами на плечах.

Я не видела патруля, но они могли появиться внезапно. Может, они были на другой стороне врат, как говорил мальчик. Он явно говорил не о главных вратах. Может, город был разделен вратами на части, как каналы разделяли Гевег.

Мой желудок трепетал и не только от голода. Если здесь были врата, солдаты проверяли, кто в них проходил. Я могла попасться там.

В Басэере.

Я обняла себя, стало холодно, несмотря на жар. Несколько человек смотрело в мою сторону, чем дальше я там стояла, тем больше оборачивалось. Я прошла в толпу. Люди замечали, видимо, когда здесь не двигались.

Высокий мужчина с картинками в руках, задел меня локтем. Я пригнулась и врезалась в женщину с корзинкой на плечах. Крышка съехала, выпало немного груш. Я поймала их и спрятала за спиной, но она не обернулась.

Я шла сквозь толпу к ярко-красному зданию, а потом села за ящиками. Я ела сладкую грушу. Коричнево-золотистый кот смотрел на меня из-под телеги, его полосатый хвост подрагивал. Я заинтересовала только его. Я бросила ему кусочек груши. Он понюхал его, схватил зубами и убежал под телегу.

После еды мне сразу стало лучше, хоть силы так и не вернулись. Мне нужно было больше еды, что-то попить и место для сна. Когда стемнеет, можно попробовать забраться на склад. В фонтане была вода, но еду нужно было украсть.

Вокруг было много торговцев, они не следили за товарами. Все были сосредоточены, зазывая покупателей. Я пересекла улицу, задержалась у прилавка с копченым мясом, торговец обещал, что его зайчатина могла сделать вас моложе. Он развернулся, чтобы отдать старушке корзинку еды, и я схватила горсть полосок мяса и побежала в толпу. Я сделала так и у прилавка с хлебом, забрала три маленькие булочки с края прилавка.

В Гевеге таких беспечных торговцев не было.

Я жевала, пока шла, радуясь, что хлеб оказался с сыром и фруктами. Я добралась до фонтана, в честь которого называли площадь. Каменная скамейка окружала фонтан, но площадь была тихой. Несколько человек сидело возле улицы. Я села с другой стороны, радуясь шансу отдохнуть.

Я зачерпнула рукой воду и сделала глоток. Гадость. Но хотя бы мокрая.

Я выпила и доела хлеб. Мясо я решила приберечь для завтрака.

Колени все еще дрожали, но теперь я могла бежать, не боясь упасть.

Тени пересекли улицу, когда солнце скрылось за домами. Люди спешили, прижимая корзинки к груди. Я искала солдат, но увидела только человека, зажигающего фонари. Он не спешил, а когда стемнело, оранжевые огни озарили улицу, как жемчуг. Я осталась одна.

Мне это не нравилось. Я привыкла, что со мной Тали или Айлин, а город полон остальных. Я привыкла ходить с Данэлло вдоль каналов. Я подняла голову и смотрела на пустые улицы и высокие здания. Тали была где-то там, как и Айлин с Данэлло. Кто-то должен был знать, куда герцог уводит Забирателей, куда ищейки забирают пленников.

Мальчик мог знать. Если я найду путь к двери кладовой, я смогу его дождаться. Если он не знает, могут знать его друзья. Такие группы были и на улицах Гевега. Мы с Тали недолго были в одной, когда мне было десять, когда нас только выбросили из дома.

Я ушла от фонтана, шаги казались громкими на каменной улице. Было очень тихо. Никаких волн, никаких птиц, никакой музыки. Было... жутко. Каждый шаг разносился эхом, словно кто-то шел со мной.

Я склонилась и сняла сандалии. Я услышала, как шаги приближаются сзади.

Сердце колотилось. Идти было некуда. Здесь были лишь здания, стены и поддельные ставни вместо окон. Ближайшие кусты были слишком низкими, чтобы спрятаться. Я побежала к фонтану и юркнула за каменную лавочку.

Кто-то бежал в мою сторону, быстро дыша. Может, не один. Из-за эха было сложно понять. Тяжелые шаги ударили по земле, раздался плеск и смех.

— Не нужно было убегать, девчонка!

ВОСЕМЬ:

Все инстинкты говорили мне двигаться, бежать, делать что-нибудь, но я не спешила. Я услышала, как плоть ударяет плоть, девушка вскрикнула, а потом послышался стук.

Последовал смех.

— Когда бежишь, только хуже, — сказал юноша. Наверное, из уличных. Звучал как лидер. — Нужно было отдать сумку, но теперь нам придется тебе навредить.

Стук, скуление.

Не двигаться.

Я зажала руками уши, но пережила слишком много избиений, так что звуки знала. Девушка вскрикивала от страха и боли. Я подвинулась под скамейку, чтобы увидеть. Их было трое: два парня и девушка. Всем было около шестнадцати. Еще одна девушка лежала на земле, рядом была сумка.

Лидер склонился к сумке.

— Нет, прошу. Это мне нужно, — сказала девушка, потянувшись к ней.

— Нам нужно сильнее, — он ударил ее, она сжалась в клубок.

— Вам не будет от этого прока!

— Все можно продать, — он наступил на ее ногу. Она закричала, что-то хрустнуло. —

Может, даже тебя.

Я встала на ноги. Они были спиной ко мне, били девушку. Убивали ее.

Она была басэри. Она не стала бы мне помогать.

Возможно, но беспорядки были во всех городах.

Я ударила первого раньше, чем он меня заметил. Ударил по колену сзади.

Он упал, держась за ногу и вопя. Я едва слышала его, много голосов гремело в моей голове.

Тали: «Помоги девушке и беги».

Айлин: «Не лезь в это и прячься».

Данэлло: «Перекались и ударь сзади».

Я пригнулась и выбила ноги нападающей девушки из-под нее. Она сильно ударилась о камень и закричала.

Лидер уже двигался, когда я вскочила на ноги. Он занял боевую стойку и смотрел на меня с опаской.

— Подруга нашлась?

— Оставьте ее в покое.

— А то что? Толкнешь меня и оставишь синяк?

— Я убью тебя, — я улыбнулась так, как улыбалась Рэсику. Я надеялась, что это пугало. — Только умрешь ты не сразу.

Он рассмеялся.

— Я не вижу при тебе оружия.

— Может, я и есть оружие.

Второй парень уже был на ногах и помогал девушке. Она прижала ладонь к спине, слезы катились по ее лицу. Лидер даже не взглянул на них.

— Думаю, ты врешь, — сказал он.

Я пожала плечами.

— Тебе будет хуже.

— Иеста, погоди, — другой парень коснулся его руки.

Иеста? Это была та же группа, из которой был тот милый мальчик, спасший меня? Вряд ли они помогут мне найти Тали и остальных.

— А если она одна из них?

Иеста замешкался, а потом рассмеялся, но уже не так уверенно.

— У нее нет брони. Она не может нас ранить.

Я приблизилась к скулящей девушке. Она была в сандалиях, ноги ее были обнаженными и близко. Я надеялась, что Иеста оставит нас в покое, но он явно не собирался оставлять драку. Он выглядел вспыльчивым. А такие люди ошибались чаще.

— Боишься девочки, Иеста? — я не могла прогнать его, значит, придется его ранить. Нет, не ранить. Убить. Они не могли получить исцеление, даже их лидер.

Бегите.

Он перестал расхаживать и пронзил меня взглядом. Другой парень покачал головой.

— Видишь? Она хочет боя. Ни одна девушка не решалась на такое.

Иеста фыркнул.

— Или она хочет, чтобы я так думал.

Он бросился. Я схватила его за руку, выкрутила, как показывал Данэлло, и бросила на камень. На его лице было удивление, он лишился дыхания.

Попался.

Он вскочил и напал снова. Я не попала, и он сбил меня, зажал коленями.

— Только болтать и может, — сказал он, раскрывая нож. Он направил его ко мне. Я схватила его запястье, остановила нож и схватилась другой рукой за ногу девушки. Кожа коснулась кожи, моя нога запылала. Я забирала боль, ее нога была сломана. А еще треснули ребра, были сильные синяки. Иеста завопил, когда я втолкнула все это в него.

— Помогите! — Иеста отполз с огромными глазами, его лицо побелело. Другой парень маячил в стороне, будто боялся приближаться ко мне.

— А если она...

— Забери меня отсюда!

Парень подхватил его под руки и потащил по улице, пока лидер не закричал и не начал бить его по руке. Он поднял Иесту на ноги и обхватил рукой его пояс. Они хромали в ту сторону, куда убежала девушка. Наверное, на склад, где я была раньше.

Он умрет там, скорее всего. Мне стало не по себе, но я глубоко вдохнула.

Выбора не было. Я предупредила его, просила оставить нас. Он бы убил меня и девушку, если бы я не передала боль. Так ведь?

Я прогнала вину.

— Ты в порядке?

Она не ответила, на лице был такой же страх, как у Иесты. Она попятилась, царапая сандалиями камень.

— Я тебя не трону, — сказала я, вскинув руки. Она смотрела на мои ладони, судорожно дыша. Я спрятала их. — Я хочу помочь.

— Я... они... — она облизнула губы, посмотрела на сумку и выпавшие из нее вещи.

Синяя форма басэери.

Я попятилась. Она была военной. Она была с герцогом. Святые, я помогла одной из тех, кто хотел убить меня.

Я замерла, глядя на нее, пока она смотрела на меня. Мы обе боялись друг друга. Она не могла быть солдатом, была слишком напугана. Она тоже боялась форм, хотя именно она их несла.

— Я не из Бессмертных, — тихо сказала я.

— Но ты как они.

— Не совсем. Я могу исцелять.

— И не только, — она посмотрела туда, куда ушел Иеста.

— Да, вот так, — она издала нервный смешок и попыталась встать. Может, ее еще не исцелили. Я видела, как люди становятся растерянными после первого раза.

Ее страх вернулся.

— Что ты со мной сделала?

— Ничего. Только исцелила. Ты была сильно ранена, дай телу время преодолеть шок. Через минуту будет лучше.

Она потерла ногу.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Она немного успокоилась и начала прятать форму в сумку. Я подобрала одну и протянула ей.

— Спасибо, — ее голос дрожал. — И спасибо, что помогла и исцелила. Я знаю, что не

стоит ходить в темноте, но я должна была... — она посмотрела на формы и покачала головой.

— Все хорошо. Сегодня они вряд ли вернутся, — я прошла к кустам, где было еще больше упавших форм. Я подобрала их и оглянулась на девушку. Одну я спрятала за ветвями, а остальные протянула ей. — Думаю, это последние.

Она сунула все в сумку.

— Тебе здесь тоже не стоит быть, даже если ты... — она замолчала.

— Опасна?

Она замешкалась, а потом улыбнулась.

— Другая. Уже комендантский час, здесь опасно.

— Я заметила, — я помогла ей встать, она не упала. — У меня нет выбора, — сказала я. — Я пытаюсь найти друзей. Их поймал ищейка.

Она закрыла рот ладонью.

— Не пытайся найти их. Они ушли.

— Я не могу так.

— Но... — она вдохнула и смотрела на звезды, а потом отвела взгляд. — Никто не уходит от ищеек.

— Я ушла.

Она ничего не говорила, но я видела, что она была впечатлена. Она забросила сумку за плечо.

— Может, тогда ты сможешь забрать их. Но я бы не пыталась. Особенно, на твоём месте.

Она была права. Но мне было все равно.

— Я должна попробовать, — сказала я. — Ты знаешь, где держат пленников?

— На улице Кельдерт есть тюрьма, но они могут быть и не там.

— Тогда где?

— Они у него, — она указала на здание, которое я не заметил раньше. Оно было на холме вдали. Высокое, прочное, с оградой.

Замок герцога. Туда попасть будет сложно, но я могла проверить тюрьму.

— Мне нужно идти, — сказала она. — Спасибо и удачи, хотя я думаю, тебе стоит поискать укрытие и забыть о друзьях.

Никогда.

— Где улица Кельдерт?

— В той стороне. Пять кварталов вниз, поверни направо на площади со статуей герцога. Иди по той улице, пока не увидишь справа пивную «Сломанный нос». Это Кельдерт. И тюрьма через несколько домов.

— Спасибо. По пути есть врата?

— Нет. Врата Северной части за тюрьмой. А мне пора, — она виновато улыбнулась и убежала в ночь.

Я прошла к кустам и забрала форму. Так в тюрьму попасть будет просто.

Я повернула не там, и мне пришлось вернуться, но я довольно быстро нашла тюрьму. В отличие от остальных зданий, это стояло среди примятой травы, кирпичное здание выглядело как печь, в которой обжигали горшки. Из земли торчали колышки, но лошадей там привязано не было.

Дополнительные лампы озаряли улицу, свет показывал решечные окна. Я заметила

узкие окна у крыши, но я не смогла бы пролезть туда или забраться так высоко. Подойти могли только окна у двери.

Мне было не по себе от платформы за зданием. Четыре виселицы стояли пустые, петли покачивались на ветру. Видимо, сюда уводили пленников, которые не были Забирателями. Мне нужно было забрать Айлин и Данэлло оттуда.

Я скрылась в тени в стороне и надела форму. Она была мне большой, рукава — слишком длинными, штаны сморщились. Я закатала форму на поясе, чтобы она лучше сидела на мне, но все равно выглядела так, словно играла, меряя одежду мамы.

Я шла вдоль зданий, пригибаясь, держась тени. Если я смогу заглянуть туда, то пойму, обычные там стражи или Бессмертные. Я надеялась, что внутри не было ищеек, что ощутили бы меня, как Вианд на пристани. Тогда будет все равно, в чем я.

Я замерла у последнего угла перед открытым двором. Сорок шагов тянулись между мной и тюрьмой. А потом, возможно, дюймы между мной и стражами у окон.

А если они видели меня? Я осмотрела тускло освещенные улицы. Две вела в противоположные стороны, одна к воротам, так что сбегать там не вышло бы. Еще одна вела к фонтану. Там было несколько огражденных садов, несколько деревьев, куда можно было забраться. Может, стоило учитывать и фонари.

Только бы спасти их.

Сейчас или никогда. Жизни Данэлло и Айлин зависели от меня. Я пробежала через двор и прижалась к теплему кирпичу. Никто не выбежал из тюрьмы или другого здания. Может, будет несложно. Если я буду тихой, буду в тених. Тогда меня не будет видно изнутри.

Я склонилась и пошла к окну. Еще пара шагов, и...

Руки схватили меня сзади, рука в перчатке зажала мой рот.

Было слишком просто.

ДЕВЯТЬ:

Я извивалась, пыталась ударить по колену. Мои пальцы впились в руку, но она была покрыта плотной кожей, как и перчатка у моего рта. Я боролась все равно, хотя меня тащили за угол к виселицам.

Мои ноги коснулись кирпича. Я толкала человека, держащего меня, чтобы мы отступали назад. Мы упали, и руки отпустили меня. Я перекатилась, вскочила и...

Я знала это лицо. Я замерла, но сердце колотилось.

— Джеатар?

Я не видела его, после того как он покинул Гевег, вскоре после того, как он вынес меня из разбитой Лиги и спрятал в доме Зертаника. Он сказал, что продолжит работать на герцога, но я не понимала, что он ушел к Басэер.

Он сел и уперся руками в колени.

— Это ты.

— Что? Как? — я глубоко вдохнула, чтобы успокоиться. Инстинкт просил меня бежать, прятаться, но я была рада Джеатару. Я уже не была одна.

— Ним рассказала нам, что случилось с уличными хулиганами, — начал он, встав. — Когда она встала, что девушка исцелила ее и передала боль. Я знал, что это ты. А потом мы поняли, что одна форма пропала, и Ним сказала, что ты спрашивала об этой тюрьме. Я знал только одного глупого Преобразователя, способного пойти туда. Я поспешил, чтобы остановить тебя.

В чем Джеатар участвовал в этот раз? Еще одна тайная миссия консорциума пинвиума?

— То вы здесь делаете?

— Я живу здесь, помнишь?

— Вы мне не говорили.

— Уже сказал. А что здесь делаешь ты? — он скрестил руки, до локтя закрытые кожаными перчатками кузнеца. Он был с длинными рукавами, высоким воротником, открытой кожи было очень мало.

Я улыбнулась.

— Думали, я передам боль вам?

— Я знал, что ты будешь бороться, если я не успею предупредить тебя. Отвечай.

— Я думаю, что Айлин и Данэлло в тюрьме. Их поймала ищейка, когда они пытались спасти меня, — я быстро рассказала ему о похищении и вспышке брони Бессмертного. Я не стала упоминать Рэсика или дядю.

— Я слышал об этом днем. У нас есть те, кто следят за Бессмертными, — он нахмурился. — Тогда я начал подозревать, что ты здесь.

— И Тали.

— Ее поймали, или она последовала сюда за тобой? — спросил он. Его взгляд мне не понравился.

— Поймали. Ищейка сказала, что она принимает какое-то решение.

Он закрыл глаза на миг, а потом открыл.

— Тогда мы еще можем ее спасти.

— Вы знаете, где она?

— Возможно. Пленным Забирателям дают пару дней на выбор. Учиться в лагерях или работать на Виннота, — он нахмурился.

Я едва дышала, ноги были готовы бежать.

— Он все еще проводит эксперименты.

— Мы думаем, что он делает не только это.

— Нам нужно забрать ее оттуда. Где ее держат?

— Скорее всего, в одном из защищенных зданий у главных ворот. Попасть туда непросто, но если мы отправимся сейчас, можем застать ее до того, как ее переведут. Иначе к утру ее там не будет. Из лагеря забрать ее будет невозможно. Найти ее будет проще, если она выберет Виннота.

Я покачала головой.

— Это она точно не выберет, — не после того, что Виннот сделал с ней.

— Если они решат, что она слишком юна для сражений, у нее не будет выбора.

Я не хотела думать об этом.

— Лагерь. Это то, что я видела у входа?

Он кивнул.

— Там большая часть армии герцога. Защита города в цитадели в пределах его замка.

Я не могла попасть туда, не будучи в армии. Я посмотрела на виселицы.

— А Айлин и Данэлло?

Он замер.

— Пленников решили повесить завтра.

— Нужно спасти их этой ночью.

— Прости, но будет сложно убедить остальных помочь Тали. Они не станут делать все

сразу.

Остальные. В моей голове было слишком много вопросов и страхов. Я не могла оставить Айлин и Данэлло здесь, если их казнят завтра.

— Если Тали отправится в лагерь, — начала я, произносить эти слова было сложно, — она будет в порядке?

Джеатар смотрел на меня, словно я предложила повесить ее.

— Мы не сможем забрать ее из лагеря. Он внутри крепости, она сильно защищена.

— Ее не ранят и не убьют? — сердце разбивалось.

— Ты видела Бессмертных. Ты знаешь, что они делают, — он печально посмотрел на меня. — Не все хотят переживать эту боль или выливать ее на других. Но их такими делают. Они искажают разум и создают оружие для герцога. Как долго Тали там продержится?

Я не знала. Она бывала упрямой. Она знала, как получить желаемое. Она пыталась быть храброй, но я защищала ее почти всю ее жизнь. Она и половины того, что я пережила, не видела. Святые, о чем я думаю?

— Ниа, если хочешь спасти ее, нужно идти сейчас.

Спасение Тали означало смерть Айлин и Данэлло. Спасение их подвергало опасности Тали. Ее дух Целителя. Пять лет оккупации басэри не смогли ее сломить. Не сможет и Виннот. Она продержится дольше, чем Айлин и Данэлло.

— Нет, — сказала я, с трудом себе веря. — Я должна спасти друзей. Они умрут завтра. Тали еще будет жива. Я нужна им сильнее. Я не могу уйти и оставить их здесь.

Он долго молчал.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Ты не можешь просто пройти туда в этой форме. Туда влезут две такие, как ты. Я посмотрела на него. Высокий, широкие плечи, вдвое больше меня.

— Вам подойдет.

— Нет.

— Можете притвориться ищейкой, привести меня. Мы сможем дойти до камер.

— Нет.

Я сняла мешковатую форму и поправила свою одежду.

— Вот.

— Ты меня не слушаешь.

Я уперла руки в бока и серьезно посмотрела на него.

— Джеатар, вы меня знаете. Почему вы решили, что сможете отговорить меня?

Он смотрел на меня, его взгляд был серьезнее моего. Я протянула форму. Он выругался и забрал форму из моей руки.

— Если нас схватят, я сам отдам тебя герцогу, — он натягивал форму.

— Нет.

Я не расслышала его ворчание сквозь одежду, но я бы и не хотела это слышать.

— Все будет хорошо, — сказала я. — Вы введете меня, словно арестовали. Мы пройдем к камерам и поищем Айлин и Данэлло.

— Думаешь, все так просто?

— Да, — должно быть. Если будет сложнее, мы не справимся.

— Угу, — он указал на мои запястья. — Я арестовал тебя, а ты не связана?

Хмм.

— Я могу держать руки так, — я сжала кулачки и прижала запястья.

Он вздохнул и покачал головой.

— Погодите, — я посмотрела на веревки на виселице. — У нас есть нож?

Он вытащил один и дал мне.

Я поспешила по ступенькам виселицы. Я старалась не представлять висящих Айлин и Данэлло, пока басэери радуются, но картинка не покидала головы. Я отрезала одну из петель и вернулась.

— Это сработает.

— Наверное, — он не был рад. Он обернул веревкой мои запястья, завязал узел, который мог легко развязаться, если потянуть. — Уверена, что хочешь этого?

— Арестовывайте меня уже.

Он схватил меня за руку и потянул к входу в тюрьму. Я шла рядом с ним, спотыкаясь, он тянул мою руку вверх. Он не должен был изображать это так реалистично.

Мы вошли. Яркие лампы озаряли комнату, я щурилась, моргая, пока глаза не привыкли. А потом я увидела четырех стражей, глядящих на нас. Свет точно был не из-за того, что они не любят тьму.

— Еще одна в лагеря. Я пропустил перевод? — сказал Джеатар, словно делал так каждую неделю. Он не обратил внимание на то, что стражи держатся за мечи, на их опасный вид.

Я осмотрела тюрьму, стараясь изображать испуганную девушку, ищущую способ сбежать. Длинная стойка пересекала переднюю часть комнаты, на одном конце были двери. Решетка была в центре, за ней — тяжелая дверь, что вела к камерам. Нам нужны были ключи от обеих дверей.

— Представьтесь, — сказал страж. Сержант, судя по отметкам на его воротнике.

— Гехейм, Восточная часть. Я могу оставить ее вам? Опаздываю на встречу с друзьями в пивной.

Я поражалась. Я бы никогда не смогла так гладко врать.

Сержант нахмурился, остальные фыркнули.

— Не знаю, что делают в Восточной части, но мы заканчиваем работу. Сделай это сам. Йосель, покажи ему.

— Я позже куплю вам выпить, — пробормотал Джеатар, Йосель отпер решетку. Я заметила палку из пинвиума на его поясе, когда он проходил. Они были и у других стражей.

Йосель отступил в сторону и пропустил нас. А потом пошел за нами и запер решетку за собой. Я смотрела на Джеатара, и хотя он не оглядывался и не дрогнул, я была уверена, что он меня понимает. Нам нужен ключ, чтобы выбраться. И сержант заметит, если мы выйдем без Йоселя.

Тяжелая внутренняя дверь открылась, и мы вошли в тюрьму. Вонь и жар ударили по мне, я скривилась. Мы шли по узкому коридору с кирпичными стенами по бокам, впереди снова была запертая дверь.

— Пятая камера пустая, — сказал Йосель, запирая тяжелую дверь. Тюрьма была Т-образной формы с входом в центре. — Справа, — он открыл последние ворота и пошел дальше. Камеры были с обеих сторон, семи или восьми футов шириной. Как раз для двух коек.

Я считала, пока мы шли. Двенадцать камер в длину, шесть по сторонам от двери. Почти все были полными. Мой желудок сжался, когда мы добрались до конца справа. Данэлло и Айлин были там! Но...

— О, нет!

Джеатар посмотрел вниз, а Йосель — нет. Халима тоже была там. И Барников, и десяток людей из Гевега. Они смотрели на меня печальными глазами. Вианд, похоже, поймала всех, кто пытался спасти нас.

Там могли быть братья Данэлло. Энзи, Винвик, все! А Созк и другие Забиратели из дома? Хоть кто-то сбежал?

— Пятая камера, — Йосель сунул ключ в замок.

Джеатар прошел и ударил Йоселя локтем по шее. Тот упал без звука. Люди вскочили на ноги.

— Шшш! — быстро сказала я, потянув веревку. Узел развязался, и я стряхнула веревку. Я прошла к камере Айлин и Данэлло. Они протянули руки между прутьев, и я обхватила их.

— Я так рад тебя видеть, — прошептал Данэлло. Айлин согласно кивнула.

— Я тоже. Мы освободим вас.

Джеатар отпирал камеры даже тех, кого я не знала. Но большая часть людей здесь все равно не должна была находиться в тюрьме.

— Вот, — Джеатар бросил ключи Данэлло. — Запри его.

Данэлло втолкнул Йоселя в камеру и запер. Джеатар уже забрал меч и пинвиум у Йоселя. Он отдал прут Данэлло.

— Пользоваться умеешь?

— Ага, сжать конец и взмахнуть, да?

— Да.

— Какой план? — спросила Айлин.

— Там три стража. Нам нужно...

Тяжелая дверь открылась.

— Йосель? Все в порядке?

ДЕСЯТЬ:

Все, кроме Джеатара, застыли. Он побежал мимо камер. Данэлло последовал за ним, сжимая палку из пинвиума.

— Йосель?

Страж не прошел пока дальше, но стоит ему это сделать, и он заметит открытые камеры и вышедших пленников. Если он дойдет. Йосель был без сознания и не мог ответить, только дурак мог подумать, что это не вызовет подозрения.

— Что? — рявкнул один из пленников. Я не слышала толком Йоселя, но было чем-то похоже.

— Все в порядке? Тебя долго нет, — ключи звякнули у решетки. Джеатар и Данэлло прижались к камерам рядом с ней, ожидая движения.

— Ага. Хорошо.

Я ждала, что он скажет больше, но он покачал головой, словно не был уверен, что сказать. Отлично. Это не обманет даже ленивых стражей Лиги.

Решетка открылась. Джеатар и Данэлло напряглись. Никто не прошел.

Страж не был дураком.

Я представила, как он стоит там с пинвиумом и мечом наготове, чтобы сбить любого, кто прыгнет на него. Он мог закричать. Была ли открытой деревянная дверь. Ждали ли остальные стражи? Мы не были готовы разобраться со всеми.

Я пошла, топая ногами, чтобы звучать как кто-то большой, как Йосель.

— Мы закончили, — сказал пленник и присоединился. Мы не звучали как два солдата, но я надеялась, что этого хватит, чтобы страж расслабился.

Хватило.

Он шагнул вперед и испуганно отпрянул. Пинвиум полетел вверх, но Джеатар быстро врезался в стража. Он толкнул стража к двери, и палка выпала из его руки.

Данэлло подхватил палу и побежал вперед, подняв свой пинвиум. Он не вспыхивал, значит, дверь все еще была закрыта. Остальные стражи должны были услышать шум.

Павший страж стряхнул Джеатар. Он откатился и ударился о прутья. Пленник бросился на стража и ударил по голове.

Джеатар встал на ноги и помог втащить стража в камеру и запереть его. Я догнала Данэлло, он вручил мне вторую палку из пинвиума. Джеатар и пленники стояли за нами.

— Что теперь? — спросил Данэлло, его лицо блестело от пота. — Они увидят нас, как только мы откроем дверь.

— И ударят пинвиумом раньше, чем мы коснемся ключом замка, — сказал пленник.

Я посмотрела на Данэлло, а потом на Джеатара.

— Дайте мне ключи, — я протянула руку.

Джеатар бросил их в мою ладонь к потрясению пленника. Он раскрыл рот, но тут зазвенел колокол.

— Тревога, — сказал он. — Они созывают солдат из дома неподалеку.

— Данэлло, пусть все двигаются по моему сигналу, — я прошла к двери, ключи дрожали в моей руке.

— Обычно приходят четверо, — сказал Джеатар, встав рядом с Данэлло и остальными.

Шесть стражей, шесть палок из пинвиума. Я спрятала свою палку за спину, под одежду. У меня мог быть всего один шанс.

Я отперла дверь и вышла. Там было шесть стражей, но они стояли не так, как я ожидала. Они стояли по другую сторону от стойки.

— Идти некуда, девочка, — сказал сержант. — Опустите ключи и отойди от решетки.

Я сунула ключи в замок.

— Опустите, или я ударю пинвиумом.

Я повернула ключи, засов опустился.

Вжих.

Меня покалывало, ощущение было сильнее, чем у солдат в Гевеге. Я изобразила крик и упала, сунув при этом руку под себя. Мои пальцы обхватили скрытую палку.

— Следите за дверью. Вспыхивайте, если увидите еще.

Шаги приблизились, но звучало так, будто это один страж. Мне нужно было больше, чтобы задеть их вспышкой. Я застонала, пошевелила ногами.

— Осторожно, она просыпается.

— Уже?

— Она может быть сильнее, чем выглядит. Уже троих отключила.

— Или она не одна. Кто-то вышел?

Я приоткрыла глаза. Трое почти добрались. Еще пару шагов, и...

Я вытащила пинвиум и взмахнула им.

Вжих.

Три стража зашипели и упали, кривясь от боли. Еще двое отскочили, раскрыв рты.

Сержант бросился ко мне и сунул меч сквозь прутья в мою грудь.

Холодная боль исказила все перед глазами. Я упала к прутьям, вытянув руку в поисках плоти. Я не нашла ее и обмякла. Страж подошел ближе и открыл решетку, отодвигая меня в сторону.

Я влажно кашляла. Я молилась, чтобы Данэлло не выбежал и не пострадал. Молилась, чтобы сержант подошел ближе.

— Она мертва?

Сержант покачал головой.

— Еще нет.

— Как она это сделала? Она одна из этих чудиков?

— Это бы многое объяснило.

Чудики. Необычных Забирателей называли и хуже, но не с таким страхом.

Сержант склонился, уперев руки в колени. Рукава его формы поднялись, открывая запястья.

Еще ближе.

Я дрожала от холода, хотя теплая кровь лилась подо мной. Он не приближался. Я не знала, смогу ли успеть схватить его, но он не давал мне выбора. Я впилась в его запястье, но задела рукав. Только один палец прижался к его коже.

Пусть этого хватит.

Я толкала в него рану, дышать стало легче, боль утекала по моей руке. Он кричал от шока и боли, держась за грудь и падая. Я вскочила на ноги, и двое стражей закричали.

Вжих. Вжих.

Прутья пинвиума вспыхнули, кожу покалывало. Сержант заскулил и потерял сознание.

— Вперед! — я перепрыгнула через его тело и потянулась к пинвиуму стража без сознания. За мной было слышно шаги, все бежали из камер.

Один из стражей бросился к двери. Я вскинула руку, пинвиум вспыхнул, но страж был далеко. Он только вскрикнул и убежал в ночь.

— Ниа! — крикнул Данэлло.

Я повернулась. Последний страж бежал ко мне с мечом. Данэлло уже двигался, прыгнув. Я откатилась влево, Данэлло и страж столкнулись у стены справа. Три пленника, которых я не знала, пробежали к двери. Три гевега били последнего стража. Они быстро подавили его.

— Бегите, — сказала я, вставая на ноги.

Мы поспешили к двери и повернули налево, прочь от дома солдат. Мы бежали по тихой улице. Джеатар промчался мимо меня, чтобы вести нас. Он махнул рукой и направил группу по переулку.

Звенели колокола. Ночь сверкала за нами, люди с факелами выбегали из здания стражи.

Халима споткнулась и упала, ее крик эхом разнесся в ночи. Данэлло схватил ее и побежал дальше. Мы огибали здания, что выглядели одинаково, миновали площади с фонтанами, двигались по единственной аллее Басэера.

— Все сюда, — Джеатар открыл высокие деревянные ворота. Ограда окружала двор с каменными скамейками и маленьким прудом. Я поспешила внутрь с остальными и опустилась на одну из скамеек.

— Они все еще преследуют нас? — спросил Барников, тяжело дыша.

— Думаю, мы оторвались, но нужно проверить, — Джеатар запер ворота и прижал палец

к губам.

Я уже не слышала колокола, но не знала, перестали они звенеть, или мы были слишком далеко, чтобы их слышать. Я ничего не слышала, кроме испуганного дыхания вокруг себя.

Через пару минут Джеатар открыл ворота и выглянул.

— Думаю, чисто, — тихо сказал он. — Идти недалеко, но нам нужно быть тихими.

Данэлло взял меня за руку. Халима держала его за другую. Слезы блестели на ее щеках, но она молчала. Восемь лет, но уже бегают от солдат басэери. Тали еще не научилась так делать.

Тали.

Я надолго закрыла глаза. Она была где-то там, надеялась, что я заберу ее. Мне так жаль, Тали. Я скоро буду, я приду любой ценой.

Джеатар вел нас по улице, обрамленной виллами за изящными оградами, украшенными жимолостью. Мягкий свет горел в окнах. Виллы были больше, чем те, в которых мы жили с Тали, в одной такой вилле поместилась бы часть владений аристократов Гевега.

К моему удивлению, Джеатар остановился у ворот и вытащил ключ из кармана. Ворота беззвучно открылись.

— Скорее, — прошептал он, помахав нам.

В виллу аристократа? Какой богатый басэери будет рад десятку сбежавших пленников у себя дома?

Я посмотрела на Айлин, смятение на ее лице говорило, что она думает о том же.

Идеальные ряды цветов обрамляли дорожку из камня, где были вырезаны силуэты зверей. Рыбы, птицы, бабочки. Я кривилась каждый раз, когда кто-то спотыкался и мят цветы. Мы подошли к вилле, но не к входной двери из верлаттского тика, украшенную теми же узорами зверей. Дверь, перед которой мы остановились, была не такой хорошей. Простое дерево, без резьбы. Джеатар отпер дверь и открыл ее.

— Оставайтесь на кухне, — сказал он.

Мы проходили по одному. Джеатар взял меня за руку.

— Только некоторые из нас поговорили с Ним, — тихо сказал он. — Я убедил их хранить твою тайну. Не знаю, как долго это продлится.

Я отошла, пропуская остальных.

— Где мы?

— Увидишь.

— Джеатар...

— Еще пять минут. И я объясню все сразу.

— Что будет, если они узнают обо мне.

— Не знаю. Некоторым будет все равно, но не другим.

— Чудики здесь не популярны?

Его глаза расширились.

— Герцог использует их против врагов. Мы можем доверять этим людям, но, если они откажутся впустить тебя, я посажу тебя в лодку и доставлю домой.

Без Тали? Нет уж.

Мы с Джеатаром вошли последними. Он запер дверь, задвинул засов.

— Мне нужно кое с кем поговорить, а потом всех устроят, — он улыбнулся, но я уловила тревогу. — Расслабьтесь, можете есть все, что найдете. Я скоро.

Несколько человек побежало к шкафу, на который указал Джеатар, суетясь, ведь

каждый хотел открыть первым. Барников отодвинул их всех.

— Все получают еду, — сказал он. Он открыл шкаф и начал раздавал фрукты и кусочки сушеного мяса.

Я заметила три графина на стойке и открыла пробки. Фруктовый сок. Я вытащила настоящие стаканы из другого шкафа и начала разливать. Айлин разносила.

— Как думаешь, что это за место? — спросила она, закончив.

Я открыла рот для ответа, но горло сжалось, и я просто обняла ее.

— Я думала, что больше тебя не увижу.

Она обняла меня в ответ.

— Я тоже. Мы так боялись. Солдаты сказали, что повесят нас.

— Я бы этого не допустила.

Подошел Данэлло, и я отпустила Айлин.

— Прости, что я втянула в это твою семью, — сказала я.

Он притянул меня ближе и опустил голову на мою.

— Это не твоя вина. Мне не стоило пускать их с нами, когда мы спасали тебя с Тали.

— Но здесь мы в безопасности? — сказала Айлин. — Иначе Джеатар не привел бы нас.

Я с неохотой отодвинулась от Данэлло.

— Он так думает.

— Мне можно переживать?

— Все мы должны переживать, пока не покинем этот ужасный город.

— Я этого боялась.

— Вы были с Тали, когда ее поймали?

Они кивнули.

— Когда мы попытались спасти тебя, — сказал Данэлло, — люди Вианд выбежали отовсюду. Они словно нас ждали. Па придет домой, а там никого, — его голос дрожал. — Он даже не узнает, что с нами случилось.

Я сжала его ладонь. Если бы мы ушли с его отцом. Мы могли бы торговать, а не продавать вещи, забранные из дома. Мы бы не попали на рынок, меня не увидела бы та женщина, и мы не попали бы в те доки.

Если бы желания были рыбами, мы бы ели каждую ночь.

— Твои братья с Тали? — сказала я.

— Наверное. Вианд разделила нас, когда мы попали сюда, но я не знаю, куда она их забрала.

Джеатар знал. И если забрать Тали было почти невозможно, то забрать их всех будет еще сложнее.

— Сюда, — сказал Джеатар, вернувшись с еще одним мужчиной. Он не был рад.

Мы прошли за ними из кухни в гостиную с каменным камином. Полки с книгами тянулись от пола до потолка. Джеатар вытащил книгу. Он потянулся в брешь, и что-то щелкнуло. Он потянул, и открылась лестница, ведущая вниз.

Люди шептались, но я не знала, боятся они или в восторге.

Джеатар пошел вниз, но крупный мужчина остался, его руки были скрещены на груди. Страж.

Я пошла за Айлин, воздух становился прохладнее, пока мы спускались. Гладкие стены, простые перила, короткие широкие свечи в нишах через каждые пять футов.

Я вышла в просторную и светлую комнату, полную басэри.

Девушка, которой я помогла, — Ним — была там, рядом со стопкой формы. Она робко помахала.

Джеатар повернулся ко мне и раскинул руки.

— Добро пожаловать в Подземелье басэери.

ОДИННАДЦАТЬ

Подземелье?

Данэлло кивнул.

— Как Сориллианское сопротивление? Моя мама читала об этом лекции, пока Старейшины университета не заставили ее прекратить.

Эмоции пропали с лица Джеатара.

— Именно. Некоторые из них здесь.

— Я думал, все в Сорилле умерли, — сказал Данэлло.

— Не все, — Джеатар отвернулся и прошел к женщине, держащей оружие для тренировки. Джеатар пережил Сорилль?

Никто не пережил. Папа шептал это не зная, что я прячусь под столом. Даже из тех, кто выжил.

Я видела шрамы Джеатара в тот день, когда взорвала Плиту. Ожоги на груди и плечах. То, что не исцелилось до конца, хоть боль и забрали.

Мы видели, как горел Сорилль. Видели сияние огней в темной ночи. Мы днями ощущали запах дыма, он висел над болотами, как туман над озером.

— Он не мог! — закричала мама. — Все люди?

— Мы должны были понять, — папа звучал зло и испуганно. Я никогда не видела его испуганным. — Он должен был предупредить нас, сказать об этом.

— Если его не убили.

Стук в дверь, и пришли люди, из-за которых мама с папой всегда нервничали. Мама хотела послать помочь, но они отказывались. Говорили, что припасы нужны нам самим. Они были в Подземелье Гевега? Джеатар был из Сорилля, или их Подземелье образовалось после того, как герцог убил всех в его городе?

Не всех.

— Они тоже борются с герцогом? — спросила Айлин, нервно глядя на басэери, смотревших на нас холодными голубыми глазами.

— Это басэери, — сказала я. — С чего им бороться с герцогом? — но я вспомнила мальчика, который помог мне, который боялся Бессмертных. От меня убегали, думая, что я одна из «них». Чудиков. Даже стражи тюрьмы боялись. Что герцог сделал со своими людьми, что не сделал с нами?

— Не нужно было их сюда приводить, — закричала женщина.

— Что я должен был сделать? — Джеатар скрестил руки на груди. На шрамах. Если он был из Сорилля, какое ему дело до Басэера?

— Сделать их проблемой кого-то другого, — она сказала тише, но все ее слушали.

Они смотрели друг на друга, Джеатар оставил ее и постучал в одну из двух дверей в дальней части. Третья была на другой стороне рядом с местом для тренировок. Он подождал мгновение и прошел внутрь.

Женщина сверлила нас взглядом. И остальные басэери. Море черных волос и хмурых лиц. Они не хотели нас здесь, но теперь мы знали их секрет, и они не могли отпустить нас.

— Мне это не нравится.

Барников склонился над моим плечом. Его губа была рассечена, синяки темнели на глазу и щеке.

— Мы тебя прикроем, если захочешь преподать этим крысам урок, — сказал он. Другие кивали и согласно шептались.

Айлин не тревожилась, в отличие от остальных.

— Ниа, не думаю, что они хотят нас ранить.

Мы смотрели на басэери. Они смотрели на нас. Никто не двигался, только Ним схватила стопку формы и спрятала в шкаф. Она вытащила другую стопку и отнесла на стол. Она придвинула корзинку и взяла нить с иглой, а потом первую форму в стопке.

Она их чинила. Она воровала старую форму? Но выглядела как новая. Может, она ушивала ее. С формой жить в Гевеге было бы проще.

Где Джеатар так долго?

Дверь открылась, и Джеатар вышел. За ним — еще один мужчина. Он казался знакомым, высокий, с широкими плечами и короткими темными волосами. Он подошел ближе, и я уловила запах — металл, огонь и дым.

Чародей!

— У нас гости, так что я хочу, чтобы все отнеслись к ним гостеприимно, — сказал он басэери.

Женщина не обрадовалась.

— Но они...

— Не будут здесь долго, — он пронзил ее взглядом.

— Вы можете остаться, — сказал нам Джеатар. — У нас есть комнаты, но будет тесно. Утром посмотрим, можно ли отправить вас домой или туда, куда вы предпочтете.

— Я же говорила, что они не будут нам вредить, — пробормотала Айлин.

Я посмотрела на оружие и форму. Они что-то замыслили. И не хотели показывать нам.

— Данэлло? — Халима потянула его за рукав. — Мы же не уйдем без Джована и Бахари?

— Да.

— Хорошо.

Чародей повернулся к Ним.

— Можешь показать этим людям гостевые комнаты?

Она кивнула и отложила работу.

— Идите за мной.

Барников и остальные прошли за Ним во вторую дверь рядом с той, из которой вышел колдун. Я осталась, и Данэлло тоже. Чародей мог не хотеть говорить при остальных, но я была готова к ответам.

— Что происходит?

— Поговорим в моем кабинете, — сказал чародей, указывая на открытую дверь.

Они не хотели говорить и при своих. Я посмотрела на Джеатара. Он кивнул на кабинет.

— Ладно, — сказала я.

Я прошла внутрь. Там было тепло, потертые книги были на стенах, а на полу — ковер.

— Ты в порядке? — прошептал Данэлло мне на ухо. Его дыхание щекотало мою шею.

— Да, — но когда он так делал, было сложно сосредоточиться.

Было странно находиться в комнате, где я могла доверять только ему. А между мной и

входом были тридцать басэери. И я не знала, где моя сестра.

— Кто вы? — спросила я чародея, он сел за деревянный резной стол.

— Ондераан Эналов. Прошу, садитесь.

Я не дышала. Эналов? Это была моя фамилия. Ниа Эналова. Как она могла быть у него? Как мог быть басэери с гевегской фамилией?

Я села, но не прекращала смотреть.

— Ниа? — Данэлло коснулся моей руки.

— Вы их лидер? — сказала я, говорить было сложно.

— Да, я — лидер, — он опустил ладони на стол. — Ты их лидер?

— Нет.

Он нежно улыбнулся, словно не верил мне.

— Эм, что вы делаете? — мне не нравилось, как звучал мой голос. Пискляво. Слабо.

Не как я.

— С этими людьми... и формами?

— Пытаемся отогнать змею от кур.

Он звучал как бабушка. Нет...

Его голос звучал как у дедушки. И выглядел он похоже. Те же глаза, тот же нос.

Папины глаза. Папин нос.

Мою грудь сдавило.

— Вы боретесь с герцогом? Правда?

— Моя семья боролась с герцогом семь лет с того дня, как он захватил власть. Его отец не хотел, чтобы он правил. Мой отец тоже этого не хотел. Когда он умер, я поклялся, что свергну алчного гада с его трона, даже если это придется делать голыми руками.

Я знала этот голос. Я уже слышала этот гнев.

Крики с первого этажа. Я лежала в тени на вершине лестницы и слушала, как и всегда. В этот раз дедушки там не было. Были другие.

Они пахли тяжелым черным дымом, что висел над Гевегом днем и ночью.

— Можно пойти сейчас и оторвать убийцу от трона.

— Как? Наши силы были в Сорилле. Мы не можем сейчас атаковать.

— Он убил их, Пелевен. Он убил наших родителей.

Пелевеном звали папу. Другой голос был...

Ондераан. Я задрожала. Нет, невозможно.

— Ваша семья тоже здесь? Помогает вам? — не это я хотела спросить. Я хотела спросить про форму, про их действия, может, попросить помощь в спасении Тали. Но я должна была знать, жива ли его семья. Если жива, то он не мог быть...

— Они мертвы. Он убил их всех.

Не всех.

Я зажмурилась. Это все было совпадение. Это был басэери с темными волосами. Волосы папы были... Я задержала дыхание. Он был лысым. Он шутил, что сжег волосы и печи. Мама была светлой. Мы с Тали получили волосы от нее.

— Джеатар сказал, что ты потеряла свою семью, — голос Ондераана смягчился. — Что твою сестру забрали Бессмертные. Он сказал, тебе нужна наша помощь, но я не уверен, что мы можем помочь.

Я была в Басэере достаточно, чтобы понять, что мне нужна помощь. Я не знала город, маршруты патрулей, какие солдаты были ленивыми, а какие побежали бы за мной. Он знал

все и даже больше. Не важно, кто он.

— Вы можете кое-что сделать. У вас есть форма, оружие, люди. Вы многое знаете.

— Там не только ее сестра, — добавил Данэлло. — Там мои братья. И много других людей.

— Понимаю, но герцог хорошо охраняет Забирателей. Мы пытались внедрить кого-то внутрь, но это невозможно.

Мое лицо пылало, руки были холодными.

— Вам нужно было послать Забирателя.

Доброе поведение Ондераана дрогнуло.

— Это не так просто.

— Никого вы спасти не пытаетесь.

Это его заткнуло. Ондераан смотрел на меня, приоткрыв рот. Глаза Джеатара расширились. Даже Данэлло был удивлен.

— Ниа? — сказал он, потрясенно глядя на меня.

Я не знала, что делаю. Я просто злилась.

— У вас есть люди, деньги и ресурсы, все, что нужно, чтобы спасти тех Забирателей.

Джеатар опустил ладонь на мою руку.

— Ниа, ты не понимаешь.

— Я понимаю! — никто в моей семье не сидел бы, пока невинные люди страдали. Он не был семьей. Он не был братом моего отца.

Я не была наполовину басэери.

— Думаете, слишком сложно, — продолжала я, — или слишком опасно для вашей вычурной виллы спасти тех, кого нужно спасти. Тех, кто может помочь вам остановить герцога!

Я вскочила на ноги, но не помнила, когда именно. Я смотрела на Ондераана, в карие глаза, что были не такого же оттенка, как папины. Как у Тали.

Как у меня.

— Вы лучше будете сидеть здесь в безопасности, пока города горят, пока рушатся жизни. Вы вряд ли вообще пытались помочь!

Ондераан смотрел, стиснув зубы.

— Нет, дитя. У нас просто нет Забирателей.

ДВЕНАДЦАТЬ:

Не было Забирателей?

— Я вам не верю. Вы просто...

— Может, стоит обсудить это утром? — сказал Джеатар, пока Данэлло сильно сжал мое плечо.

— Да, — сказал Данэлло. — Она устала, как и все мы. Это были тяжелые дни.

— Я в порядке!

— Нет, — пробормотал Данэлло, чтобы услышала только я.

— Не думаю, что здесь нужно что-то обсуждать, — сказал Ондераан. — Джеатар, это не сработает. Я хочу, чтобы они ушли до завтрашней ночи.

Я скрестила руки. Чем скорее я уйду отсюда, тем лучше.

— Ну и ладно.

— Она не хотела это сказать, — Джеатар потрясенно посмотрел на меня. — Она

провела неделю в коробке.

— Завтра чтобы их тут не было.

— Ондераан, им некуда идти. Их снова поймают.

— Нам нельзя отвлекаться. Все должны быть сосредоточены, а это дитя, — он махнул на меня, — так не умеет.

— Я не дитя, — сказала я. Что он обо мне знал? — Я годами была сама, заботилась о сестре, единственной, кто у меня остался.

— Уведи ее отсюда, — сказал Джеатар Данэлло, тот взял меня за руку и потащил к двери. Джеатар повернулся к Ондераану. — Нам нужно это обсудить.

— Я не испорчу все, над чем мы работали, потому что тебе жаль девочку.

— Не в том дело...

Данэлло закрыл дверь. Басэери смотрели из-за криков в кабинете. Я смотрела в ответ.

— Что ты делаешь? — тихо спросил Данэлло. — Нам нужно забрать Тали и близнецов.

— Он не поможет нам.

— Ты этого не знаешь.

— Нельзя доверять басэери!

Глаза Данэлло расширились. Может, я сказала это громко. Злой шепот загудел в комнате.

— Идем, — сказал он, потащив меня в сторону гостевых комнат. — Может, Айлин тебя успокоит.

— Меня не нужно успокаивать, — мне нужно было понять, что происходит. Может, Эналов была популярной фамилией здесь. Может, у папы было не самое редкое лицо. Многие теряли семьи во время войны. Это ничего не значило.

Данэлло закрыл за нами дверь. Коридор был полон гевегцев. Они столпились вокруг меня, ждали ответов, которых не было.

— Что с нами будет?

— Мы можем остаться?

— Кто был тот человек?

Измощенные лица, уставшие глаза. Испуганные и голодные люди, которых выгонят завтра, потому что Ондераан был слишком эгоистичен, чтобы...

— Мы можем переночевать, но завтра нужно уйти, — сказал Данэлло, все еще крепко сжимая мою руку.

— Он выгоняет нас? — сказала Айлин, только она была удивлена.

Барников фыркнул:

— Это было ясно. Басэери нельзя доверять.

Данэлло посмотрел на меня, он хотел, чтобы я говорила, но боялся того, что я скажу. Я смотрела на людей вокруг нас. Люди были бы в безопасности, если бы не я.

Святые, что я наделала?

Это я была эгоисткой. Я вела себя так, как мне не нравилось раньше. Стоило молчать и слушать, узнавать нужное и уговорить Ондераана помочь нам. На моей стороне был Джеатар, и он уже убедил его оставить нас.

Я сглотнула, в горле пересохло.

— Джеатар работает над этим.

— Идите в комнаты и отдыхайте, пока можете, — сказал Данэлло, звуча как лидер, каким Ондераан посчитал меня. — Покажем им, что мы — не проблема.

— Не проблема? — спросил кто-то. Я не видела, кто.

— Слушайте, они борются с герцогом. Для них мы — кучка шпионов. Вы были бы нам рады на их месте? — все ворчали. — Не шумите, слушайтесь их, посмотрим, что будет завтра. Нас хотя бы кормят.

Пара смешков.

— Ладно, пока так и будем делать, — сказал Барников. Он посмотрел на меня, на его лице была неуверенность. Остальные не смотрели на меня, но пошли в комнаты.

— Мы здесь, — сказала Айлин, открыв первую дверь справа. — Данэлло, вы с Халимой в соседней.

— Можешь присмотреть за ней? — Данэлло подтолкнул меня к открытой двери. — Нужно поговорить с Нией.

— Я нужна?

— Нет, все в порядке. Спасибо.

Айлин с тревогой посмотрела на меня.

— Все хорошо.

— Нормально.

Она вскинула бровь.

— Поговорим позже, — сказала я, стряхнула руку Данэлло и прошла в комнату. Я ожидала нечто, похожее на камеру, а было больше похоже на дом Милли. Простые кровати по бокам, но подушки выглядели мягкими, а одеяла — теплыми. Столик с лампой стоял между ними, рядом — корзина для одежды.

Я не сразу заметила, что Данэлло не вошел.

— ...с ней не так? — тихо сказала Айлин, прикрывая рот, словно это скрыло бы ее слова.

— Не знаю. Ведет себя ужасно. Я никогда ее такой не видел.

Я села на кровать. Сложила ладони на коленях. Пальцы были холодными, и я сунула их между колен. Что я наделала?

— Ты знаешь, что не так?

— Нет, но это произошло после того, как показался Ондераан.

Вианд найдет нас и арестует. Всех повесят. Я не могла этого допустить. Я должна была извиниться. Объяснить, почему я...

Я вздохнула и уткнулась лбом в колени. Почему я сорвалась. Вот что это было.

Он не мог быть мне родственником. Я не могла быть наполовину Басэери. Я не выглядела как они. Я думала иначе. Я не была жестокой, как они.

Ты ранила людей. Убивала. Может, это было от басэери.

Дверь закрылась. Скрипнула кровать, и Данэлло сел рядом со мной. Я села прямее.

— Что случилось? — его рука обвила мои плечи. Теплая. Крепкая. Безопасная.

— Я растерялась.

— Из-за чего?

— Что бы ты сделал, если бы узнал, что твой отец — не тот, кем ты его считал?

Он ответил не сразу.

— То есть, если бы он врал мне?

Я о таком не подумала. Мне ввали?

— Не знаю, — я прижала голову к его плечу. На это плечо можно было рассчитывать, когда все плохо.

На папу можно было рассчитывать.

Потому что он был гевегцем. Он боролся с басэери. Басэери не боролись с басэери, вот только Ондераан и Подземелье так и делали.

Папа делал. Дедушка. Они были басэери?

Данэлло взял меня за руку и провел большим пальцем по моим костяшкам.

— Почему тебе не нравится Ондераан?

— Он чародей, — выпалила я.

— Это плохо?

— Нет.

— Тогда я не понимаю.

— Знаю. Нужно что-то сделать, — нужно было как-то это исправить. Убедить Ондераана оставить их, даже если меня он выгонит. Я зажмурилась.

— Что ж, — Данэлло убрал прядь волос мне за ухо, — думаю, сначала нужно поспать. А потом мы поговорим с Ондерааном и скажем, что порой язык тебя подводит. Ему нужна помощь, и мы можем ее предложить. Может, это его убедит.

— Может. Никто в армии герцога не знает, кто мы. Они не свяжут нас с Подземельем.

Он улыбнулся, но на его лице была и тревога. За братьев, за отца, за меня.

— Видишь? Уже план. К утру он сложится весь.

Я должна была ради него доказать Ондераану, что мы можем ему помочь.

— Спасибо, — я обняла его, чувствуя себя лучше. — Я в порядке, правда. Ты был прав, день затянулся. Вся неделя была ужасной.

— Увидимся утром.

— Не нужно так быстро уходить.

Он улыбнулся.

— Ладно.

Я прижалась к нему, ощущая тепло и безопасность. Было так приятно.

Слишком скоро кто-то тихо постучал в дверь. Данэлло проворчал, но встал и ответил.

— Все в порядке?

Айлин. Стоило догадаться.

Они шептались минуту, а потом Данэлло ушел, а Айлин скользнула в комнату. Он рассказал ей, что случилось, и я была рада. Я была не в настроении все повторять.

— Я не знаю, как ты, — сказала она, рухнув на другую кровать, — но я устала. Даже думать толком не могу. И язык заплетается.

Такого не было. Но было мило с ее стороны сказать так, что все в порядке.

— Я рада, что ты в безопасности, — сказала я. — Прости, что тебя арестовывали.

Она повернулась на бок лицом ко мне.

— Это не твоя вина. Я знала, что нас могут поймать, когда соглашалась на это.

— И все же.

— Пфф, — она отмахнулась. — А для чего друзья? Если не можешь рассчитывать на лучшего друга даже в тюрьме, зачем тогда он?

Я улыбнулась.

— Точно.

— Я мудра не по годам.

— Это тоже правда, — я сняла сандалии и забралась в кровать. Когда я придвинулась к лампе, она уже спала. Я оставила бледный свет, он успокаивал. Я смогла бы так увидеть,

если бы кто-то пробрался в комнату. На двери не было замка. Я не проверила дверь, ведущую в эту часть. Может, нас уже заперли.

Об этом побеспокоюсь утром.

На сегодня тревог хватило.

Шум разбудил меня позднее ночью. Стуки, приглушенные крики, тревожные слова. Я вскочила на ноги раньше, чем открылись глаза. Айлин еще спала. Она даже не разулась.

— Айлин, вставай, — я прижала ухо к двери. Тихо.

Двери гремяли, но не в этой части. Айлин заворчала и перевернулась. Я подошла к ее кровати и послушала у стены.

— Айлин!

— Ммм?

— Буди Данэлло, — я вышла за дверь и прошла на цыпочках к двери в главную комнату. Я приоткрыла ее.

— ...ждут нас, — сказал мужчина. — Не знаю, как.

Фырканы.

— Побег из тюрьмы переполошил половину города, — сказала женщина.

Наш побег? Она думала, что мы за что-то ответственны?

— О, ладно тебе, Сиэкт, — сказал Джеатар. — Тюрьма не рядом с Лигой.

— Думал, побег политических пленников не встревожит их? Все солдаты герцога настороже!

— Тихо, — сказал Ондераан, звуча утомленно. — Как сильно она ранена?

Ранена? Я открыла дверь чуть сильнее и выглянула. В комнате стояли шестеро, троих я раньше не видела, они были в форме басэери, которую могла украсть Ним. Женщина лежала на кровати, была сильно ранена. Мужчина на полу тоже был ранен.

Дверь открылась, Данэлло оказался рядом со мной.

— Что происходит? — спросил он.

— Что-то пошло не так. Что-то с Лигой.

Он и Айлин прижались ко мне и выглянули.

Сиэкт прижимала сложенную ткань к животу раненой женщины. Ткань была уже темной от крови. Плохо. Она игнорировала мужчину на полу. Но не Ондераан. Он опустился и похлопал его по лицу.

— Откуда ты знал, что мы идем?

Мужчина застонал.

— Отвечай!

Айлин отошла от двери.

— Похоже, его форма настоящая.

Тогда он мог сказать мне, где Тали и остальные.

— Предатель, — сказал солдат.

— Вы убиваете невинных, а я предатель? — Ондераан ударил его снова. — Кто-то сказал, что мы идем?

— Почему все в коридоре?

Мы развернулись. Ним стояла за нами в ночной рубашке, протирала глаза, ее волосы были спутаны.

— Кто-то ранен, — сказала Айлин.

Глаза Ним широко открылись. Она прошла мимо нас и упала на колени у женщины.

Сизэкт попыталась остановить ее, но не смогла.

Я шагнула вперед, но Данэлло схватил меня за руку.

— Нам стоит оставаться в комнатах.

— Я должна знать, что происходит, — я пошла, Данэлло и Айлин — за мной. Мы встали в стороне, но Джеатар заметил нас. Он нахмурился и кивнул на дверь. Я покачала головой.

Ним всхлипывала, а потом судорожно вдохнула. Она дико озиралась. Ее взгляд упал на меня. Джеатар выругался.

— Помоги ей, прошу, — попросила она. — Исцели ее, как меня.

ТРИНАДЦАТЬ:

Все повернулись ко мне. Ондераан прищурился.

— Ты — Целитель?

— Нет, — сказала я, Джеатар сказал:

— Это сложно.

Ним всхлипнула, провела рукавом по носу.

— Прости, Джеатар, но я должна, — сказала она и повернулась к Ондераану. — Она исцелила меня. Хулиганы сломали мне ногу, а она как-то передала рану одному из них.

Ондераан больше не смотрел на меня. Он повернулся к Джеатару и приблизился, я едва дышала.

— Ты привел Преобразователя и не сказал?

— Не было времени.

— Ты успел сказать Ним молчать об этом.

Джеатар скривился.

— Потому что я знал, что ты так отреагируешь. Я планировал рассказать.

— Когда?

— Что насчет Эллис? — перекричала их Ним. — Она умирает.

Ондераан зло посмотрел на Джеатара и отвернулся.

— Что ты умеешь? — спросил он у меня.

— Без Целителя и пинвиума — ничего.

— А что насчет передачи, о которой я так много слышал? Можешь передать боль ему? — он указал на солдата, который нужен был мне, чтобы узнать, где Тали. Он был без сознания, форма потемнела от крови.

— Это убьет его.

— Он все равно умирает.

Ондераан не оставил бы его в живых, даже если бы он не умирал.

— Нам нужно допросить его, — сказала я.

— Он не проснется.

Проснулся бы, если бы я исцелила его. Так, чтобы он смог говорить, рассказать мне, где Тали, и как попасть внутрь. Я могла выдержать боль это время.

А потом отдать?

Это был голос Тали. Она ненавидела меня за это, но он был солдатом-басэери. Он был из тех, кто вредил ей. Спасти подругу Ним, убить солдата, спасти Тали и остальных. Я могла это сделать. Я делала и хуже.

Я подошла.

— Я могла бы...

Эллис закашляла, кровь пузырилась на ее губах.

— Помоги ей!

— Передай!

— Ниа, ты не должна...

— Тихо, Джеатар.

Я схватила руку Эллис и потянула. Боль полилась в меня, резкая и горячая. Моя грудь пылала, легкие наполнил песок. Я отпрянула, задыхаясь.

Данэлло подошел ко мне с одной стороны. Айлин побежала с другой стороны. Они помогли мне встать и дойти до умирающего солдата.

— Он проснется, спросите его... про Тали, — процедила я.

Данэлло вдохнул быстрее Айлин. Он покачал головой, ее рот раскрылся.

— Ниа, ты не можешь, — сказала она. — Тебе уже плохо.

— Спросите его.

— Ты будешь ненавидеть себя за это.

Я буду ненавидеть себя сильнее, если упущу шанс найти Тали. Я протянула дрожащую руку и охватила его ладонь. Проникла в него. Схожие раны, но ниже, пронзающие печень, живот. Я остановила кровотечение, уменьшила шок. Свежая боль терзала меня, я прижалась к Данэлло.

Солдат пошевелился.

— Где держат Забирателей? — спросил Данэлло. — Тех, кто еще не решил, будет ли служить герцогу?

Солдат огляделся, растерянный и испуганный.

— Что?

— Забиратели. Где они?

Солдат пронзил Ондераана взглядом.

— Предатель.

Я сжала крепче и вернула немного боли. Он закричал. Я глубоко вдохнула и собрала всю боль в пустоте между сердцем и желудком, держала ее там изо всех сил.

Айлин схватила меня за руки.

— Ниа, хватит. Это ужасно, это неправильно, — она смотрела мне в глаза. — Я могу пережить ужасное, если мы вернем людей, но я не позволю тебе сделать плохое. Это может превратить тебя в герцога.

Ужас искажил лицо солдата и откатился от меня. Святые, что я делала? Ондераан наступил на его грудь и надавил.

— Отвечай девочке, или она все вернет.

Что? Нет, я не могла этого сделать, это убьет его. Айлин отошла, прижимая руки к груди. Она качала головой, молила взглядом остановиться, словно думала, что я сделаю это. Но разве я уже не сделала это? Я посмотрела на солдата. Если я не передам, он умрет. Если передам боль, он умрет.

Солдат плюнул в Ондераана. Тот опустился на колени и схватил его за горло.

— Откуда ты знал? — спросил он низко и с угрозой. Не этот вопрос меня интересовал.

Солдат смотрел, глаза слезились. Я уловила движение.

Его рука дернулась к сердцу Ондераана, ножик был сжат в руке.

— А-а-а! — закричал солдат, нож Сизэкт погрузился в его грудь. Ножик упал. Солдат

обмяк, умирая.

Святые, нет!

Я схватила его за руку и толкала как можно быстрее. Боль вытекала из меня, а потом — ничего. Она врезалась в стену смерти и отскочила. Я вскрикнула, боль накрыла меня.

— Ниа, ты в порядке? — Данэлло убрал мокрые пряди с моего лба.

— Нет, — прошептала я. Боль кружилась в груди, было сложно дышать. Нельзя было трогать его. Я была не лучше Бессмертных, ранила, чтобы получить желаемое.

Данэлло донес меня до другой кровати. Ним и ее подруга сидели напротив нас, обнявшись, не издавая ни звука. Странная смесь благодарности и страха была на их лицах.

— Я буду в порядке, — ложь. Через пару дней моя кровь загустеет, тело погибнет.

— Нию нужно к Целителю, — сказал Данэлло.

— Или найти еще одного басэери, который ей не нравится, — пробормотала Сиэкт. Айлин нахмурилась, но я заслужила это.

— Никто никуда не пойдет, пока я не пойму, что произошло, — чувства Ондераана были понятными. Злость. На меня, на Джеатара и солдата. — Сначала вы, — сказал он трем басэери у стены. Они смотрели на Эллис. Она попыталась встать на ноги, но не смогла. Вместо этого она села прямее.

— Мы напали на кладовые Лиги, как и планировалось, — начала она, голос был твердым, хоть она была бледной. — Забрались без проблем, нашли подвал пинвиума, где и говорили. Килвет начал взламывать замок, — она сделала паузу. — И тогда ворвались солдаты. Шесть или семь. Мы выбрались, только потому что установили ловушки-линии, как вы нас учили. Первые несколько солдат не увидели их, упали и заставили споткнуться остальных. Мы почти вернулись сюда, когда на нас напали в трех улицах отсюда. Мы убили четверых, поймали его, — она указала на мертвого мужчину на полу, — и решили, что он может что-то знать, так что принесли его сюда.

— Тела на улице?

Она скривилась.

— Да, сэр.

Ондераан выругался и повернулся к троим в форме.

— Уберите их, пока никто не увидел. И заберите их документы.

— Да, сэр, — они ушли на ступеньки.

— Подвал не должен был так хорошо охраняться, — сказал Ондераан. — В Лиге мало рабочих, пинвиума почти нет. Среди нас шпион?

Сиэкт посмотрела на меня.

— Они не шпионы, — сказал Джеатар.

— Он вдруг пришли в день, когда мы воровали пинвиум? — фыркнула она. — И мы не знаем, кто они?

— Я знаю, кто они, и они не шпионы, — сказал Джеатар.

Ним кивнула.

— Она спасла меня и Эллис. Она не плохая.

— Она могла сделать это, чтобы втереться в доверие, — сказала Сиэкт. Я бы возразила, но это не заставило бы ее передумать. Особенно, когда она была отчасти права.

— Нет, — сказала Ним. — Она не знала, кто я, когда спасла меня на улице.

— Если она не наняла хулиганов.

Джеатар фыркнул.

— Ты не серьезно. Рейд не удался, такое бывает. Может, и шпиона нет.

— Ты, — указал на меня Ондераан. — В мой кабинет, живо. Одна, — добавил он, когда Сиэкт и Джеатар шагнули вперед.

Сиэкт уставилась на него, словно он попросил ее ударить его ножом.

— Сэр, она может передать боль вам.

Он повернулся ко мне.

— Ты опасна?

— Нет, пока вы не попробуете убить меня.

На миг его губы дрогнули в улыбке.

— Справедливо.

С помощью Данэлло я встала. Боль уже была терпимой, я держала ее в точке, чтобы справиться, но она не будет такой вечно. Я прошла в кабинет Ондераана и опустилась в кресло. Он закрыл дверь и занял место за столом, но не сел. Он долгую минуту просто смотрел на меня, его плечи становились все напряженнее с каждым вдохом. Я заметила, что у него очень широкие плечи.

— Как ты могла обвинять меня, когда у самой может быть шпион? — он говорил тихо, но с яростью. — Ты осуждаешь меня и мои дела, но скрывает, что ты — Забиратель.

Мне было не по себе.

— Я — Преобразователь. Я могу лишь попасться герцогу.

— Как и любой Забиратель.

— Я другая.

Он фыркнул.

— Конечно, нет. Им будет все равно.

— Я не ощущаю пинвиум.

Его гнев дрогнул. Может, еще удалось бы все исправить и убедить его оставить нас.

— Вы правы, — продолжила я. — Я могу пройти их проверку и доказать, что я Забиратель, но, стоит им попросить меня втолкнуть боль в пинвиум, меня раскроют.

— Но ты можешь пройти.

Я помрачнела.

— И что потом? Убрать армию изнутри? Думаете, так я спасу сестру? Братьев Данэлло? Нет, — я покачала головой. — В этот раз я буду думать головой. Слишком много всего на кону. Мне нужен план.

Ондераан сел, глядя мне в глаза. Гнева почти не было, я заметила смятение. Я не знала, что он чувствовал, но его чувств явно было много.

— Так ты пошла бы туда, если бы могла сойти за Забирателя?

— Я бы уже была там.

Ондераан отклонился в кресле. Он разглядывал меня, стучая пальцем по губам. Я знала этот взгляд. Он продумывал план.

— Я над кое-чем работал, — осторожно сказал он, словно не знал, можно ли доверять мне. — Это было для другой проблемы, но могло бы пригодиться тебе в лагерях.

— Как?

Он потянул за цепочку на шее. На ней висел ключик.

— Не знаю, как было в Гевеге, но здесь пинвиума весь год было мало, — сказал он и открыл один из ящичков стола. Он вытащил железную шкатулку и открыл.

— Я смог собрать по кусочку, но те источники давно пусты. Доступного пинвиума в

городе давно нет.

Как люди выживали без пинвиума?

— Он есть только у герцога и его Бессмертных?

— Точно. Без него я бы не смог закончить это, — он показал браслет с тремя кольцами на цепочках.

Я задрожала и хотела бежать. Я не видела резьбу, но знала, что она там.

— Пинвиум с письменами.

— Как ты... — он раскрыл рот, а потом протянул браслет. — Внутри, видишь?

Я не хотела смотреть. Я вжалась в кресло, стараясь держаться подальше.

— Уберите это, пожалуйста.

— Что не так?

— Вот это! Вы не чувствуете?

— Нет, — он спрятал браслет в шкатулку. — Я думал, ты не ощущаешь пинвиум.

— Нет, но этот ощущаю. Словно пауки бегают по мне снаружи и внутри.

Как у Зертаника. Он был чародеем. Он тоже создавал что-то такое? Он мог бы такое продать, но это не помогло бы людям. Может, он подумывал продать это герцогу. Может, как то, что было в ящике в библиотеке.

Ондераан нахмурился.

— Если ты так чувствительна к нему, может, это не сработает.

— Почему он ощущается таким неправильным?

— Честно, не знаю. Я никогда не встречал никого, так реагирующего, как ты. Может, в тебе есть что-то от чародея?

Я устала быть уникальной.

— Что это?

— Прибор для исцеления, — он пожал плечами, словно это был пустяк. — Было сложно добыть пинвиум, но найти Целителей, использующих его, еще сложнее. Так было годами. Я пытался зачаровать пинвиум забирать боль, а не вспыхивать ею.

Исцеление без Целителей. Это было гениально.

— Он работает?

— Думаю, сработает.

— Вы не проверяли?

— Я его не закончил. Письмена верны, но я не могу внедрить спусковой крючок, пока он не будет целым.

Письмена. Как этот кошмар мог помочь людям?

— Зачем эти письма? Помню, папа их писал, но я не видела, чтобы он их вырезал.

Ондераан не ответил сразу, он смотрел на меня.

— Они усиливают чары. Большая часть чар внедряется, когда рисуешь их водой или маслом, пока пинвиум остывает.

— Простые.

— Да. Вырезанные чары сложнее даются, но они длятся дольше. Порой — вечно.

— Они опасны? — наверное, раз я так на них реагировала.

Он кивнул.

— Бывают.

— Расскажите, как это работает, — мне не нравилось думать, что это будет у меня на коже, но если это поможет мне в лагере, я потерплю. Я переживу и худшее, лишь бы спасти

Тали.

Он вытащил браслет. Я приготовилась.

— Его просто носишь, — сказал он, надевая браслет на ладонь. Кольца налезли на пальцы. Я видела похожие украшения в толпе басэери. — Нужен контакт с кожей пациента, так что ладонь нужно прижать, сжать и тряхнуть, как с прутом. Пинвиум заберет всю боль.

— Как он поймет, что исцелять? — спросила я. Забиратели учились, чтобы лечить правильно. Простой кусок пинвиума, хоть и с письменами, не мог такого.

Он вздохнул.

— Я не знаю точно, как это работает. У меня есть записи дела. Он сказал, что они были в нашей семье поколениями, и что они работали. Он сам делал предметы.

— Для исцеления?

— Нет. В основном, оружие. Прибор для исцеления я придумал, соединив два разных узора письмен. Я знаю, это работает.

Я так уверена не была. Кто знал, что прибор сделает на чьей-то руке? Могло ли быть еще хуже, чем сейчас?

— Эта штука будет исцелять, я выглядеть будет, словно я забрала боль?

— Да.

— А что будет, если мне придется втолкнуть боль в броню из пинвиума.

Он замешкался.

— Не выйдет. С браслетом можно много раз исцелить, пока он не достигнет предела. Но, — быстро добавил он, когда я начала говорить, — Бессмертные получают броню не за пару месяцев. Они учатся, проходят проверки, и ты сможешь какое-то время обманывать их, чтобы найти сестру и остальных.

Снова уверенности не было.

— Что вам нужно, чтобы закончить его?

— Больше пинвиума. Для того и был рейд этой ночью.

— Думаю, вам нужно попробовать завтра ночью.

— Не сейчас.

— Больше пинвиум нигде не найти?

— Не поблизости.

Значит, пинвиум был, но добывать его было опасно. Если я смогу добыть ему больше пинвиума, он сможет закончить свой прибор, и я смогу пробраться в лагерь и спасти Тали.

— Если я помогу вам, остальные смогут остаться? Вы их не выгоните?

Он замешкался, глядя на меня, как папа, когда пытался понять, не шучу ли я.

— Они могут оставаться, но ты ничего не можешь сделать. Пинвиум есть еще на литейном заводе герцога. В районе аристократов, который был заперт месяцами. Пробраться туда невозможно.

Я такое уже слышала.

— Нам повезло, ведь невозможное у меня получается лучше всего.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ:

— Вы хотите пробраться на литейный завод? — сказал Джеатар час спустя в кабинете Ондераана. Только его из Подземелья позвали сюда. Пока Ондераан не нашел шпиона — или не убедился в его отсутствии — он мог доверять только нам. И это показывало, как он скован. — Это была идея Нии, да?

— Это было общее решение.

Данэлло медленно кивнул, как всегда, взвешивая варианты. Идти на завод было опасно, но мне нужен был этот пинвиум.

— Я с вами, — сказала Айлин. Она звучала не так бодро, как обычно, и я подозревала, что дело было не в том, что уже поздно, и она устала. — Какой план?

— Попроберемся на завод, стащим немного пинвиума и уйдем раньше, чем нас заметят, — сказала я.

— Как всегда?

— В принципе, да.

Джеатар застонал и закрыл лицо руками. Наверное, он тоже устал.

Ондераан посмотрел на меня.

— Мы еще не продумали детали. И даже не договорились, когда это будет.

— Нужно идти на рассвете, сразу после смены стражи, — сказала я.

— На этом рассвете? — спросил Джеатар. — Который через пять часов?

Ондераан покачал головой.

— Думаю, нам нужно выждать еще день.

— Никто не ожидает опасности перед завтраком, — сказала я. — И они не будут ожидать, что мы нападём сразу после проникновения в Лигу, — была еще одна причина спешить, но я не хотела ее упоминать.

Данэлло сделал это.

— Ты не можешь ждать день, да? Забранная боль.

— Да. Завтра я буду замедленной. Будет сложно думать. Ты помнишь.

— Ага, — он держал боль, чтобы спасти отца, страдал не меньше Тали. Он не был Забирателем, и это действовало на него сильнее, чуть не убило его и его братьев. Я пока что могла держать боль в одной точке, но все равно было неприятно. И станет хуже.

Айлин повернулась к Ондераану.

— Расскажите об этом заводе.

— Он за внутренними стенами района аристократов, возле гавани и цитадели, — он развернул карту города. Прямые строгие линии. Мне больше нравились изогнутые улицы Гевега, извилистые каналы. — Мы здесь, — он указал на низ карты. — Завод здесь, — его палец пополз вверх, мимо толстых темных линий к точке у реки. — Врата в этот район хорошо охраняются. Обычно туда не пройти без пропусков, но этой ночью мы получили печати.

— От убитых солдат, — сказал Джеатар.

— Верно. У всех солдат есть доступ к цитадели, так что у нас есть четыре пропуска. К сожалению, они меняют их каждую неделю, и я не знаю, как долго эти будут работать.

— Нас могут остановить у ворот? — спросил Данэлло.

— Возможно.

— Попасть за стену просто, — сказала я. Ондераан описал проблемы на заводе, надеясь, наверное, что я откажусь пробовать. Но только там можно было добыть пинвиум, мы должны были попробовать. — На заводе своя стена, свои стражи и патрули на территории.

— Пропуск работает на заводе? — спросил Данэлло.

— Нет.

Айлин нахмурилась.

— Как тогда нам войти?

— Надеюсь, мы пойдем это, попав туда.

Джеатар застонал, и Ондераан медленно кивнул.

— Об этом мы и спорили последний час.

— Мы можем хотя бы посмотреть, — сказала я. — Мы сможем придумать повод пройти внутрь.

— Вряд ли.

Он, скорее всего, был прав, но немного оптимизма еще никому не вредило.

— Мы не узнаем об этом, пока сами не увидим.

— Ладно, — Данэлло хлопнул в ладоши. — Когда мы уходим?

— Когда меняется смена. После рассвета, — я улыбнулась Ондераану. — Верно?

Он вздохнул.

— Если просто посмотреть, то рассвет.

— Но сначала, — сказала Айлин, — нам нужно сделать кое-что еще, — она посмотрела на Данэлло. — Эй, Ондераан, у вас случайно нет здесь черной краски для волос?

В этот раз форма сидела на мне лучше. Ним изменила форму под меня и Айлин, поклявшись Ондераану, что никому не расскажет. Ее любопытные взгляды выдавали, что ей интересно, куда мы идем, но она не задавала вопросов. Ондераан сохранял нашу миссию в секрете, но это было сложно, когда пятьдесят людей постоянно были в одной вилле.

— Что они делают? — спросила Сизкт, когда мы уходили.

— Разведка, — сказал Ондераан.

— Да? Они даже не знают города.

— Джеатар знает.

Сизкт не была рада происходящему. Как и ее друзья.

Эти люди не были солдатами, но я подозревала, но хотя бы некоторые явно были. У них была какая-то структура, но я не знала, кто кому подчинялся, хотя, судя по поведению людей, Сизкт была одним из лидеров. Она не была равно Джеатару или Ондераану, но у нее было достаточно поддержки, чтобы она могла стать проблемой.

— А моя команда? Они обучены.

— Они работали днем и ночью неделями. Думаю, отдых вас обрадует, — спокойно сказал Ондераан, но в голосе слышалось напряжение. — Я сильно на них давил, разве ты не говорила на днях?

Ее щека дергалась.

— Конечно, спасибо. Уверена, они оценят отдых.

— И я так думаю.

Я прикрепила меч к поясу, стараясь не улыбаться. Я могла бы вести себя с ней хорошо, но даже у святой Геду не было бы столько терпения, сколько требовалось с Сизкт.

— Готово? — спросил Данэлло. Он выглядел хорошо в форме, черные волосы скрывали его лучше, чем его светлые.

— Идем.

Мы покинули виллу с первыми лучами солнца над Басэером. Комендантский час заканчивался на рассвете, но улицы уже были полны людей. Никто не смотрел на нас, пока мы шагали к восточным воротам, Джеатару пару раз пришлось играть роль, чтобы люди расступились и пропустили нас.

— Как ты? — спросил меня Данэлло.

— В порядке.

— Ниа, я не могу помочь, если ты врешь мне.

Я замедлилась, чтобы Джеатар и Айлин шагали впереди.

— Грудь болит, сложно дышать, но я пока еще в порядке.

— Что будешь делать, если мы не добудем пинвиум?

— Не знаю, — к счастью, он не подумал, что пинвиум был не единственной проблемой.

У меня не было Целителя, чтобы использовать его. Мне нужна была Тали так же сильно, как я была нужна ей.

А если я не смогу найти ее или другого Целителя?

Тогда придется принять решение, которое мне не хотелось принимать.

— Вот стена, — сказал Джеатар. Она выглядела такой же прочной, как та, что окружала город, только меньше, около двадцати футов в высоту. Врата были вырезаны посередине, прутья были толщиной с мою руку.

Солдаты в лучшей форме, чем наша, проверили пропуска. Они не выглядели юными или скучающими, как многие солдаты, которых я видела дома. Эти мужчины и женщины выглядели опасно, словно надеялись, что у кого-то не окажется правильного пропуска, чтобы они начали день с боя.

— Следующий, — вызвала солдат. Двое других стояли за ней, вооруженные копьями.

— Расслабьтесь, — сказала я, вытаскивая пропуск из кармана. — Настоящие солдаты делают так каждый день.

Пропуска были из дерева, размером с мою ладонь, отмеченные скопой и официальными словами. Внизу были отметки разной глубины, некоторые были цветными.

Прошу, Святая Сэя, пусть они еще будут действительными.

Мы дошли до солдат. Женщина осмотрела печать Джеатара, перевернула ее в руке и провела пальцами по отметкам внизу.

— Вы вчетвером? — спросила она Джеатара.

— Да.

Она посмотрела в сторону Данэлло, а потом на меня.

— Она не маловата для солдата?

Я с колотящимся сердцем проворчала:

— А вы не слишком шумная для стража?

Джеатар стукнул меня ладонью по голове.

— И сегодня тоже будешь чистить котлы, — сказал он твердым тоном. — Учись держать язык за зубами или всю жизнь проведешь на кухне.

Солдат смотрела на него, поджав губы.

— Новички, — сказал Данэлло со смешком. — Становятся с каждым днем все младше, да?

Солдат рассмеялась и провела пальцами по его подбородку.

— Сказал мальчик с детским пушком на подбородке.

Данэлло покраснел, солдаты с копьями рассмеялись.

Женщина проверила наши пропуска и кивнула.

— Проходите. Старайтесь не пускать мелкую в пивную.

Я нахмурилась, они рассмеялись. Женщина открыла врата, и мы прошли.

— Зачем было это говорить? — сказал Джеатар, когда мы были далеко от них.

— Если я для них мелкая, меня это должно задевать.

Он открыл рот, а потом закрыл.

— Умно.

— Не нужно звучать так удивленно.

Айлин рассмеялась.

— В какой стороне завод? — спросила я.

— Сюда.

Район аристократов был краше, чем в Гевеге. Изящные виллы стояли на холмах, окруженных густой травой и цветущими деревьями. Сладко пахло, лепестки летали на ветру. Здания не липли друг к другу. Даже между магазинами и кафе было расстояние, обычно, небольшой сад или клумба.

— Это солдаты? — прошептал Данэлло, когда приблизились мужчины в красно-золотой форме.

— Нет, слуги, — сказал Джеатар.

— В форме?

— У многих домов свои цвета и печати.

— Зачем? — мы с Данэлло были потрясены. Но так тоже можно было пробраться в город. Слуг, как и солдат, редко пристально рассматривали.

— Известность, — сказал Джеатар. — Владельцы магазинов знают по цветам, для кого закупается слуга, кому стоит предлагать лучшие товары.

Данэлло только покачал головой.

Улицы сменились высокими кустами, а потом менее вычурными магазинами и простыми домами. Вскоре вместо них появились кладовые и пивные, а потом военная часть. Цитадель стояла вдали как камень, впечатляющая даже издали.

— Вот, — сказал Джеатар. — Пить кто-нибудь хочет?

Я уставилась на него, а потом заметила пивную на улице напротив завода.

Столы стояли под навесом, увитым виноградом, отсюда было хорошо видно улицу. Мы могли сидеть и смотреть, и никто не обратил бы внимания. Конечно, столы были заняты солдатами.

— Уверены? — спросила я у Джеатара.

— Ты хотела последить за заводом, — он прошел по ступенькам и занял место за одним из столов. Несколько человек оглянулось, но, в основном, его игнорировали.

— Интересно, подают ли здесь завтрак? — сказала Айлин, мы присоединились к нему.

Завод был таким, как описывал Ондераан. Стена в десять футов высотой окружала землю, у врат было два солдата. Тяжелое дерево, без решетки, так что насквозь видно не было. Высокие трубы и крыши виднелись над стеной слева, квадратное трехэтажное здание стояло справа. Темный дым поднимался из труб, но ветер уносил его от города. Рев печей смешивался со стуком молотов. Несколько высоких деревьев окружало двор, но они были слишком далеко от стены, чтобы помочь нам забраться туда.

— Готова сдать? — сказал Джеатар.

— Нет уж, — но попасть внутрь будет сложнее, чем я представляла. — Как долго можно сидеть здесь, чтобы никто не заметил?

— Пока делаешь заказы. Многие солдаты отдыхают здесь.

— Надеюсь, еда здесь хорошая. Потому что мы здесь надолго.

К обеду стало ясно, что просто войти мы не смогли бы. Стражи проверяли каждого, а получить пропуск — если они у них были — было бы непросто.

Телеги не привозили, так что пробраться таким образом мы тоже не могли. Я ерзала на

стуле, боль терзала изнутри. Утром было не так плохо, но каждый час усиливал боль.

— Осмотрим чуть больше, — сказала я, встав. Я пыталась не кривиться, но Данэллс помрачнел и встал рядом со мной.

— Я с тобой. Я могу пригодиться.

Джеатар кивнул.

— Только осторожно, ладно?

— Я бы и не стала вести себя иначе.

Джеатар потянулся к напитку.

— Точно.

Мы с Данэлло пошли дальше. У пивной были лавочки кожевника, стеклодува. В Гевеги работники трудились везде, где была работа, но здесь был шанс, что кто-то из них работал на заводе и знал, как пройти. Я помогала папе у печи, так что могла сойти за рабочего.

Я слышала, как несколько человек говорят о случае в Лиге, и мы притворились, что ищем подозрительных людей, которые могли оказаться у завода.

Никто толком не знал расписания доставки и не видел ничего необычного, хотя одна из рабочих в стеклодува сказала, что кареты приезжают по ночам.

— Во сколько?

— За полночь, — сказала она, с опаской глядя на магазин. — Я не должна быть здесь так поздно, но я потеряла комнату пару недель назад, и мне разрешили спать здесь, пока я не найду другую.

— Все хорошо, это нас не тревожит.

Она обрадовалась.

— Спасибо. Надеюсь, вы поймаете воров.

Мы шли дальше, но завод был со всех сторон хорошо защищен.

— Думаешь, там делают броню из пинвиума? — спросил Данэлло.

Я кивнула.

— И оружие. Потому и приезжает карета. Увозят оружие в замок. Кто заметит карету на вычурной улице? У всех, наверное, есть такие, — мы видели их много этим утром, они тоже были разных цветов, как форма слуг. — Интересно, что это, — я указала на высокий каменный мост, что поднимался над задней стеной завода, шел над городом и колоннами. Казалось, он начинался за главной стеной и шел к пристани.

— Думаю, это акведук.

— Нужно узнать, куда он ведет, — если там не было защищено, мы могли бы забраться по нему на завод.

— Джеатар может знать.

— Вернемся тогда.

Принесли обед, когда мы добрались туда.

— Где начинается акведук? — спросила я.

Джеатар нахмурился, словно пытался понять, зачем мне это.

— У озера...

— Ниа! — сказал Данэлло, озираясь. — Вианд вышла из завода. Она идет сюда.

ПЯТНАДЦАТЬ:

Я склонилась над тарелкой, отвернувшись.

— Она нас видела?

— Нет. Она говорит с тем великаном, что был с ней раньше.

Стьюиг.

— Ведите себя нормально, — сказал Джеатар, сделав глоток. — Не давайте ей повода смотреть сюда.

— Что она делает? — я была спиной к улице.

— Думаю, она пришла на обед, — Данэлло опустил голову. — Она в двух столах от нас, — прошептал он, я едва его слышала.

Ня слышала Вианд.

—равно, что он думает, она будет здесь.

Стьюиг проворчал в ответ, но не так громко, чтобы я услышала.

— Она ведь вышла из тюрьмы? Поверь, она не оставит свою... — она замолчала, официант подошел к столу.

Я посмотрела на Джеатара. Она говорила обо мне? Я ушла из тюрьмы, и не было смысла ищейке быть у завода. Там не было Забирателей. Если только... Она не оставит свою... что?

Сестру? Друзей?

Святые! Тали могла быть за этими стенами, в пятидесяти футах от меня.

— Она крепкая, она не убежит, — сказала Вианд, когда официант ушел. — Она все еще в городе. Так что нужно приманить ее сюда. Пусть разойдется весть, что у нас ее сестра. Она придет к нам.

Я крепко сжала вилку. Данэлло и Айлин смотрели на меня большими глазами с надеждой. Джеатар смотрел с тревогой.

У нее была Тали, или это была ловушка? И что? Нам нужно было ворваться туда, даже если это уловка.

Мы ушли, когда Вианд вернулась на завод. Я боролась с желанием бежать, попасть внутрь. Я молилась, чтобы Вианд не врала.

— Думаешь, Бахари и Джован тоже там? — спросил Данэлло, у него был такой же взгляд, как у меня.

— Возможно.

— Это ловушка, — сказал Джеатар. — Зачем Забиратели на заводе?

Айлин пожалала плечами.

— Они не просто Забиратели. Они — приманка. И туда сложно пробраться.

— Потому что это ловушка.

Мы притихли у ворот, вручили пропуска. Мы прошли еще пару улиц, а потом Джеатар повернул в переулок.

— Ниа, я понимаю, что ты хочешь в это верить, но подумай. Вианд может устроить засаду в любом месте, куда проще попасть.

— Не думаю, что Ниа кому-то так легко поверит, — сказал Данэлло. — Я не поверил бы.

Джеатар нахмурился.

— Если это касается Тали, то — да.

— Не думаю, что это ложь, — сказала я, злясь на Джеатара, но в его словах была правда. — Туда сложно попасть, и Вианд знает это лучше, чем мы. Она бы не выбрала завод, если бы там не было того, что мне нужно.

— Если она не врет.

— Нет, погодите, — сказала Айлин, вскинув руку. — Ниа права. Если она узнает, где Тали, она пойдет туда. Вианд на заводе, потому что думает, что Ниа туда придет.

Данэлло кивнул.

— Ниа нашла нас в тюрьме. Конечно, Вианд думает, что она как-то поймет, где Тали и мои братья.

Джеатар ответил не сразу, а потом выдохнул.

— Возможно, так. Но я все еще думаю, что это ловушка.

— Ага, — сказала Айлин. — Это очевидно.

Он нахмурился, но посмотрел на меня.

— Я тебя не отговорю?

— Никак.

— Она знает, что ты придешь.

— Но теперь я знаю, что она там, — улыбнулась я. — У меня преимущество, — я не знала, поможет ли это, но должна была рассчитывать на это.

Айлин улыбнулась.

— И-и-и-и какой план?

Я посмотрела на акведук.

— Значит, он идет до озера? — спросила я у Джеатара.

— Да. Начинается там и несет воду в город. Есть две цистерны — одна у цитадели, другая — в дальнем конце Басэера.

— Мы можем туда забраться?

— На акведук? — он был потрясен. — Он пятьдесят или шестьдесят футов в высоту, вряд ли в четыре фута шириной.

Я ходила и по краям меньше и выше.

— У Вианд на заводе может быть стража, — сказал Данэлло.

— Можно подождать, пока она уйдет, — сказала Айлин. — Она же может сдать и уйти? А потом нужно будет пройти стражей, которые не ожидают нас увидеть.

Все молчали. Они могли ждать, но у меня времени было мало.

Как не было его и у Тали и близнецов, если их используют, как приманку. Герцог мог позволить Вианд поиспользовать их немного, чтобы поймать меня, но у него были на них планы.

— Это не сработает, — сказала я. — Они могут передвинуть их, и я продержусь пару дней в лучшем случае.

Мы шли в тишине, пока не прошли врата виллы Ондераана.

— А если мы разделим боль? — сказала Айлин.

— Она все равно убьет всех, кто ее носит.

Она покачала головой.

— Не сразу все. Я возьму сегодня, Данэлло — завтра, а потом Джеатар, а потом тебе. Без нее ты же будешь в порядке? Можно носить ее по дням.

— Это сработает? — Данэлло снова смотрел с надеждой.

— Не знаю, — боль терзала тело, но без нее тело ничто не тревожило. — Но она будет вредить, и мне придется исцелять ущерб при каждой передаче. Так что боль будет становиться хуже.

— Но пока что сработает?

— Наверное.

— Я хочу попробовать, — сказал Данэлло.

Айлин кивнула.

— Как и я. Сделаем это. Оставьте меня с подушками и книгами, день я продержусь.

Я хотела отказаться, но Айлин была настроена решительно.

Хоть это ранило друзей, я не хотела умирать. Я бы поискала другой способ, но утопающий всегда хватается за ближайшую ветку.

— Хорошо. Спасибо.

— А для чего дружба?

Джеатар отпер дверь, и мы прошли по кухне к лестнице. Главная комната была тесной сегодня, там собралось тридцать или сорок человек. Сизэкт встала, когда мы вошли, а за ней еще трое.

— Так быстро вернулись? — она скрестила руки. Остальные сделали так же.

— Мы узнали то, что хотели, — сказал Джеатар.

— Уверена. Преобразователь здесь не нужен.

Никто не должен был знать обо мне, но она только что сообщила всему Подземелью. Судя по их реакции, они уже знали.

— Мило, — сказал Джеатар, — но решает Ондераан, так что она остается.

— Герцог ищет ее. Мы уязвимы из-за нее.

— Герцог ищет и Ондераана. Его тоже выгонишь?

На ее губах мелькнула улыбка.

— Конечно, нет. Он хороший лидер, — сказала она, хотя я сомневалась в том, что она серьезно. — Но он рискует, защищая нас.

— Мы все рискуем, находясь здесь.

Она пронзила его взглядом.

— Ты знаешь, о чем я. Зачем давать герцогу повод обыскивать дома, что часть Подземелья?

Сколько их было? Я думала, что один, но если такие дома были по всему городу, то здесь были сотни людей, а то и тысячи. Разве они не могли свергнуть герцога?

— Сизэкт, нельзя...

— Можно. Это личная месть. Мы не пытаемся что-то доказать. Мы хотим, чтобы герцог ушел, и для этого есть способы проще.

Джеатар помрачнел.

— Мы не будем убивать герцога.

— Есть те, кто может сделать это.

Я посмотрела на Данэлло. Убить герцога? Может, Сизэкт была не так и плоха.

Джеатар покачал головой.

— Мы говорили об этом, Сизэкт. Нам не нужно кровопролитие.

— Мы защищаем себя, защищая ее, — сказала Ним из угла. Я не заметила ее до этого. Я не видела ее подругу Эллис. — Если мы ее выгоним, герцог найдет ее быстрее.

— Он уже знает, что она в Басэере! Она сделала все, чтобы весь город шептался об этом. Скоро они отследят ее.

— Она знает, где мы, — просто сказала Ним. — Даже бессердечная ты понимает, что будет, если ее поймают. Оставить ее безопаснее для нас.

Погодите... Они собирались оставить меня здесь? Мне нужно было залезть на акведук, я не могла тут сидеть.

Остальные зашептались, нервно озираясь. Никто об этом не подумал. Даже Сиэкт замолчала.

— Хорошо, она не выйдет отсюда.

Я шагнула вперед.

— Это не...

— Требуй, что хочешь, Сиэкт, — сказал Джеатар, зажав рукой мне рот. — Решать Ондераану.

— Поклянись, что не уйдешь, — сказала Сиэкт, словно это я ошибалась.

Я протянула руку.

— Пожмем?

Она отпрянула с большими глазами.

— Просто никуда не уходи.

— Моя комната, — пока что. Но она не будет мне указывать, что делать. Судя по виду Джеатара, он тоже был против. Сиэкт явно прыгнула выше головы, и без Ондераана и его поддержки даже Джеатар не мог ее успокоить.

Джеатар проводил нас до гостевых комнат.

— Пока оставайтесь здесь. Я расскажу всю Ондераану, и он разберется с ней. Она хочет добра, просто ее тактики немного агрессивны.

— Это точно, — сказала Айлин.

— Сколько домов у Подземелья? — спросила я.

— Двадцать три. Некоторые больше, некоторые меньше.

— Мы можем пойти в один из них?

— Я бы предпочел, чтобы ты была рядом со мной, — что-то в его тоне тревожило меня.

— Зачем?

— Не только Сиэкт не рада делам Ондераана. Они думают, что он пассивен.

— Они хотят убить герцога?

— Не все, но многие.

— Ондераан теряет контроль над Подземельем?

Джеатар кивнул.

— Мы потеряли много поддержки с появлением Бессмертных. Ондераан этого не ожидал. Мы не знали, что герцог создает их. Это вызвало... сложности.

Похоже, проблем у них было больше, чем я думала. Ондераану приходилось справляться с людьми, а ему еще требовалось разбираться с ситуацией в Басэере.

— А Тали?

— Пока будем придерживаться плана. Попытаемся найти путь внутрь, может, тогда Ондераан сможет успокоить Сиэкт. Если мы получим пинвиум и пару Целителей, но это поможет Ондераану остановить герцога.

— А если Сиэкт сделает что-нибудь раньше? — спросил Данэлло.

Джеатар помрачнел.

— Тогда Ниа потеряет шанс избавиться от этой боли.

* * *

Я провела гребешком по волосам, желудок сжимался от того, сколько во мне было боли. За ночь стало хуже, теперь я ощущала себя так, словно съела испорченную еду.

— Как я это ненавижу.

— Мы должны сделать это, — сказала Айлин. — Вианд знает, как ты выглядишь, тебе

нужно изменить облик.

— Я не про волосы, — хотя это мне тоже не нравилось. Айлин последней краской сделала мои локоны темнее. Я старалась не замечать, что теперь они были черными, как у Ондераана.

Айлин отмахнула от моих тревог.

— Я смогу потерпеть денек эту боль.

— А если со мной что-нибудь случится? Ты не сможешь от нее избавиться.

— Я буду жить, — сказала она, хотя понимала, что тогда это будет не так.

— А если Сизэкт не выпустит нас? — спросил Данэлло.

— Понадеемся, что новый облик Нии сработает, — Айлин начала заплетать длинные волосы. — Передай мне тот шнур.

Я подняла кожаный шнурок и протянула ей.

— Вианд знает, что я где-то здесь. Не уверена, что я могу остаться здесь.

— Джеатар что-нибудь придумает или переместит нас в безопасное место, — сказал Данэлло. — У него должен быть дом в Басэере. Он же не живет здесь все время?

— Не знаю. Он много путешествует, так что все возможно.

— Нож, — сказала Айлин.

Я передала его ей.

— Не думаю, что он оставил бы нас здесь, если бы думал, что мы в опасности. И Сизэкт не может нас заставить... Айлин, что ты делаешь?

Она держала нож у шеи, прямо под косой. Она зажмурилась и отрезала ее.

— Айлин! — вскричала я.

— Я же говорила, что тебе нужен новый облик, — она показала косу. — Не шевелись, я прикреплю ее к твоим волосам. Должно сработать.

— Но ты любишь свои волосы!

— Они вырастут, — она звучала не так спокойно, как хотела. Я слышала боль в ее голосе, видела блеск в глазах, пока она смотрела на косу в своей руке.

Маленькая жертва по сравнению со всем, что она делала для меня.

— Ты не должна была так делать, — я говорила не только о ее волосах.

— Чтобы уберечь тебя, я и побрить голову готова.

Я обняла ее, стараясь не плакать.

— Спасибо.

— Ты найдешь Тали и братьев Данэлло, и мы будем в расчете.

— Хорошо.

Я сидела, пока она вплетала косу в мои волосы. Если дернуть, коса оторвется, но до этого дойти не должно было. Она сделала темнее мои брови, подвела темной пудрой глаза.

— Где ты все это взяла?

— У Ним. Только она тут милая, — Айлин протянула зеркало. — Что думаешь?

— Ого, — присвистнул Данэлло. — Ты на себя не похожа.

Я выглядела старше, темнее, как басэери.

— Это хорошо или плохо?

— Хорошо для скрытности, но мне нравится твой настоящий вид.

Я покраснела.

Айлин забрала с моей кровати подушки и устроилась на своей кровати.

— Хорошо, наполняй меня, а потом иди в бой, — она закатала рукав и протянула руку.

Я обхватила ее ладонь, другую ладонь прижала к ее руке.

— Ты...

— Давай, посмотрим, из-за чего все время скулит Данэлло.

Я толкнула в нее, сначала медленно, чтобы она привыкла. Она вскрикнула и стиснула зубы, но рука ее не дрожала. Я толкала, пока боль не ушла.

Моя грудь стала свободнее, я смогла легче дышать.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила я. Данэлло налил ей чашку сока.

— Похоже, он скулил не зря.

— Я могу забрать...

— Нет! — она вскинула руку, скривилась и легла. — Тебе нужно попасть на завод, тебе нужна ясная голова и сильное тело. Лучше идти с Данэлло и Джеатаром, чем со мной. Я посмотрю, что смогу сделать здесь. Может, Ним что-нибудь знает. Они игнорируют ее, но она вряд ли что-то упускает.

— Мы скоро вернемся, — сказала я. — Если этого будет слишком много, я заберу боль, хорошо?

— Иди уже. Ты тратишь время.

Мы покинули комнату и закрыли за собой дверь.

— Я попросил Халиму помочь ей, — сказал Данэлло.

— Спасибо.

— Итак, — он печально улыбнулся, — какой план?

Я улыбнулась в ответ. Это должна была спросить Айлин.

— Я хочу посмотреть, сможем ли мы подняться на акведук. Это лучший способ пройти мимо стражи. Думаю, если забраться с дерева на крышу, можно пролезть туда, не касаясь земли.

— И тогда пинвиум наш.

И наши семьи, если повезет.

ШЕСТНАДЦАТЬ:

Сизэкт и ее прихвостни ждали нас в главной комнате.

— Хорошее прикрытие, — сказала она, преградив мне путь.

— Зато так меня не поймают, — сказала я. — Знаю, вас это расстраивает.

Она помрачнела, но не угрожала запереть меня в комнате. Конечно, она и с дороги не ушла.

— Простите, — сказала я, — но мне нужно уйти.

— Ты поклялась, что не выйдешь.

— Я не соглашалась.

Она склонилась ближе, от нее пахло корицей.

— Тебе плевать на то, что ты подставляешь людей?

— Я тоже рискую людьми, и они в большей опасности, чем ваши.

Дверь открылась. Я не обернулась, но, судя по тому, как Сизэкт отпрянула и расправила плечи, это был Ондераан.

— Сизэкт, — сказал он, — пусти ее.

— Это риск.

— Нет. Ниа, доложишь мне, когда вернешься, — он заговорил тихо с кем-то. Через миг рядом со мной появился Джеатар.

— Пройдемся по городу? — он улыбнулся Сиект, но не дружелюбно.

— Ведите.

Мы покинули виллу и пошли с вечно присутствующей толпой к месту, где акведук пересекал стену. Слишком высоко над зданиями, чтобы дотянуться, и мы пошли по городу до внешней стены. Ряды высоких домов были у балок, поддерживающих акведук. Я улыбнулась. Первая удача за эти дни.

— Думаю, это путь наверх, — сказала я. Крыши домов были почти на уровне с акведуком. Попасть с верхнего этажа на крышу будет непросто, но мы могли это сделать.

— От крыши прыжок в три фута, — сказал Данэлло.

— Может, больше, — Джеатар не спешил радоваться. — Отсюда сложно оценить расстояние.

— Попробовать стоит, — сказал Данэлло.

Джеатар замешкался, разглядывая здания.

— Попробовать стоит. Если мы пойдем, как попасть внутрь и избежать того, что приготовила для нас Вианд.

Мужчина врезался в меня, направляясь в другую сторону. А потом другой, третий. Я отошла в сторону, прижалась к зданию. Джеатар и Данэлло сделали так же.

— Что происходит? — спросил Данэлло.

Люди спешили с испуганным видом. Они оглядывались и ускоряли шаги.

— Если бы мы были дома, я бы сказала, что идут солдаты.

Джеатар нахмурился.

— Хуже.

Трое Бессмертных появились в поле зрения, броня из пинвиума блестела в свете солнца. Люди спешили уйти с их пути, тех, кто не успевал отойти, отталкивали.

— Что нам делать? — прошептала я.

— Не двигайся, — сказал Джеатар.

Бессмертный подошел к нам. Моей сердце колотилось в груди, я хотела бы, чтобы у меня осталась боль для него.

— Вы трое, — первый указал на нас, я медленно вдохнула. — Идемте с нами.

— Что? — сказала я, Джеатар кивнул и сказал:

— Да, сэр.

Идти с ними? Он с ума сошел?

Бессмертный прошел в следующее здание, у которого были желтые и зеленые ставни на первых двух этажах. Они поднялись по ступенькам, открыли дверь. Донесли тихие крики.

— Слушайся их, они думают, что мы — солдаты, — прошептал Джеатар и прошел за ними.

Мы поднялись тихими шагами, а они топали громко, стараясь запугать. Хлопали двери, кричали люди. Отовсюду доносился грохот.

Бессмертный остановился к двери на втором этаже. Двое стояли в стороне, пока третий выбивал дверь. Он отступил, и двое других ворвались в комнату.

— Не выпускайте их, — сказал нам третий Бессмертный и вошел.

Джеатар закрыл дверь и махнул нам, чтобы мы помогали.

— Мы должны, — тихо сказал он.

Крики доносились изнутри. Грохот, билось стекло.

— Оставьте его! — кричала женщина. — Он ничего не сделал!

— Мондри Белаандриан, по приказу герцога Верраада я арестовываю вас за измену.

Джеатар сжал кулаки, напрягшись. Он с тревогой посмотрел на меня.

Святые! Он знал его. Он мог быть частью Подземелья.

— Выражение мнения — не измена, — сказала женщина. — Уберите руки от... Ай! — грохот, словно тело врезалось в мебель. Мужчина закричал, начал ругаться, а потом...

— Фенда, нет!

Металл звенел о металл, а потом девочка закричала от боли.

— Она лишь ребенок! — всхлипывал мужчина. — Как вы могли?

Джеатар закрыл глаза и отвел взгляд. Данэлло побледнел.

— Это не правильно, — прошептала я. Нам нужно остановить это. Глаза Джеатара открылись, он был в ужасе.

— Слушайся их.

— Но...

— Ничего не делай!

Женщина всхлипывала, мужчина кричал от злости. Я не слышала ребенка. Двое Бессмертных вытащили мужчину, его одежда была в крови. Третий тащил женщину за руку.

— Прошу, не оставляйте ее здесь, — сказала она, слезы текли по щекам. — Мне нужно доставить ее в Лигу Целителей.

Один из Бессмертных фыркнул.

— Вы не можете позволить Лигу.

Джетара поймал взгляд мужчины. Они смотрели друг на друга с такой болью, что я не знала, что столько можно в себе вынести. Мужчина взглянул на комнату. Джеатар кивнул едва заметно, я упустила бы, если бы не смотрела.

Бессмертный толкнул женщину к Джеатару.

— Расправься с ней.

— Да, сэр, — Джеатар схватил ее за руку с пустым лицом.

Она не смотрела на него, плакала, вырывалась и звала Мондри и ее ребенка. Бессмертные потащили его по ступенькам и за дверь.

— Тесса, это я, — сказал Джеатар, ослабив хватку, но не отпустив. Я прошла мимо него в комнату. Данэлло не отставал.

Девочка лежала в слишком большой луже крови. Ей было тринадцать, может, четырнадцать. Старый меч лежал на полу рядом с ней, лезвие было чистым. Она не ранила их.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Я прижала ладони к ее сердцу и голову. Ничего, кроме тишины и смерти.

— Она...? — прошептал Данэлло.

— Ушла, — Целители умели и убивать.

Как они могли? Убить девочку, защищающую отца? Она не была им угрозой.

Мужчины в синем уводили бабушку. Я побежала вперед.

— Нет, Ниа, назад, — кричала она.

Солдаты повернулись ко мне, руки были на мечах. Я схватила книгу со стола бабушки и бросила в них.

— Пустите ее!

Он вытащил меч, шагнул ко мне. Я подняла кулаки.

— Эй! — рывкнул другой солдат. — Это ребенок. Оставь ее.

Почему я не сказала этого Бессмертным?

— Это неправильно, — прошептала я.

— Да, — Данэлло стоял, сжав кулаки, словно хотел ударить кого-то.

Джеатар провел Тессу в комнату. Она упала рядом с дочерью, обняла и уткнулась лицом в ее волосы. Темные, блестящие. Красивые черные волосы.

Я отошла к окну.

— Я должна была что-нибудь сказать.

— Ты не могла, — Джеатар поднес руку к моему плечу, я отпрянула. Его рука опустилась.

— Я должна была попытаться. Заговорить, вспыхнуть их броней — хоть что-то.

— Ты даже не знала, была ли у них боль.

Оставь ее. Это ребенок.

— Я должна была попытаться.

Он вздохнул.

— Тогда мы все были бы мертвы. Тесса, Данэлло, все мы. Кроме тебя, — он шагнул ближе ко мне и окну. — Ты была бы на пути к герцогу. На пути к чему-то ужасному.

— Я уже хуже, чем они. Я их не остановила.

— Но ты остановишь. Мы остановим. Снова.

Я посмотрела на девочку.

— Не достаточно скоро.

Данэлло успокаивал мать, пока Джеатар заботился о девочке. Он принес гробовщика и помог отнести ее на кладбище за городом. Сказал Тессе, когда ее похоронят. Я пошла за ними в виллу.

Злые голоса приветствовали нас. Барников, Сиэкт и остальные из Подземелья и Гевега кричали друг на друга. Мы вошли в комнату, крики прекратились.

— Мондри арестовали, — холодно сказал Джеатар. — Фенда мертва.

Сиэкт вскрикнула, прижала ладони ко рту. Она подбежала к Тессе и обняла ее. Слезы текли у обеих. Сиэкт увела ее за дверь, где я не была, в комнаты, где жили местные.

Никто не говорил. Мы просто стояли.

— Что происходит? — спросил Джеатар.

Барников вышел вперед.

— Это может подождать. Сейчас не...

— Говори.

Он кашлянул.

— Мне жаль семью.

— Вы не из-за этого спорили с Сиэкт.

— Нет. Я знаю, сейчас не время, но уже четыре дня, мы хотим домой. Мне очень жаль, но у нас есть свои семьи. Дела. Если мы могли бы уйти сами, мы бы уже ушли, но вы пообещали, что вернете нас в Гевег.

Джеатар закрыл глаза и склонил голову на бок, словно пытался сдержать крик. Я это тоже ощущала.

— Не сейчас, Барников, — сказала я. В чем дело? Девочка умерла из-за того, что родители хотели ей лучшей жизни. Мы тоже хотели своим семьям лучшей жизни.

Без герцога. Все это должны были понимать.

— Ты права, — сказал Барников, — это плохо...

Джеатар схватил стул и бросил. Он врезался в стену и разбился.

— Нет, вы уйдете сейчас.

Данэлло осторожно шагнул к Джеатару, вытянув руку.

— Уверен, это может подождать.

— Я хочу, чтобы эти люди покинули мой дом, — кричал Джеатар на Данэлло.

Барников пятился, смутившись. Другие отводили взгляды.

— Ждите наверху на кухне, — сказал Джеатар. — Возьмите еды на три дня, не больше.

Я буду там, как только переоденусь и смою кровь Фенды с рук.

Барников повел всех, печально посмотрев на меня.

— Это просто басэери, — бормотал он. — Какая разница, умрут ли они?

Я отвела взгляд. Это звучало ужасно, но я говорила недавно подобное. Они были всего лишь басэери, но мне было ужасно. Басэери пытались остановить герцога, как и мы. Он относился к ним не лучше, чем к гевегцам.

Не все они были плохими. И ни один ребенок не должен был умирать, защищая отца, кем бы она ни была.

— Я вернусь, как только посажу их на борт, — сказал Джеатар. — Не делай ничего импульсивного, пока меня нет.

Я кивнула, все еще в шоке.

Джеатар пошел наверх. Данэлло подошел ко мне и обвил рукой плечи.

Это успокаивало, но мне все равно хотелось бросить пару стульев.

— Айлин, — сказала я. — Мне нужно забрать ее боль.

— Ты собиралась отдать ее мне утром.

Я вырвалась из его руки и пошла к двери.

— Нет, я заберу ее сейчас.

— Почему? Что не так? Расскажи.

Он не поймет. Мне нужна была эта боль. Она будет напоминать мне, как это ужасно. Как это опасно. Как это убивает. Потому что я хотела найти Бессмертных и заставить их тоже страдать.

СЕМНАДЦАТЬ:

— Ниа, уже два дня, — сказала Айлин, стоя у моей кровати, скрестив руки.

Тени играли на стене нашей комнаты.

— Отдай мне боль.

— Нет.

Я все еще видела Фенду, лежащую там. И лица умерших. Я не смогу никого спасти, пока не стану хуже Бессмертных. Святые, я хотела это сделать. Боль не сокрушала мое желание ударить в ответ, уничтожить Бессмертных, забрать все, чем герцог запугивал нас.

— Это глупо. Ты даже не знала ее.

— Я могла быть такой, — я села, мышцы закричали, а одеяло упало. — Мы должны остановить его. Он не может и дальше убивать людей.

— Кто? Герцог?

Дверь открылась, пришел Данэлло с подносом. Пар поднимался над миской.

— Обед.

Тали тоже обедала? Она еще была на заводе? Мне нужно было проникнуть туда, но я не могла забыть лицо Фенды.

Гнев мог победить, а я не могла допустить этого. Святые знали, какой я могла стать. Данэлло сел рядом со мной и зачерпнул ложкой суп.

— Ешь.

— Я не голодна.

— Ты съешь, иначе я скажу Айлин держать тебя, пока я буду вливать в тебя суп.

Он придвинул ложку к моему рту.

— Ты не сможешь бороться, так что ешь.

Я открыла рот. Он влил туда суп.

— И еще, — он зачерпнул ложку.

После шести ложек я вздохнула и забрала у него ложку.

— Мне будто пять лет.

Данэлло улыбнулся и вручил мне миску.

— Ты так себя и ведешь.

— Прости.

— Мы тебя прощаем.

Айлин фыркнула.

— Я — нет. Пока она не отдаст кому-нибудь из нас боль.

— Отдаст, — улыбнулся Данэлло, но с тревожным взглядом. — У Айлин есть план.

Она кивнула.

— Если Вианд не выйдет сама, мы ее выманим. Мы пойдем на пристань и сделаем вид, что нанимаем лодку домой, подождем, пока она услышит об этом. Не только она умеет распространять слухи.

— Ее люди точно должны быть на пристани, — добавил Данэлло.

Выманить Вианд. Если она подумает, что я покидаю Басэер, она придет. Она хотела меня больше, чем Тали, и ей будет все равно, что с ней, если я не приду. План был не идеальным, но мог сработать.

— Нам нужна одежда басэери.

— Я могу взять у Ним. Она нашего размера.

— А Данэлло?

Айлин закатила глаза.

— Можно я с этим разберусь?

Нам нужно было найти болтливого капитана, которого не очень уважали, чтобы Вианд подумала, что я в отчаянии.

Это собьет Вианд, но я сомневалась, что мы сможем пробиться на завод вдвоем. Мне нужен был Данэлло там. И Джеатар, и, может, Ним и Эллис. Мы могли так украсть больше пинвиума. Чтобы его хватило Подземелью.

На заводе я не только получу пинвиум, но и спасу наши семьи. Я уничтожу то, что делает броню. Разобью формы, сожгу рецепты, только чтобы убедиться, что больше Бессмертных не будет.

Я отдала Данэлло миску.

— Собирайте вещи. И нам нужны карты города.

— А потом отдашь мне боль? — спросила Айлин.

— Да.

Она улыбнулась.

— Теперь я тебя прощаю.

* * *

Сизэкт следила, как мы с Данэлло уходим, но Ондераан был там, и она не пыталась остановить нас. Она ворчала на своих. Джеатар снова ушел, это не было удивительно. Ему было сложно вывезти гевегцев из Басэера, пришлось потратить на это много денег. После этого он дулся, приходил и уходил, избегал меня. Айлин пыталась поймать его, но он был проворнее, чем она.

В полдень на людных улицах было жарко, и я была благодарна за блузку без рукавов и штаны длиной до колен. Было бы лучше, если бы они не были в лиловые, зеленые и оранжевые треугольники, но мне хотя бы было прохладнее. Мы смешались с толпой и использовали маленькую карту, что Ним нарисовала в блокноте.

Врата виднелись впереди, но эти были простыми, и Ним дала нам пропуска. Она поклялась, что стражи не будут сильно проверять никого, пока вокруг не будет проблем. Я все равно задержала дыхание, пока стражи не пропустили нас.

Ветер с реки ударил по мне, когда мы добрались до доков, холодный и свежий после жара города. Я шла на завах мимо телег с товарами, свернутых канатов и моряков.

— С кем будем говорить? — сказал Данэлло.

— С теми, кто явно не будет задавать лишние вопросы и захочет поплыть посреди ночи.

— Ты это можешь по взгляду определить?

— А ты нет?

Он рассмеялся.

— Я бы никому из них не мог довериться.

Мы остановились на пристани. Кораблей было столько, что я не видела другой конец, тянулась пристань на милю, а то и больше. Все здесь было больше, чем в Гевега. Пристань изгибалась, окруженная кораблями с высокими мачтами. Я никогда такие больше не видела.

Данэлло присвистнул.

— Так много кораблей.

Надежда таяла. Здесь десятки входов, сотни суден. Вряд ли Вианд заметит, как я прошу капитана забрать меня, столько удачи в моей жизни еще не было.

— Все еще знаешь, с кем говорить? — спросил Данэлло. — Вианд не может следить за всей пристанью.

Я расправила плечи. Тали рассчитывала на меня. Должен быть способ.

— Вианд — ищейка, еще и хорошая. Ее люди следят за кораблями, которые, как она считают, я выбрала бы. Торговцы из Гевега, торговые судна Верлатты, маленькие лодки. Чем отчаяннее, тем лучше.

— А если они увидят нас и проследят за нами до виллы?

Об этом я не подумала.

— Тогда ты говори с капитанами, а я посмотрю, будут ли тебя преследовать. Вряд ли многие здесь пытаются попасть в Гевега. Это уже должно привлечь ее внимание.

— Если она слушает.

Я разглядывала пристань и корабли, пока мы шли. Многие были с флагами Басэера, но я заметила и незнакомые флаги. И на больших кораблях тоже. Может, они были из городов дальше по реке.

— Вот, — я указала на широкое плоское судно. — На таком судне Барников отправлял наших Забирателей из Гевега.

— Я поговорю с ним. Не попадайся на глаза.

— Я подожду здесь.

Он направился к судну, а я села на брошенный ящик. Впереди смеялись дети, мальчик выбежал из толпы с руками, полными горячей рыбы. За ним выбежал высокий мужчина, судя по его воплям, он не был рад потере рыбы. Мальчик с рыбой бежал ко мне. Тот самый мальчик, который помог мне в первый день в Басэере.

Он пробежал возле меня и нырнул за ящики. Мужчина расталкивал людей, он вышел из толпы и озирался.

— Он убежал туда, — я указала в противоположную сторону. — Бегите туда.

Мужчина замер, но одежда Ним придала мне уважаемый вид, потому что он кивнул и побежал, куда я указала.

Я выждала пару мгновений.

— Он ушел.

Мальчик выглянул, его рот был в кусочках рыбы.

— Спасибо, — он прищурился, а потом его глаза расширились. — Я тебя помню!

Вот тебе и прикрытие.

— И я тебя.

— Как ты отрастила волосы?

Я помахала косой.

— Это не моя.

Он улыбнулся.

— Но она была чьей-то.

— Моей подруги.

Он кивнул и отломил кусочек рыбы.

— Голодна?

— Нет, спасибо, — я вытащила одну из груш, припасенных с завтрака, из кармана. — Могу угостить?

Он закивал и потянулся за грушей, жуя рыбу.

— Тебя еще не нашли?

— Нет. Я сама охочусь.

Он рассмеялся и бросил кости за плечо.

— Они схватили Иесту.

Я скривилась. Лидер, сломавший Ним ногу. Если он расскажет, что я передала в него боль, за мной будет бегать не только Вианд.

— Сломали ему ногу и бросили. Он умер.

Умер? Грудь сдавило. Это не должно было меня беспокоить — Иеста убил бы Ним — но на моей совести уже было много смертей.

— Не грусти, — сказал мальчик, похлопав меня по плечу. — Иеста был противным. Никто его не любил.

— А как же ваша группа?

Он пожал плечами.

— Едим нормально. Квенджи знает, где открыты окна.

— Как тебя зовут?

— Сеун.

— Я — Ниа.

Он огляделся, а потом скрылся за ящиками. Я отклонилась, прикрывая его, и осмотрела

пристань, чтобы понять, что спугнуло его. Продавец рыбы вернулся, хмурясь. Он не взглянул на меня и пропал в толпе.

— Сеун, ты видел здесь ищеек?

Он обхватил себя руками.

— Не трогай их.

— Пытаюсь. Мне просто нужно знать, не спрашивали ли обо мне.

Сеун запрыгнул на низкую каменную стену с видом на пристань. Ветер шуршал деревьями за нами.

— Кто тебя ищет?

— Женщина по имени Вианд. Чуть выше меня, всегда аккуратно одета, волосы идеально уложены. Она работает со Стьюигом, громиллой, который ничего не говорит.

Его глаза загорелись.

— Стьюиг!

— Ты его знаешь?

— Он ест все, что ловит. Потому он такой большой. Тебе лучше не попадаться ему.

Я рассмеялась.

— Ты их тут видел?

— Нет, но ребята могли. Можно охотиться с тобой? — его голубые глаза искрились.

Если бы спросил кто-то другой, я бы отказалась, но Сеун мог позаботиться о себе лучше меня. И уличные группы были всюду. Если кто и мог знать, где Вианд, то только они. И если Вианд услышит, что кто-то спрашивает обо мне или о ней здесь, это может ее выманить.

— Можно.

Он улыбнулся.

* * *

— Она уже должна была послать людей, — сказала я четыре дня спустя. Мы поговорили с десятком кораблей, изображая испуганных путников, пытающихся покинуть город. Ребята Сеуна не видели людей Вианд, никто не спрашивал обо мне.

Мы не нашли другой способ попасть на завод, так что, если Вианд уйдет, нам придется пробовать пробраться по акведуку и надеяться, что там мы справимся. Я сомневалась, что Тали еще там. Но мы могли забрать пинвиум для прибора Ондераана, и это было бы для меня единственным шансом спасти ее.

Я пыталась игнорировать назойливый голос в голове, говоривший, что нужно было идти за ней. Когда я слышала его, я долгое время не могла смотреть в глаза Айлин или Данэлло.

— Может, мой план был не так хорош, — сказала Айлин.

Данэлло сел, но с трудом. Я помогла ему, его кожа пылала.

— Может, стоит купить место на судне и посмотреть, что будет, — сказал он.

— Стоит попробовать.

Нужно было что-то делать. Данэлло плохо выглядел. Он терпел боль всего пару часов, но его лицо уже было бледным и потным, он дрожал даже под тяжелыми одеялами. Халима сидела рядом с ним и пыталась кормить. Айлин была рада избавиться от боли, но страдала, ведь теперь была очередь Данэлло. Так себя ощущала и я.

Джеатар ушел вчера, сказав, что вернется через пару дней. Сизкт все еще хотела, чтобы я ушла, и постоянно спорила с Ондерааном. Тот не сильно радовался нашему плану, и я боялась, что Сизкт убедит его избавиться от нас.

— Тебе нужно отдохнуть, — сказала я Данэлло, желая обнять его. Но ему будет от этого

больно.

— Увидимся... позже.

— У нас осталось мало времени, да? — спросила Айлин, когда дверь закрылась.

— Думаю, всего по разу на каждого.

Она побледнела, но кивнула.

— Что делать?

Я не знала.

— Может, заработает прибор исцеления Ондераана?

— Может, — она тоже надеялась.

Я пошла к Ондераану. Ним и Эллис сидели в главной комнате, играли в карты. Ондераан остановил все миссии после случая с Мондри и Фендой. Кроме дел Джеатара. Потому Сиэкт так злилась.

Я постучала.

— Войдите.

Ондераан был за столом, перед ним лежали карты и бумаги. Он поднял голову.

— Ниа. Чем могу помочь?

— Мы не можем дальше передавать боль. Я надеялась, что вы попробуете прибор на Данэлло.

Он вздохнул и потер глаза.

— Он еще не готов.

— Он умирает. У нас мало времени.

— Знаю. Я изучал карты и отчеты о заводе. Внутрь можно попасть, только напав.

— Акведук сработает.

— Это опасно. Если раскроют, побег маловероятен.

Я найду путь.

— Вы попробуете прибор? Или это сделать мне? Может, сгодится сила Забирателя, — кожу покалывало при мысли об этом на моих руках. Но я не дам Данэлло умереть.

— Я попробую, — он вытащил прибор. — Гарантий нет.

— Никогда нет.

Мы прошли к Данэлло. Ним следила за нами с любопытством, какого хватило бы на шестерых кошек. Я постучала и вошла.

— Есть идея, — сказала я. Айлин прошла за мной с вымученной улыбкой.

Данэлло поднял голову.

— Почти... так же страшно... как «У меня есть план».

Я улыбнулась, смагивая слезы.

— Я хочу попробовать прибор исцеления на тебе.

Он кивнул.

Ондераан дал мне прибор. Кожа зудела, стоило пинвиуму коснуться меня, но я надела прибор на запястье и пальцы.

— Сожми и взмахни, — сказал Ондераан.

Я взяла Данэлло за руку и сжала, а потом взмахнула запястьем.

Ничего.

Я взмахнула и сжала.

Все еще ничего.

Я сосредоточилась на пинвиуме, молила его забрать боль. Ладонь покалывало, но это

была я, а не прибор. Я отодвинулась и потеряла запястье.

— Прости, не сработало.

— Все хорошо. Я потерплю.

Я взяла его за руку и проверила. Кровь густела, но органы еще не были повреждены. Ему было неудобно, но он мог продержаться ночь. Мне нужно было придумать, как избавиться от боли.

— Мне жаль, — сказал Ондераан.

— Нужно пробиться на завод этой ночью.

Он покачал головой.

— Это слишком опасно. Подожди, пока вернется Джеатар, как мы и планировали.

— Данэлло не может столько ждать.

Он вздохнул с сочувствием во взгляде, но не выразил его.

— Жди Джеатара, — он покинул комнату, тихо закрыв за собой дверь.

Айлин смотрела на меня со слезами. Данэлло было плохо, но завтра это буду я. И я не буду избавляться от этого.

— Мы все исправим, — сказала она, голос дрожал. — Ты что-нибудь придумаешь.

Я могла лишь забрать боль, постучать в дверь завода и отдать все Вианд.

— Отдыхай, — сказала я, убирая волосы с глаз Данэлло. — Я приду позже.

Мы покинули комнату Данэлло. Ним и Эллис стояли в коридоре, скрестив руки, с мрачным видом.

— Что происходит? — спросила Ним.

— О чем ты? — сказала я.

— Что-то происходит. Ондераан скрытнее обычного. Джеатар занят неизвестно чем.

Сизэкт злится и ворчит. Вы перестали брать формы, но берете другие вещи. Вы изменили внешность. Вы все время выходите, но уже не втроем. Только двое, и каждый раз в другом составе.

Я посмотрела на Айлин. Она пожала плечами.

— Мы делили боль, — сказала я.

— Что?

— Я не смогла отдать всю боль Эллис солдату до его смерти. Нам нужен пинвиум и Целитель, чтобы избавиться от оставшегося, но этого нет. Мы пытались получить это. И пока мы ищем, один держит боль.

Они растерялись.

— Зачем вы делитесь болью?

— Потому что эта боль убивает через пару дней. Мы перемещаем ее и продлеваем время, которое можем держать ее, но с каждым разом становится все хуже. Уже плохо.

Они были в ужасе.

— Это кошмарно.

— Знаю. Нам нужно снова идти, нужно найти пинвиум за ночь, так что...

Они не слушали меня, шептались, склонив головы. Ним хмурилась, но Эллис кивнула. Она вздохнула, и они повернулись к нам.

— Я возьму, — сказала Эллис. — Это добавит вам день, да?

Я раскрыла рот.

— Да, — сказала Айлин. — Спасибо.

— Уверена? — сказала я.

— Ты меня спасла. Позволь помочь.

— И я, — добавила Ним. — Это даст вам еще больше времени.

— Можно ее разделить, — сказала Эллис. — Если дать нам по половине, будет не так плохо? Так продержимся дольше?

— Возможно. И вам так будет проще.

— Что нам делать?

Я отвела их в комнату Данэлло. Он был удивлен, но у него хватило сил лишь на взгляд. Ним и Эллис растерялись, увидев его. Я взяла Данэлло за руку и вытянула другую руку.

— Дайте мне свою руку. Кто первый? — стоило дать им шанс отказаться, но мы нуждались в них.

Эллис взяла меня за руку.

— Будет больно, да?

— Будет похоже на боль, когда ты была ранена. Там часть этой боли.

Она скривилась, но кивнула.

— Делай.

Я потянула из Данэлло и толкнула в Эллис. Она закричала, но я держала ее. Ним схватила ее за плечи, удерживая на месте.

— Это плохо, — сказала Эллис, обхватив руками живот.

Ним облизнула губы.

— Эм...

— О, нет, — Эллис подтолкнула ее. — Ты не сбежишь.

Я протянула руку. Ним обхватила ее и закрыла глаза. Я тянула, толкала, она визжала, а потом нервно рассмеялась.

— Лидер знал, что его ждет, если ощущал это, — сказала она.

Больше смертей, больше вины, но я молчала.

— У вас есть комнаты, где вы можете отдохнуть?

— Да, в другом крыле, — Эллис медленно пошла к двери. — Мы будем в порядке. Вы двое — нет, уже трое — ищите пинвиум и Целителей, чтобы мы не повторяли этого.

Я посмотрела на Данэлло. Он уже сидел, хоть выглядел уставшим.

— Звучит неплохо, — сказал он.

— Мы с Айлин пойдем. Отдыхай. Мы вернемся через пару часов с планом, — мы пойдем к заводу этой ночью, несмотря ни на что.

Если Вианд еще там, мы пойдем, как пройти ее.

Данэлло был ошеломлен.

— Не переживай.

— А мне можно? — спросила Айлин.

— Нет.

Мы оставили Данэлло и направились на улицу. Я схватила Айлин за руку, когда мы покинули виллу.

— Мы ворвемся этой ночью, — сказала я.

— Я так и думала, что ты это скажешь.

— Нам нужна помощь.

— Банда Сеуна?

— Я думала об этом, — завод мог приманить самых осторожных воров, если я покажу им путь и нормальный план. Они помогут в обмен на то, что смогут унести оттуда.

Мы спешили к пристани, карта уже не требовалась. По улицам Басэера ориентироваться было просто. Сложнее было пробираться сквозь толпу.

Несколько больших кораблей разгружали там. Я сновала между работниками, задерживая дыхание от запаха. Мы добрались до каменной стены с хорошим видом, где мы с Сеуном встречались каждый день. Был почти полдень.

— Что насчет Вианд? — спросила Айлин.

— Попробуем идею Данэлло. Купим проезд ночью и понадеемся, что она услышит об этом.

— Рискованно.

— У нас есть выбор?

— Девчушка!

Мы вздрогнули. Сеун был на стене рядом со мной. Он сиял, как солнце.

— Ты меня напугал.

Он улыбнулся.

— Видел Стьюига.

Мое сердце дрогнуло.

— Где? На пристани?

— Он и красивая дама сели на корабль вчера днем.

— Они уплыли вчера? — Святые! Мы пропустили целую ночь.

Он кивнул.

— Я пытался тебя увидеть, но тебя здесь не было.

Как же глупо. Я не проверяла завод, не смотрела, ушла ли Вианд. Это не помогло бы, ведь наши пропуска больше не работали. Но это не было важно — она ушла! Я обняла Сеуна, он рассмеялся.

— Сеун, ночью мне нужна твоя помощь. Может лидер вашей банды сейчас встретиться со мной? У меня есть идея, как помочь вам разбогатеть.

Его глаза расширились.

— Я всю банду приведу.

— Мне нужна еще помощь, — я вытащила мешочек монет, который мне дал Джеатар. — Можешь найти мне четыре или пять железных ящиков, какие используют рыбаки, чтобы хранить осветительные патроны сухими?

Он улыбнулся при виде монет.

— Я могу их добыть и без денег.

— Мне нужны они к ночи.

— Для плана по обогащению?

— Именно.

— Я сообщу Квенджи и пойду за ящиками. Жди здесь.

Я села, а он убежал в толпу.

— Для чего ящики? — спросила Айлин, устраиваясь рядом со мной.

— Для справедливости.

Я хотела рассказать Данэлло. Нам нужно пробиться на завод.

ВОСЕМНАДЦАТЬ:

Все вокруг было тихим и темным, только половина фонарей горела. Было бы неплохо зажечь еще несколько, хотя тьма помогала нам оставаться незаметными. Полумесяц помогал

нам видеть, но проще от этого не становилось.

Мы выбирались из виллы по одному, и, хотя стражи в главном доме нас видели, они уже привыкли, что мы уходили, потому что никто не пытался нас остановить. Если они и сказали Ондераану, что мы ушли, с этим я могла разобраться, вернувшись.

Если мы вернемся.

Сеун пришел с Квенджи, новым лидером банды, и с еще одним мальчиком, Зи. Другие из банды хотели прийти, но мы подумали, что тогда нас точно поймают. У всех нас на поясах были пустые мешки.

Мы стояли на вершине лестницы одного из домов, близкого к акведуку.

Окно было уже открыто, мы могли выбраться наружу и залезть на крышу.

— Еще есть шанс передумать, — сказала я.

Сеун улыбнулся.

— Мы все идем.

Квенджи взлохматил волосы.

— Там есть что украсть. Мы запасемся на год, — он рассмеялся. — Мы сможем рассказывать всем. Люди говорят о тебе, Преобразователь, но мы можем рассказать правду, а не сплетни.

Я раскрыла рот.

— Вы знаете, кто я?

Он рассмеялся.

— Ты — легенда. Ты ранишь Бессмертных. Забираешь у солдат пленников. Следишь за Стьюигом. Мы поможем тебе и тоже станем легендами.

Сеун и Зи широко улыбнулись.

Айлин скрыла смех под рукой, а Данэлло сиял. Я? Легенда у басэери?

Святые, как печальны их жизни, если я стала для них лучшей темой для разговора.

— Ладно. Пора лезть.

Квенджи пошел к окну первым, веревка диагоналями пересекала его грудь. Он полез по кирпичу, как ящерица, а через минуту сбросил веревку. Данэлло потянул пару раз, а потом обвязал вокруг своей груди. Он залез без особых усилий.

Веревка снова упала.

— Теперь ты, — сказала я Айлин. Она поправила рюкзак и потянулась к веревке.

— Может, тебе стоит взлететь на крышу, — пошутила она. — Легенда же.

— Я могу вытолкнуть тебя из окна.

Она захихикала и полезла на крышу.

— Мы знаем, что ты не можешь летать, — сказал Сеун так серьезно, что я не сомневалась в его вере. — Но мы думаем, что ты можешь уничтожить Бессмертных.

Моя радость испарилась.

— Надеюсь.

Веревка упала снова, и я обвязала ее вокруг себя. Подоконник был достаточно широким, чтобы стоять, и яркие ставни, прибитые по сторонам, помогали держаться. А еще помогало то, что кирпичный дом был построен не совсем качественно. Угли кирпичей выступали, раствор между ними повывлезал, и можно было уцепляться пальцами рук и ног.

Я далеко и не забралась. Веревка натянулась, и Данэлло с Квенджи подняли меня. Сеун был на крыше с нами раньше, чем они отвязали меня.

— Ближе мы к акведуку? — спросила я, подходя к крыше. Снизу казалось, что

недалеко, но было сложно судить о расстоянии, как говорил Джеатар.

— Хороший прыжок, — сказал Данэлло.

Квенджи покачал головой.

— Я бы сказал: плохой прыжок.

Плохой. Акведук был почти наравне с крышей, но не так близко, как мы думали. Нужно было перепрыгнуть три фута и попасть на акведук, шириной в четыре фута. В темноте.

Айлин склонилась.

— Было бы проще украсть пропуск.

— Мы бы все равно не попали на завод. Потому мы идем сверху, — я оглядела крышу. Мы взяли железные крючки, чтобы уцепиться за акведук, но деревянная крыша могла не выдержать. Веревку можно было обвязать только вокруг зубцов спереди и по бокам здания. Хотя они выглядели не очень крепкими.

Данэлло проследил за моим взглядом.

— Должны выдержать.

— Они сломаются, если по ним сильнее ударить.

— Но веревки будут держать еще и люди.

Никто не вызвался идти первым. Я вздохнула и шагнула вперед.

— Я пойду.

— Нет, я сделаю это, — сказал Данэлло и улыбнулся. — Хотелось бы, чтобы был другой путь.

Квенджи обвязал веревку вокруг одного из зубцов, пока Данэлло привязывал другой конец к себе. Остальные встали у веревки и держали ее.

— Вот так, — Данэлло отошел на пару шагов, а потом бросился вперед, прыгнул. Он упал на акведук, пошатнулся и рухнул.

Мы вскрикнули, но Данэлло встал через миг.

— Все хорошо, — он отвязал веревку и бросил нам.

Айлин легко прыгнула туда. Она словно летела. Я схватилась за веревку.

Святая Сэя, мне бы хоть каплю грации Айлин.

Я прыгнула. Тьма кружилась вокруг меня, я пересекала пустоту между зданием и акведуком, а потом мои ноги снова были на твердой поверхности. Сильные руки поймали меня и остановили.

— Спасибо, — пробормотала я в грудь Данэлло, не желая отпустить.

— Не переживай. Я тебя не отпущу.

Сеун встал на краю крыши, потирая руки, разминая плечи. Мы ждали на акведуге, готовые ловить. Сеун разбежался и прыгнул.

Его ноги ударились о камень, руки взлетели, чтобы за что-нибудь ухватиться. Он выпрямился и сел.

— Это меня напугало, — сказал он.

— Нас тоже.

Он улыбнулся.

— Как переберется Квенджи? — спросила Айлин. — Никто на той стороне тянуть не сможет.

— Он сказал, что бросит веревку на акведук и заберется, — Сеун помахал Квенджи.

Мы вытащили один из крюков и закрепили за акведук. Квенджи бросил нам конец веревки, и Данэлло привязал ее к крюку. Квенджи проверил другой конец, все еще

привязанный к крыше, натянул веревку. Он повис на веревке, проверяя ее. Она провисала, но не сильно.

Он полез по веревке, обхватив ее ладонями и коленями, приближаясь к нам.

Бац!

Веревка отцепилась от крыши. Квенджи впился в нее, падая под акведук. Он повис на веревке.

Дверь открылась на балконе, и вышел мужчина, свет изнутри озарял его силуэт. Он огляделся, а потом посмотрел вниз.

— Что там происходит?

Пауза, мужчина развернулся и ушел. Дверь захлопнулась.

Мы тянули веревку, поднимая Квенджи. Наконец, он попал наверх, мы втащили его на акведук. Он лежал, задыхаясь.

— Ты в порядке? — спросила я.

Он улыбнулся.

— Вот так приключение. Что дальше, Преобразователь?

— Долгий страшный путь.

Мы шли по акведуку, Данэлло первый, а Квенджи — в конце. Мальчишки хотели идти быстрее, чем Данэлло, но было слишком темно и ветрено для этого. Хороший порыв ветра сбил бы нас.

Часы на башне загремели, когда мы были на половине пути. Два гулких удара разнеслись над городом. Лампа покачивалась внизу, патруль обходил город. Чем ближе мы были к ограде завода, тем больше огней видели, но они двигались по прямым линиям улиц.

Мы пересекли ограду. Данэлло остановился и пригнулся. Мы сделали так же.

— Вот, — сказала я. Внизу был Г-образный завод. Он стоял на холме, кирпичная часть повыше выглядела как жилой дом или здание с кабинетами. На заводах, на которых работал папа, на вершине холма был плавильный цех, а кузница — внизу. Этот завод выглядел так же. Длинный и широкий, с двойными дверями, чтобы проникал воздух, что были открыты, хоть было поздно. Темно-оранжевый свет падал на траву, голубой свет мерцал на стенах. Ритмичный звон доносился в тихой ночи.

— Они работают в такое время? — сказала Айлин, пригибаясь за мной.

— Думаю, герцогу срочно нужно оружие.

— Тогда будет сложнее?

Я кивнула, мне уже было не по себе. Я думала, что колдуны уйдут ночью, но если они плавил пинвиум все время, тогда кто знал, сколько их было внутри. Будет почти невозможно попасть в кузницу. Я поправила сумку, ящики, что нашел для меня Сеун, тихо звякнули. Они были тяжелыми, замедляли меня, было сложнее карабкаться, но если бы я оставила их, то у меня не было бы шанса разрушить печи пинвиума.

— Там патруль, — сказал Данэлло. Два солдата ходили по территории. Еще больше могло быть внутри.

Я должна была рискнуть. Вианд ушла, думая, что я ушла, так что стражи могли не ожидать беды. Если, конечно, это не была ловушка.

Я не говорила никому об этом, но возможность была. Вианд могла сделать вид, что ушла, чтобы выманить меня, как я пыталась выманить ее.

— Квенджи, — сказала я. — Вы с Зи ждите здесь.

Он кивнул.

— Мы вас поднимем, не переживай. Сеун — наш лучший вор, он идет с вами.

Сеун улыбнулся. На его поясе было много мешков.

— Закрепим веревки.

Мы выбрали место, где большое дерево было идеально под акведуком. К сожалению, сюда выходили открытые окна завода, так что те, кто вышел бы, увидели бы нас. Нужно было оставаться на дереве и не спускаться.

Данэлло вытащил железный шип, у Айлин был молот. Она протянула его Данэлло.

— Бей в такт с их ударами, — сказала я. Я боялась, что шум услышат из-за открытых дверей.

Но их работа допоздна помогла нам скрыть шум.

Бам!

Данэлло взмахнул молотом.

Бам!

Он взмахнул снова. Он совпадал с их ударами, оба шипа оказались глубоко в камне. Квенджи и Айлин привязали к ним веревки, осторожно опустили другие концы к дереву внизу.

Далеко внизу.

— Не смотри вниз, — сказал Данэлло, взяв меня за руку.

— Поздно.

— Я пойду первым, — сказал он, обвив веревкой руку. Мы были в перчатках сегодня. — Я привяжу концы к стволу, чтобы было легче спускаться. Сможете держаться и ногами, как делал Квенджи.

— Осторожно.

Он рассмеялся.

— Если бы я был осторожен, меня бы здесь не было.

Я улыбнулась, но сердце сжималось, было сложно говорить. Я могла молиться.

Святая Сэя, Сестра Сострадания, услышь меня. Пусть Данэлло спустится на дерево без проблем. Пусть мы найдем то, что ищем, и уйдем, не умерев.

Он полез, рука за рукой, веревка выглядела тонкой. Я то следила за ним, то оглядывала двор и окна, но никто не выходил и не выглядывал. Башня прозвонила снова: три удара.

Листья скрыли его раньше тьмы, натяжение веревки ослабло. Я не слышала шороха или звука падения, он оставался на дереве. Веревка задрожала, а потом натянулась. Через миг задрожала другая. Обе замерли, выглядя прочно прикрепленными, под небольшим углом к акведуку.

— Я по левой, — сказала я. Айлин подошла к правой.

Квенджи и Зи помогли нам слезть с акведука, крепче ухватиться за веревку. Мои руки напряглись, но я держалась, двигалась, как делал Данэлло, ноги обвивали веревку. После десяти футов руки заболели и задрожали. Судя по вдохам рядом, у Айлин была та же проблема.

— Ай! — закричала она.

Я не видела ее, но послышался рвущийся звук. Кто-то съезжал по веревке слишком быстро.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ:

— Айлин!

Она не кричала, хотя точно боялась. Ветки скрипели, но звук быстро прекратился. Как и стук в кузнице.

Я двигалась, заставляла руки работать, а не дрожать, прося не смотреть сюда. Я не смотрела вниз, но прислушивалась, ведь могли раздаться крики тревоги.

Никто не вышел. Продолжили греметь молоты.

Ветки и листья задели мои ноги, и я попала на дерево.

Данэлло обхватил мои ноги и усадил на тяжелую ветку у ствола. Я рухнула туда.

— Как Айлин?

— Сейчас стошнит, — ответила она, — и рука болит, но остальное — в порядке.

— Веревка оцарапала, — сказал Данэлло. — Без перчаток было бы еще хуже.

Айлин фыркнула.

— Было бы хуже, если бы я отпустила.

Данэлло потряс веревки.

— Отдохните немного, — сказал он. — Мы еще не закончили лазать.

— Прекрасно, — проворчала Айлин.

Сеун спустился легче нас, но мальчики всегда хорошо лазали.

— Патруль, — тихо сказал Данэлло, мы застыли.

Мы смотрели сквозь листья, как солдаты проходили по хорошо освещенному двору. Они были в кольчугах и с тяжелыми мечами. Но без пинвиума.

Они завернули за угол.

— Идем.

Мы полезли снова, направляясь к задней части здания. Если повезет, ветка достанет до окна на третьем этаже. Квенджи поклялся, что никто не запирает окна так высоко, так что мы могли пролезть внутрь.

Мы добрались до конца ветки. Толстые не доставали до здания, а вот несколько поменьше дотягивались.

— Оставайтесь и следите за патрулем, — я осторожно ступила на ветку, что доходила до окна, проверяя вес. Чем ближе я была к концу, тем сильнее она опускалась. Я отпрянула.

— Она меня не выдержит.

— А мена? — спросил Сеун. — Я маленький.

— Попробуй добраться до окна и привязать веревку.

Айлин посмотрела в тени.

— Там пусто?

— Выглядит темно, но... патруль!

Мы застыли, солдаты прошли внизу. И остановились.

Айлин сжала мою руку. Я задержала дыхание. Один из солдат склонился и поднял обломок ветки. Он посмотрел на дерево.

Не увидь нас, не увидь нас.

Он встал, отбросил ветку, и они пошли дальше.

Я выдохнула. Близко.

— Сеун, иди к окну.

Он кивнул и полез по ветке. Она опускалась, но не так сильно. Он добрался до окна и слез. Ветра качалась, но не сломалась.

Сеун прилип к окну, как лягушка. Он прижался ладонями к раме, а потом поднял. Окно открылось, и Сеун пролез внутрь.

Мы ждали, а потом он выглянул.

— Бросайте веревку, — тихо позвал он.

Данэлло бросил, Сеун поймал. Он скрылся в комнате. Веревка натянулась.

Данэлло не терял время. Он придвинулся к веревке на ветке. Повис, и она выдержала.

Он полез быстрее, чем я могла.

Айлин полезла, но не так грациозно, хотя и не медленно. Теперь была моя очередь. Я села на ветку и повисла на веревке. Руки уже дрожали, а я еще ничего не сделала.

Лезь уже.

Я отпустила ветку и попыталась закинуть ноги на веревку. И промазала. Я повисла, руки болели.

Двигайся, поднимай ноги!

Я потянула изо всех сил, ноги обвили веревку. Я быстро помолилась и полезла, перебирая руками, двигая ноги.

Почти.

Шаги вниз. Патруль!

Я висела в воздухе на виду. Я не знала, сбила ли ветки. Я не могла двигаться без шума, и даже шорох ткани и кожи о веревку мог насторожить их.

Они прошли вниз.

Я выдохнула и полезла, приближалась, пока...

— Поймал, — прошептал Данэлло, затаскивая меня внутрь. Я опустилась на пол, мышцы требовали отдыха.

— Спасибо. Где мы?

— Кладовая, наверное, — сказал он. — Ящиков много.

И бочек.

— И не своруешь ничего, — Сеун закрыл крышку. — Приборы. И ящик мечей.

— Вряд ли мы бы нашли пинвиум в первой комнате, — сказала я.

— С нашей удачей? — сказала Айлин. — Точно не нашли бы.

— Сеун, — сказал Данэлло, — возьми нам три меча.

— Хорошо.

Я встала, колени дрожали. Я пошла к двери. Я прижалась ухом к дереву. Ни шагов, ни голосов. Но это не значило, что не было стражи.

Я похлопала Данэлло по плечу и указал на дверь. Он кивнул и собрался открыть ее. Я ждала с Айлин в стороне, мы поднимали мечи в ножнах, как дубинки.

Данэлло сдвинул засов и замер. Снаружи не было звуков. Он открыл дверь и выглянул.

— Чисто.

Мы прошли в следующую комнату. Попробовали дверь. Заперто.

Данэлло следил за коридором, пока Сеун шагнул вперед и вытащил тонкие металлические шпильки из кармана. Он встал на колени и сунул шпильки в замок. Замок щелкнул, он открыл дверь. Мы прошли и закрыли дверь за собой. Комната была темной, но было слышно тихое дыхание. Не было понятно, сколько человек.

Солдаты или Забиратели? Я указала на дверь и сдвинула указательный и большой палец, чтобы их разделял дюйм. Сеун кивнул и приоткрыл дверь.

Свет из коридора полился сюда, озаряя край кровати. На полу стояли сапоги, меч свисал со столбика кровати. Солдат.

Мы поспешили из комнаты.

Данэлло прошел на несколько дверей дальше и остановились. Еще одна запертая дверь. Сеун вскрыл ее, мы вошли, оставив дверь приоткрытой сразу.

Тускло, но не темно. Дыхание, постанывания. Шестеро были прикованы к кроватям. Мое сердце сжалось. Здесь были Забиратели!

— Джован! Бахари! — сказал Данэлло, подбежав к братьям.

Айлин подбежала к Энзи с радостью на лице. Я смотрела на кровати, увидела Винвика, еще двух незнакомых, но Тали не было. Почему она не здесь?

Вина подавила мою радость. Я была рада найти их, но это было не честно. Все были здесь, даже те, о ком я не знала, но почему не она?

Мой желудок сжался. Вианд забрала Тали с собой?

— Что их ранит? — сказал Сеун с большими глазами.

— Их заставили взять больше боли, чем они могут выдержать. Герцог пытается проявить необычные способности Забирателей, чтобы использовать их.

— Он делает чудиков?

— Пытается.

— Ниа, как мы их заберем отсюда? — спросила Айлин.

— Сеун, ты можешь взломать оковы?

— Уже взламываю.

— Энзи, ты видела Тали?

— Нет, после тюрьмы.

— Здесь есть еще Забиратели? — спросила я. Тали была слишком юна, чтобы быть Бессмертной, так где она была?

— Да. Со странной плитой.

— Плита? Как в Лиге?

Она покачала головой.

— Нет. Она удерживает нас. Ранит, — она закашлялась.

— Знаешь, где они хранят пинвиум?

— Нет.

Немного должно быть в плавильне, но я надеялась, что есть кладовая, где можно проще его забрать.

Я положила ладонь на голову Энзи и ощутила ее состояние, проверила замедлившуюся кровь и пятна на органах. Так много боли, почти столько держали Ним и Эллис. Но боль пока не убивала ее, хотя ощущалась странно.

Забиратели с болью меняли план. Нам нужен был пинвиум, чтобы исцелить их, чтобы уйти отсюда. Хотя я сомневалась, что они без боли смогут лезть по веревке и по акведуку. Квенджи и Зи могли бы поднять их, и Данэлло мог пойти первым и помогать, а потом Айлин. Она была сильнее, чем выглядела.

— Я проверю остальных. И сразу вернусь.

Энзи кивнула, слезы вытекали из уголков глаз.

Остальные были такими же. Их недавно наполнили болью, но она ощущалась не так, как боль, которую я ощущала раньше. Это была не боль, причиненная исцелением, это была куча смешанной боли.

Я вдохнула.

Как переданная боль. Виннот нашел кого-то, похожего на меня?

— Где они хранят пинвиум? — сказала Айлин, хмурясь.

— Плавильня.

— Шумная комната с открытыми дверями.

— Верно.

Она помрачнела, но сняла рюкзак с плеч.

— Понадеемся, что они не очень внимательные ночью, — она открыла сумку и вытащила три формы. Мы надели их поверх своих вещей.

— Оковы взломаны, — сказал Сеун.

— На этом этаже осталось еще несколько комнат, — сказал Данэлло, забирая форму у Айлин. — Можно попробовать их.

Мне не нравилось оставлять Энзи и остальных, но без пинвиума мы не могли никак им помочь.

— Ладно, проверим их.

Мы вышли в коридор и прошли к следующей двери. Заперта, это хороший знак.

Сеун взломал ее и заглянул.

— Темно и тихо, — сказал он и вошел.

Мы прошли за ним. Глаза привыкли, стало видно ящики и несколько бочек. Я приподняла крышку с одной. Что-то темное, как песок.

— Данэлло, раздвинь шторы, прошу.

Он так и сделал, лунный свет озарил комнату.

— Что это? — я сунула руку в бочку и зачерпнула то, что было как песок, но металлический.

— Стоит чего-то? — спросил Сеун.

— Я даже не знаю, что это. Но его здесь много, если все бочки им наполнены.

Сеун кивнул и снял мешок с пояса.

— Может, неплохо стоит.

Я вытащила мешочек из кармана и наполнила песком. Это мог быть пустяк, но кто знал, что герцог здесь делает. Лучше рассмотреть при свете.

— Сундук заперт, — сказала Айлин из другого конца комнаты. — Большой.

Да. Где-то четыре фута в длину, три в высоту, три в ширину. Толстые железные скобы обвивали его, как лента подарок. Сердце колотилось. Так крепко запирали только дорогое.

— Открой. Может, это пинвиум.

Сеун занялся замком. Это заняло у него больше времени, чем двери. Хороший знак.

Он откинул крышку.

— Ого, — он поднял наручи. Весь сундук был заполнен броней.

— Поглядим, — я поднесла кусок брони к окну, к лунному свету. Мне нужно было больше света. Я подошла к двери и прислушалась к шуму снаружи, а потом открыла так, чтобы в комнату упал свет ламп.

Синяя броня.

Я закрыла дверь.

— Это пинвиум. Это броня Бессмертных.

Сеун бросил кусок, словно он горел. Айлин начала вытаскивать куски.

— Такие сундуки еще есть? — сказала она.

— Еще три такого размера.

— Берите как можно больше брони, — сказала я. — Это их исцелит.

Более того, здесь были целые наборы. Кому нужен был прибор для исцеления, если мы

могли выглядеть как Бессмертные, забраться в лагерь Забирателей? Мы наполнили мешки, а потом вернулись в комнату с Забирателями.

— Кто-нибудь умеет исцелять? — спросила я, подняв кусок брони. — Или толкать боль в пинвиум?

— Мальчик, которого я не знала, поднял руку, хотя она едва оторвалась от простыни. Я поднесла броню к нему.

— Наполнять можно?

Он взял кусок, закрыл глаза и улыбнулся. Мое сердце замерло. Через миг он сел, цвет вернулся его щекам.

— Я исцелю остальных.

— Еще кто-нибудь умеет?

— Я, наверное, — сказала Энзи. — Тали меня учила.

Я принесла кусок и ей. Она взяла его и нахмурилась.

— Не уходит.

— Не гони ее, а найди путь в пинвиум, — там мне говорила Тали, когда учила меня. Со мной, конечно, не сработало. Хоть она и старалась, моя способность так не работала.

Ее глаза открылись.

— Немного получилось! — она избавилась от большей части боли, когда мальчик-целитель остановился у ее кровати.

— Я сама могу! — она отпрянула, когда он потянулся к ней.

Он улыбнулся и накрыл ее руки своей ладонью.

— Я просто проверю, — он закрыл глаза. Энзи прищурилась и медленно кивнула.

— Я все равно сама попробую, — она закрыла глаза и вытолкнула остатки боли в броню.

— Я знала, что ты сможешь, — сказала я. Я повернулась к целителю. — Можешь меня исцелить, пожалуйста?

Он обхватил мои руки, и мне стало лучше.

— Спасибо, — я подняла наручи, полные боли, и спрятала под блузку.

Их было тяжело нести, но они могли стать оружием.

Загремел колокол. Раздались крики. Люди суетились. Сеун приоткрыл дверь, прислушался и закрыл ее.

— Плохо дело. Патруль нашел веревку.

ДВАДЦАТЬ:

Лица паникующих повернулись ко мне.

— В кровать, — прошептала я. — Сделайте вид, что оковы на вас. Сеун, под кровать.

— А мы? — спросил Данэлло.

— Мы солдаты. Мы охраняем комнату. Айлин, включи свет.

Я сунула пинвиум и рюкзаки под кровать Энзи и вытащила меч.

Данэлло встал рядом со мной.

— Уверена?

— Можем выпрыгнуть в окно.

— Три этажа — слишком даже для меня.

Дверь распахнулась, двое солдат вбежало с мечами наготове. Борясь с инстинктами, я выдохнула с облегчением и опустила меч. Через миг Данэлло и Айлин сделали так же.

— Хорошо, что это вы, — я издала сухой смешок. — Мы ожидали худшего. Что происходит?

Женщина смотрела на меня со смятением. Другой солдат смотрел с подозрением.

— Ну? — я добавила с тревожным раздражением.

— Никого не видели на этом этаже? — спросила женщина.

— Только вас. Всю ночь было тихо.

— Вы были здесь всю ночь?

Я кивнула.

— Не знаю, зачем три стража для больных, но я не собиралась спорить с той ищейкой, — Вианд должна была оставить о себе впечатление.

— О. Да, наверное, лучше не спорить, — она посмотрела на напарника, тот пожал плечами.

— Она думает, что их кто-то украдет, — я рассмеялась и замолчала. Сложно. — Так что случилось? Мы слышали что-то про веревку.

Солдаты спрятали мечи.

— Патруль нашел веревку, привязанную к дереву у кладовой на третьем этаже. Кто-то может быть внутри.

— Из-за этих?

Она фыркнула.

— Этих? Вряд ли. Скорее, из-за пинвиума.

— Или из-за того, что прячут на втором, — пробормотал страж.

Женщина пронзила его взглядом, он притих.

— Мы проверим. Но вы не расслабляйтесь.

— Конечно. Сюда они не пройдут.

— Помочь с обыском? — спросил Данэлло.

Женщина замешкалась, посмотрела на напарника и покачала головой.

— Нет. Если Вианд оставила вас здесь, то оставайтесь. Мы не хотим злить Виннота. И закройте дверь.

— Хорошо, — я заставила голос быть ровным. Виннот был здесь. Это был не просто завод, здесь проводили жуткие эксперименты. Конечно, он был так хорошо защищен, и здесь были Забиратели. Вианд работала на него? Потому с ней были Бессмертные?

Они покинули комнату, и я громко заперла дверь.

— Квенджи обидится, что пропустил это, — сказал Сеун из-под кровати. Он забавлялся.

— Что-то прячут на втором этаже, — сказала Айлин.

— Похоже на то. Наверное, то, над чем работает Виннот.

Она держит нас. Ранит нас...

— Энзи, расскажи о странной плите. Они это прячут? Там вам делали больно?

Энзи кивнула.

— Они носили нас вниз и приковывали к ней. Это больно. Боль втекала в нас.

— Как я вталкиваю?

— Да. Только обратно плита боль не забирает.

Джован покачал головой.

— Забирает. Я видел, как Виннот сделал это с шестью Забирателями, когда принес нас к плите. Он забрал боль у них и вложил в нас.

— На ней оковы, — сказал Винвик. — Как на кровати, но не на цепях. Они растут из

нее.

Сэя, сжался. Это был проверка для Забирателей, или это было оружие? Может, все сразу. Но если у герцога уже было оружие, пускающее боль в людей, зачем ему я?

Потому что ты не выглядишь как оружие.

Забудь о риске. Я не могла уйти, не уничтожив печи пинвиума, сколько бы там ни было солдат. Без печей Виннот не сможет ничего построить. И мне нужно было попасть на второй этаж и уничтожить прибор, передающий боль. Но сначала...

— Ниа, у тебя опять этот взгляд, — сказала Айлин. — Ты хочешь сделать то, что нам не понравится, да?

— Нам нужно всех вывести, чтобы я уничтожила это место.

Она уставилась на меня. Данэлло тоже был потрясен.

— Это завод, — сказал он. — Металл, камень и кирпич. Они не сломаются.

— Он прав, и стражи уже встревожены, — добавила Айлин. — Повезло, что мы нашли Энзи и близнецов, может, стоит убежать с ними и пинвиумом, пока можно.

— Не могу. Вы видели, что Бессмертные сделали с той семьей. А потом Бессмертные начнут выбивать гевегские двери и убивать семьи там! А оружие, передающее боль? Представьте, что еще здесь у герцога. Нет, я должна остановить его.

— Как?

Я вытащила сумку из-под кровати.

— С этим, — я вытащила один из четырех ящичков, что принес мне Сеун.

Данэлло был ошеломлен.

— Ящички?

— Они водонепроницаемы, — сказала я, подняв один. Он был небольшим, шесть дюймов в длину, четыре в глубину и ширину. — Рыбаки используют их, чтобы хранить сигнальные ракеты и порох сухим на лодках. Когда папа был учеником-колдуном, другой ученик случайно бросил такой ящик в печи. Он нагрелся и взорвался. Кирпичи на куски. Вся печь была разбита. Должно сработать и здесь.

Он не был убежден.

— А у герцога не найдутся другие печи?

— Нет. Пинвиум плавится при большей температуре, чем железо. Для этого нужны зачарованные кирпичи, а их непросто достать. Это остановит все производство оружия и брони. Подземелье сможет за это время свергнуть его.

— Если ты сможешь туда попасть, — Айлин хмуро посмотрела на дверь. Все еще звенела тревога.

Я хлопнула по форме.

— Я смешаюсь.

— Мы смешаемся, — сказал Данэлло. — Я иду с тобой.

— Хорошо, — сказала Айлин. — Иначе мне пришлось бы.

— Но...

— Никаких возражений, — Данэлло прижал палец к моим губам. — Мы делаем это вместе, или вообще уходим.

Я кивнула.

— Ладно.

— Итак, — сказала Айлин, — как нам всех вывести?

— Через ворота, думаю. Только так выйдет, — я подошла к окну. Главные ворота были

справа. Деревья не помогли бы, если они нашли веревку.

Я посмотрела на двор завода. Кустов между зданием и оградой не было. Лампы горели через каждые десять футов. Я не видела солдат, но они там были.

— Снимайте простыни, — я отвернулась от окна. — Сделаем веревку.

— Мы полезем в окно? — сказал Энзи. — Как в Лиге?

— Да. Когда спуститесь, спешите к главным воротам. Надеюсь, вы сможете открыть их изнутри. Сеун взламывает, если что, — я посмотрела на него, и он кивнул.

Квенджи и Зи должны были услышать тревогу, увидеть патруль и веревку. Если они были умными, они уже убежали по акведуку.

— А стражи? — сказал Джован, связывая простыни. — Они побегут за нами, когда увидят.

Айлин рассмеялась.

— Если Ниа начнет взрывать печи, то не побегут.

— Это заставит их отвернуться, — широко улыбнулся Сеун.

Я улыбнулась в ответ.

— Ждите, пока не услышите много шума, а потом бегите.

Мы с Данэлло вышли за двери. Лампы в коридоре горели ярче. Он выхватил меч.

— Нарушителей без оружия в руке не ищут, — сказал он.

— Верно, — я вытащила свой.

Мы направились к лестнице в конце коридора. Было слышно, как открываются и закрываются двери, кричали люди. Данэлло шел первым, двигался быстро, словно куда-то спешил. Мы замерли на площадке второго этажа.

— Плохо, — прошептал Данэлло.

Солдаты обыскивали комнаты на втором этаже, дополнительные стражи стояли у двери в дальнем конце. Если комнату так хорошо охраняли, то оружие, передающее боль, было внутри.

— Мы не сможем туда попасть, — мне не нравилось это говорить, но мы бы вызвали подозрения, если бы пошли мимо стражи.

— Может, удастся вернуться, когда мы бросим ящики в печи.

Я замешкалась, но Данэлло был прав.

— Другого выбора нет.

Данэлло открыл тяжелую дверь первого этажа, по нам ударил жар. Здесь было шумнее, били молоты, пылали печи, кричали люди. Здесь был завод, полный печей и наковален. Одна половина была выше, другая ниже, их соединяли каменные ступени, а длинные каналы между ними позволяли направлять расплавленный металл в печь.

Всего было четыре печи, по одной в углу нижней половины. Угли горели ярко. Зачарованные письма пылали голубым на кирпичах, делая угли жарче, чем в обычном костре. Два желоба были в центре комнаты, наполненные жидким пинвиумом, текущим по каналам из плавильного цеха.

Колдуны работали у каждой печи, зачерпывали пинвиум и выливали в формы, создавали оружие.

Грудь сдавило. Я так много часов провела с папой у печи.

Он опускал пинвиум в котел, и металл пылал синим, как огненный лунный свет. Я передавала ему щипцы, воду. Там было жарко, предметы часто были тяжелыми, но мне было все равно. Мне нравилось там быть.

Пара солдат ходила по комнате, у каждого был меч и прут из пинвиума. Они смотрели на колдунов и кузнецов тяжелыми взглядами, словно были надзирателями, а не защитниками. Они, наверное, следили, чтобы колдуны не украли пинвиум. Его было много, это могло соблазнить даже самых верных последователей: груды законченного оружия, исцеляющие бруски. Но не такие большие, как Плита Лиги. Все было создано для войны.

Данэлло похлопал меня по руке, а потом посмотрел на печь и пожал плечами. Я пожалала плечами в ответ. Я не знала, как мы подбросим туда ящики.

Я направилась к ступеням в плавильный цех на другом конце. Один из солдат кивнул нам, мы замерли. Я кивнула в ответ, сохраняя лицо мрачным, как у них. Он должен был знать о тревоге, так что мог подумать, что мы ищем нарушителя.

Наверху было еще жарче, сине-голубое пламя горело в жаровнях по бокам. Огромные меха заставляли печи гореть.

В котлах бурлил жидкий пинвиум, куски нечистот плавали наверху, ожидая, когда их смоют. Большие цепи соединяли котлы с балками сверху. Двое мужчин осторожно тянули котел по брусу, двигая его к печам. Котел склонился, и сверкающий голубой пинвиум полился из него.

Данэлло смотрел огромными глазами, я ткнула его и потрянула головой. Его не должен был восхищать процесс, ведь он изображал, что работает здесь.

У правой печи были открыты пять больших телег с сырым пинвиумом, голубые куски сверкали в свете огня. Пять! Герцог ограбил много шахт для этого. Этим можно было годами поддерживать Плиты исцеления в Гевеге.

У другой печи три стопки гладких плиток и кирпичей ждали растопки и превращения в оружие. Это могло вооружить и защитить больше солдат, чем было у герцога.

Колдун и два помощника работали у обеих жаровен спинами к нам, ученики бегали за рудой и двигали котлы.

Я склонилась к уху Данэлло.

— Нужно избавиться от того солдата.

Он кивнул и пошел к кирпичам пинвиума, он схватил один, пока солдат не смотрел. Данэлло прошел к солдату и ударил его куском по голове. Солдат упал на пол.

Один из колдунов уставился на него, замерев.

— Это он от жара, — сказал Данэлло.

— А, по-моему, из-за кирпича, — сказал колдун.

Я подошла и сунула ладонь в браслет из пинвиума, скрытый под рубашкой.

— Мы не хотим проблем.

Он пожал плечами.

— Бейте друг друга, если хотите. Мне все равно, — он потрянул ногой. Цепь тянулась от жаровни к его лодыжке. Так было и с двумя учениками, работающими с ним.

Я уставилась на него.

— Вы — пленники?

— Все, кроме солдат, — он окинул меня взглядом. — Я подозреваю, что вы — не настоящий солдат.

— Мы пытаемся уничтожить завод.

Теперь потрясены были колдун и ученики.

— Заводы сложно уничтожать.

— Такое мне говорят, — я вытащила один из ящиков.

Он посмотрел на ящик и улыбнулся.

— Хитрая девочка.

— Думаете, сработает?

— О, да. Но нас повесят, если поймают.

— Так не поймаемся.

Он рассмеялся и кивнул.

— Хорошо. Я Сорг.

— Ниа. Это Данэлло.

Я следила за другими солдатами, пока Данэлло щипцами разбивал цепи Сорга и других колдунов.

Мы разобрались с другими стражами и освободили остальных.

— Что теперь? — сказал Данэлло.

Я указала на солдата без сознания.

— Возьми прут из пинвиума. Я привлеку внимание остальных и приведу сюда. Атакуй их, когда они будут здесь.

— Понял.

Я ждала, пока он не будет готов, за ящиками пинвиума, а потом побежала по ступеням, размахивая руками и крича.

— Они сбежали! Сбежали!

Солдаты переглянулись и побежали ко мне.

— Сюда, скорее! — я развернулась и побежала по ступеням, а потом резко отпрянула.

Вжик!

Солдаты упали без звука. Боль жалила мою кожу, прутья в Гевеге так сильно не вспыхивали.

— Тебя не ранило? — спросил Сорг.

— Я была вне поля действия.

— Угу, — он поджал губы и медленно кивнул, словно знал, что я вру.

— Освободим остальных.

Мы схватили щипцы и направились к печам. Некоторые кузнецы хотели убежать, как только мы освобождали их, но Сорг успокоил их. Они собрались вокруг него, мы направились в плавильный цех.

— Теперь, — я открыла сумку, — нужно бросить по ящику в каждую печь, — На все у меня не хватит, но мы будем импровизировать.

— Вы все слышали, — Сорг взял два, дал один ученику. Данэлло взял третий.

— Просто бросить? — спросил он.

— Целься в дальний угол, чтобы было не так видно.

Сорг рассмеялся.

— Когда они увидят, что мы ушли, печи их беспокоить не будут, — он бросил ящик в пламя.

— А жаровни? — спросил Данэлло, бросив свой. — И пинвиум?

Он нужен был многим людям, но мы не могли забрать весь. И мы не могли оставить его герцогу.

— Заберем сырой пинвиум, остальной оставим. Сорг, что будет, если мы эти котлы, — я указала на каналы, ведущие к печи, — бросим туда?

— Будет кошмар, который месяцами будет остывать, а потом его будут долго разбивать.

— Так и сделаем.

Ученики схватили цепи, что держали котлы, и подвинули их к каналам.

— Тяните!

Котлы склонились, разливая голубой раскаленный пинвиум. Каналы заполнялись, раскаленный металл разливался на кирпичный пол. Он растекался к печам, столам.

— И в другой канал.

Они передвинули котел и обрушили сырой пинвиум в канал с раскаленным. Они смешивались, растекались и выливались.

— Дальше!

У нас было мало времени. Патруль вот-вот придет и увидит, что пинвиум вытекает во двор. Я схватила Сорга за руку.

— Заберите прутья из пинвиума и пропуски, если найдете.

Он кивнул.

— Меняйте каналы!

Пинвиум покрывал этаж с печами. Деревянные полки горели, мечи и прутья падали в сияющий пинвиум. Жидкий металл вырвался в воздух, ударил по крыше, по комнате разлетелись голубые капли.

— Святые, сжальтесь, — крикнул Сорг, птясь.

Больше столбов металла вылетали вверх, пинвиум бурлил, как кипящий соус, столбы вырывались все выше и выше. Балки крыши и дверь горели, как и оставшаяся одежда.

— Нам лучше уходить, — сказал Сорг, маня к себе учеников. — Все, берите телегу.

— Погодите, солдаты, — сказала я. — Возьмите и их.

— Бросим их! — крикнул кто-то.

— Нет.

Сорг фыркнул, а потом устыдился и приказал другим колдунам помочь нам. Мы вынесли солдат во двор, бросили у стены подальше от завода.

— Ты слишком добрая, — сказал он мне.

— Я уже достаточно убивала.

Он смотрел на меня, вскинув бровь. А потом посмотрел поверх моего плеча.

— Патруль нас заметил.

— Скорее, сюда, — я направилась к главным воротам. Если повезет, патруль соберет других солдат, и мы отвлечем большую часть. Будет проще отключить их всех сразу, чем по одному или по паре.

Даже с прутьями пинвиума я не была уверена, сколько у нас есть вспышек.

Звенели колокола, раздавались отовсюду крики. Запах дыма заполнил воздух. Патруль все еще был за нами, три солдата были впереди.

— Огонь! — крикнул кто-то, веревка из простыни выпала из окна. Сеун полез первым и соскользнул, словно веревка была жирной.

— Стоять! — вопил один из солдат. Никто пока не видел веревку.

Я развернулась, вытащила браслет из пинвиума. Пятеро солдат бежало к нам с мечами и прутьями из пинвиума в руках. Я начала представлять одуванчики, но рядом раздался грохот. Солдаты упали на траву. Сорг размахивал прутом из пинвиума и смеялся.

— Вот и справедливость. Пали от оружия, которое заставляли нас делать.

Главные ворота начали открываться. Мы приготовились увидеть еще солдат. Появился Квенджи, Зи был за ним. Я заметила сапоги на улице за воротами.

— Помощь нужна? — сказал он.

— Я думала, вы ушли!

— И оставили Сеуна? — он раскрыл рот, мы начали провозить телеги с пинвиумом через ворота. — Это...?

— Да, и нам нужно скорее убираться отсюда, — я сжимала кусок брони, наполненный болью Энзи и близнецов, а потом увидела Айлин и остальных, бегущих к нам. Еще пятерс солдат быстро догоняли их.

— Скорее, скорее! — вопила она Забирателям перед собой. Они бежали к нам, испуганные, как зайцы. Сеун был первым, но они не могли убежать от солдат. Я побежала к ним.

Вжих!

Я не рассчитала удар и попала только по трем солдатам впереди. Они закричали и упали, держась за животы, головы и ноги. Квенджи нырнул мимо меня и прыгнул на одного из оставшихся солдат, ударяя его камнем по голове.

Данэлло появился и бросился на другого, отбивая удар мечом.

Квенджи вскрикнул и отшатнулся, на его ноге была кровь. Я схватила солдата за руку, он хотел опять ударить. Он отдернулся, меч не попал по Квенджи. Я развернулась, пригибаясь под рукой солдата, и схватила Квенджи за руку. Развернулась еще раз и схватила солдата за запястье. Я забрала рану Квенджи, передала ее солдату. Он пошатнулся. Квенджи ударил его в грудь, и солдат упал.

— Спасибо, — Квенджи был удивлен.

Я поняла ошибку слишком поздно. Я передала боль. Герцог узнает, что я была здесь, что я сделала это с ним. А если он забрал Тали?

Данэлло расправился со своим солдатом. Мы развернулись и побежали к остальным.

— За Сеуном, — сказал Квенджи, когда мы добрались до них. — Оставайтесь с ним.

Грохот сотряс землю, синий огонь вырвался в ночь. Он охватил двери завода, поднимался по крыше, черный дым вился в небо. Земля мерцала, пинвиум выливался по холму, озаряя завод бледным сиянием. Еще удар, другой, яркие капли разлетались в стороны.

Что было на втором этаже? Оно тоже горело, или солдаты вынесли его?

Прошу, пусть сгорит.

— Ниа, идем!

Я бежала во тьму, последний ящик взорвался.

ДВАДЦАТЬ ОДИН:

Тишину разрывал звон, мы бежали к стенам, толкая телеги перед собой. Тревога из-за пожара или чего-то еще. В шуме почти не было слышно звона, возвещающего о четырех часах.

Лампы у ворот сияли впереди, покачивались факелы. Тревога привлекла стражей ворот, заставила их звать подкрепление.

У меня уже не было брони с болью.

— У кого остался прут из пинвиума?

Двое колдунов подняли их.

— Дайте мне один.

Они замешкались. Сорг стукнул ближайшего по голове.

— Дай это ей.

Он послушался.

— Задержитесь немного, — я побежала вперед, прут был готов вспыхнуть, когда я ощутила боль. Я увидела их. У них могли быть прутья из пинвиума.

Я ощутила, как ужалил песок. Четыре солдата стояли в ряд, вытащив мечи. Пятый был с прутом.

Я взмахнула запястьем, прут вспыхнул, отправляя боль к солдатам.

Четверо упали. Последний пошатнулся. Он ударил. Я отскочила, лезвие задело плечо. Я стиснула зубы и побежала по улице.

Данэлло бросился к солдату, размахивая мечом. Солдат отбил его атаку, но потерял равновесие. Данэлло наступал. Он взмахнул снова, меч отлетел.

Ученик ударил солдата телегой, сбил его.

— Берите ключи!

Зи схватил их, ворота открылись. Мы бежали по темной улице, часто сворачивая, чтобы сбить погоню. Когда мы убедились, что нас никто не преследует, мы замерли в нише и перевели дыхание.

— Посмотрите на весь этот пинвиум, — сказал Квенджи с потрясением. — Поверить не могу, что вы это сделали.

— Пошло не так, как планировалось, но результат неплох. Наполняйте мешок. Нельзя толкать телеги по улице. Скоро солдаты будут всюду.

Мы взяли мешки и наполнили их, но осталось еще три телеги.

— Остальное можно спрятать, — сказал Квенджи.

Колдуны покачали головами.

— Это и наше.

— Все равно, кто это возьмет, пока пинвиум не достается герцогу, — сказала я.

Зи встал за одной из телег.

— Тогда мы возьмем эту.

— Мы эту, — колдуны и кузнецы встали у другой.

Сорг похлопал третью.

— Думаю, я смогу забрать эту.

Квенджи проверил улицу и махнул Зи.

— Преобразователь, потребуется помощь, ты знаешь, где нас найти.

— Да. Спасибо.

Он тряхнул мешками с пинвиумом.

— Это того стоило. Не попадитесь.

— И вы.

Сеун послал мне воздушный поцелуй и убежал с бандой. Я повернулась к своим. Айлин, Данэлло, Энзи, Винвик, Джован, Бахари, два Забирателя и десять колдунов с учениками.

— Вам есть куда идти? — спросила у них Айлин.

— Я могу позаботиться о себе, — сказал колдун со второй телегой. — Мы пойдем, спасибо за спасение, — он толкал телегу по улице и направился в другую сторону от Квенджи. Кузнецы пошли за ним.

Сорг цокнул и повернулся ко мне.

— Их поймают через день. Мы останемся с вами.

Данэлло улыбнулся.

— Хочу уже увидеть лицо Сизкт, когда мы придем.

* * *

— Нельзя приводить сюда чужаков! — заявила Сиэкт, когда мы вошли в главный зал. Никто не был рад нас видеть. Энзи и остальные сели на стулья и на пол. Мы потеряли троих по пути — колдун решил покинуть город, один ученик ушел к своей семье, а еще один убежал, увидев виллу, испугавшись аристократов.

Я высыпала пинвиум из мешка на стол. Данэлло достал шесть кирпичей пинвиума. Айлин опустила броню. Мешок песка оказался хорошо перемолотым пинвиумом.

Сиэкт смотрела на меня, на грудь, а потом на стол.

— Откуда столько? — она подняла кусок брони. — Это? — она уставилась на меня. — Святые! Это броня Бессмертного?

— Была.

Люди шептались за ней, некоторые были уже не так возмущены.

— Где вы это взяли?

— На заводе, — я пыталась не улыбаться. — На кухне еще телега с пинвиумом, можете ее спустить, — сказала я.

Она побелела.

— Что вы наделали?

— Герцог еще долго не будет делать оружие.

— О, нет. Нет. Как можно быть такой глупой!

Я отпрянула. Данэлло шагнул.

— Она сделала то, что вы не смогли.

— Этого нельзя было делать, идиот, — она повернулась к остальным. — Предупредите другие дома. Убедитесь, что все вооружены и готовы.

Некоторые кивнули и пошли наверх. Раздался топот. Ондераан ворвался в комнату со смесью гнева и страха на лице.

— Нельзя было делать этого до возвращения Джеатара, — сказал он мне.

— Погодите, — сказала Сиэкт. — Вы знали об этом? Вы удерживали меня, но позволили ей напасть на завод?

Ондераан не слушал ее.

— Половина гарнизона сейчас охотится на тебя. Понимаешь, что ты сделала?

— Она спасла нас, — сказал Сорг. — Ткнула герцогу в глаз.

Ондераан смотрел на них, словно только сейчас заметил.

— Кто все эти люди?

— Забиратели и колдуны, что были в плену у герцога на заводе. Он заставлял их работать на него.

Ондераан вздохнул.

— Ты не понимаешь, что сделала.

Нет, но разрушение завода не было той победой, на которую я рассчитывала.

— Я думала, мы хотим остановить герцога?

Сиэкт фыркнула.

— И ты дала ему повод напасть на нас. Ондераан, что происходит?

— Завод в огне. Говорят, там растекся жидкий пинвиум. Солдат созвали, они запирают ворота. Никто не попадет и не выйдет из города.

— Разве не идеальный момент для атаки на герцога? — сказал Данэлло. — Его люди рассеяны, он отвлечен заводом.

— Если бы мы были готовы, — сказала Сиэкт. — Но мы не готовы, никого нет на месте.

— Я думал, у вас есть люди на месте. Вы об этом говорили.

Она напряглась и посмотрела на Ондераана, это его расстроило сильнее, чем я.

— О чем он?

— Он не в себе.

Данэлло нахмурился.

— Вряд ли. Она сказала, что у нее есть люди на месте, готовые убить герцога.

Сиэкт была готова взорваться. Ондераан опередил ее.

— Убить? — закричал он. — Сколько раз я тебе говорил, нет. Убьешь герцога, и в Басэере начнется гражданская война. Нам нужно раскрыть его, подставить и избавиться.

— Вряд ли, — она посмотрела на Данэлло. — Думаешь, кому-то есть дело до его действий? Они знают и ничего не делают.

— Люди не знают, — сказал Ондераан. — И не все аристократы знают правду.

— Узнают, когда он будет мертв.

— Начнутся мятежи. Ты пробьешь дыру для алчных аристократов Басэера. Будет война, пострадают люди. Не так нужно победить. Герцог украл трон, и нам нужно обвинить его в измене...

— Герцог повлияет на суд...

— ...и законный наследник тоже...

— О, опять? Кому нужны законные наследники? Они нам как-то помогали? Вы просто пытаетесь доказать, что ваша семья права, что они поддерживали настоящего герцога, а те, кто не слушал их, ошибались.

— Ошибались!

— И что? Никого с той стороны семьи не осталось.

— Осталось!

— Слухи это. Мифы, чтобы тревожить людей. Их не подтвердить, так зачем нам верить в это?

— Потому что это правда.

— Если вас нужно доказательство деяний герцога, — зло сказала я, — оно у нас есть.

Они уставились на меня.

— Так я доказала, что Светоч воровал пинвиум в Гевеге, что герцог проводил эксперименты на Забирателях. Я спасла их и дала рассказать свои истории. Эти колдуны и Забиратели могут рассказать о том, что он делал. Они — ваше доказательство. Пусть говорят на суде.

Сиэкт скрестила руки.

— Они не доживут, а если и доживут, их никто не послушает.

— Почему?

— Никто не доверяет Забирателям или колдунам после того, что с ними сделал герцог.

Ондераан не возражал. Как и остальные, даже колдуны, которых мы спасли.

— Дураки вы, — сказала я. — Бросать рыбу, потому что вам нужна птица. Какая разница, поверят им или нет! Они услышат их истории, узнают, что происходит. Кто-то поверит. Вы никого не убедите, пока они не узнают, что происходит.

— А что происходит?! — сказал Джеатар с лестницы. Он выглядел уставшим, грязным.

— Вы вернулись! — обрадовалась я. Он видел, как это сработало в Гевеге. Он мог убедить их, что я права.

— Ниа уничтожила завод, — сказала Сиэкт. — К рассвету вся армия будет искать нас, если уже не ищут.

— Они уже там. Я едва успел пройти через ворота, и их закрыли. Дым и огонь видно с пристани, — он подошел ко мне, поглядывая на встревоженных колдунов и Забирателей в углу комнаты.

— Он нас найдет, — сказала Сиэкт. — Все сопротивление. Мы в опасности.

— Мы и раньше были в опасности.

— Тогда мы сразимся, — сказала я.

— Сразимся? — сказала Сиэкт. — Он отправит за нами не обычных солдат. Он отправит Бессмертных. Ты хочешь с ними бороться?

Я улыбнулась.

— Я бы предпочла бороться. Так проще победить.

Все смотрели на меня, как на сумасшедшую, кроме тех, кто знал меня. Они улыбались.

— Ты с ума сошла.

Джеатар вздохнул.

— Нет, Сиэкт, просто она умнее, крепче и живучее тебя.

Но Тали была не такой. Герцог мог послать за мной всю армию, но ее было проще найти.

— Джеатар, если Бессмертных пошлют за нами, значит, лагеря Забирателей без охраны? Или слабо защищены?

Он вскинул брови, казалось, что он пытается не смеяться.

— Ты не серьезно.

— Мне нужно забрать сестру.

Он сухо рассмеялся.

— Нет, туда не попасть. Лагеря за стенами, никто не пройдет сейчас ворота, — он указал на нашу форму. — Они видели форму, так что их не обмануть, они будут проверять каждого солдата, чтобы убедиться, что это солдаты.

— Она даже это испортила, — добавила Сиэкт.

— Попытаемся выжить, — сказал Ондераан. — Мы можем собрать поддержку. Люди уже злые, и когда герцог начнет стучать в двери и вытаскивать невинные семьи для допроса, многие присоединятся к нам.

Сиэкт покачала головой.

— Эти методы не сработают. Мальчик прав насчет атаки. Нужно воспользоваться шансом и убить герцога.

— Это начнет войну.

— Если будет война, — сказала я, — мне нужно забрать Тали. Она в большей опасности, чем мы.

Ондераан взглянул на меня.

— Твою сестру зовут Тали?

В его глазах было узнавание, словно он понял то, от чего я отказывалась неделями. Мои ладони стали холодными. Я не хотела отвечать на этот вопрос. Я не хотела признавать правду.

— Да, — прошептала я.

— Святые, вы — дочери Пелевена?

Я кивнула.

Ондераан вдохнул, а потом протянул ладони.

— Он был моим братом, — тихо сказал он. — Я — твой дядя.

ДВАДЦАТЬ ДВА:

— Нет, — сказала я. — Мой отец не был басэери, — я не была басэери.

Ондераан улыбнулся.

— Его кровь была, даже если он так не думал. Он любил Гевег.

— Это невозможно.

Айлин взяла меня за руку, Данэлло — за другую. Они молчали, но крепко держали.

Джеатар смотрел на меня, раскрыв рот. Как и все.

— Ты — Эналова? — спросил Джеатар.

— Я — д'Эналова. Это другое.

Ондераан печально улыбнулся.

— Нет. Пелевен думал, что гевегская версия скроет их, но я думаю, что он сделал это для Риассы.

Мамы.

— Думаешь, Тали с Бессмертными? — сказал он.

— Да. Вианд схватила ее, но мы не нашли ее с другими Забирателями на заводе. Она не может быть в другом месте, — если герцог не забрал ее пытать за мою беспечность.

— Мне очень жаль.

Как и мне. Я пыталась игнорировать потрясенные взгляды окружающих, но они резали меня ножами, вскрывали правду, которую я не хотела знать. Ондераан был мне родней. Родней из Басэера. У меня была кровь басэери, как и у отца. Но во мне была и гевегская кровь матери. Какой я становилась?

— Джеатар, — сказал Ондераан, — что мы можем сделать?

Сизэкт обрела дар речи:

— Вы отказались действовать против герцога, но сделаете это ради племянницы, хотя вы даже не встречались?

— Я встречал их. Я думал, что они умерли с братом. Я не видел Нию после того, как папу убили.

— Сорилль, — прошептала я. Дед умер в Сорилле со многими из консорциума пинвиума.

Сизэкт кивнула.

— Да, Сорилль. Что твоя семья там делала? Тысячи умерли, потому что они отказались действовать. Хочешь повторить их ошибку?

Я подняла голову. Что моя семья делала в Сорилле?

Джеатар шагнул к ней.

— Эналовы не виноваты в том, что случилось в Сорилле.

Она не отпрянула, не двигалась.

— Они разозлили герцога. Они отказались от него...

— Хватит! — Ондераан разнял их. — Мы здесь не для обсуждения истории.

— Это для тебя история, — сказала Сизэкт. — Два брата, борющиеся за трон.

— Три, — сказал Джеатар. — Было три брата.

Она нахмурилась.

— Беспаар не считается, у него не было шанса.

— Герцог убил его.

— Потому что он прятался в Сорилле, — Сизэкт провела ладонями по волосам.

— Это безумие. Оба брата герцога мертвы, трон у него, мы спорим о том, что уже не важно.

— Конечно, важно, — сказал Ондераан.

— Вам, в этом и проблема. Мы просто хотим, чтобы герцога не было, и его место занял кто-то новый. Вы хотите исправить ошибки прошлого. Это не исправить, Ондераан.

— Это месть? — тихо спросила я.

Сизэкт посмотрела на меня, словно не была уверена, что делать.

— Вопрос в том, что правильно.

Я рассмеялась и опустилась на ближайший стул, она растерялась.

— Правильное делать непросто, поверьте. Ты думаешь, что ты прав, а потом теряешь мысль, а вокруг все в крови и смертях. Делать плохое ради хорошего не выйдет.

— Ты поймешь, когда подрастешь.

— Если вы начнете войну, то я не подрасту.

Она оцетибилась.

— Ты сама ее пытаешься начать.

— Сизэкт, хватит, — сказал Джеатар. — Что сделано, то сделано, нам нужно с этим справляться. Данэлло прав, герцог отвлечен, и это нужно использовать. Связаться с нашими людьми, разместить их, дотянуться до тех, кого не убедили. Добраться до членов суда. Рассказать им, что случилось, что сделал герцог. Святые, возьмите себе кого-то из этих колдунов, если нужно.

— Вы не можете нас использовать, — сказал Сорг. — Мы не будем пленниками.

— Попросите колдунов помочь. Или сами расскажите их истории.

— Слушайся его, Сизэкт, — тихо сказал Ондераан. — Собирай людей. Готовьтесь к грядущему. Может, это улучшит ситуацию.

Она замешкалась, поглядывая на Джеатара, но покачала головой.

— Добра из этого не будет. Ты подвел нас, Ондераан, как и твой законный наследник. Делай, что хочешь, но я больше за тобой не пойду. Если бы ты меня слушал, мы бы использовали этот шум и напали бы. Но ты не хочешь, и мы вряд ли переживем ночь. Мы справимся своим способом, — она прошла мимо Джеатара и поднялась, за ней пошел один десяток людей, потом другой. Несколько осталось.

— Нам остановить их? — спросила Айлин.

— Пусть идут, — сказал Джеатар, опередив Ондераана. — Это не важно, — он вздохнул и сел.

— Простите, — сказала я, мне было плохо. — Я хотела помочь.

— Знаю, — сказал Ондераан, Джеатар не ответил. — Этого не должно было случиться. Сизэкт не умеет терпеть, она почти каждый день пыталась разозлить меня. Она готовила остальных к бою. Ты им это дала.

— Надоело сражаться, — сказал Джеатар. Огонь в его глазах пропал. Он выглядел печальным, уставшим. Подавленным.

Глаза Ондераана расширились, он подошел к нему.

— Не сдавайся. Все почти закончилось.

— Но не так, как мы надеялись. Басэер горит, Гевег на грани восстания, Верлатта голодает в осаде герцога, — он махнул в сторону лестницы. — А если она сможет убить его,

все три города пострадают еще больше. Постоянные нападения, борьба за власть. Будет хуже, чем когда... — он вздохнул и покачал головой. — Я устал от этого. Хватит.

— Джеатар, не говори так.

— Мы уйдем, как только сможем. Пробьем путь, плевать как. Уйдем на ферму. Можете идти с нами, если хотите, — он позвал остальных, а потом повернулся ко мне. — Как и твои люди, Ниа. Можно не возвращаться в Гевег.

Уйти без Тали? Я не могла. У нас была броня Бессмертных, лучшее отвлечение. Если мы могли добраться до пристани, то могли попасть и в лагерь.

Данэлло выступил вперед раньше, чем я заговорила.

— Мой отец еще в Гевеге. Мне нужно вернуться к нему.

— Будет непросто. Я говорил со своими там. Гевег восстает снова. Генерал-губернатор закрыл пристани.

Я сжалась.

— Все так плохо?

— Не так плохо, как здесь. Но герцог отвлечен, так что он вряд ли отошлет туда отряды, — он вздохнул. — Ты, может, спасла их. Они могут победить.

Но если Джеатар рассказал правду, то как скоро появится кто-то плохой, ищущий власти? В Гевеге больше не было армии. Никто, кроме добровольцев, не мог его защитить.

Если герцог отправит отряды, среди них может быть Тали.

— Я не могу уйти. Я...

— Все конечно, Ниа. Мы ничего не можем сделать, — Джеатар встал, но не смотрел на меня. — Я иду спать. Я оставил дозорных сверху, они сообщат, когда солдаты попадут на эту улицу. Нам будет здесь безопасно, но лучше вооружитесь. Мы попытаемся уйти утром, когда все немного успокоится.

— Но...

Джеатар не обернулся, не остановился. Он прошел через дверь и закрыл ее со стуком.

— Мы пойдем с ним? — спросил Данэлло. Я не знала, хотел он или нет.

— Я... — не знала. Оставить Тали я не могла, но без помощи Джеатара и виллы для укрытия я бы смогла ее найти? — Мы пойдем с ним, — тихо сказала я. — Он выведет нас из города, а за городом как раз лагеря Забирателей.

Данэлло кивнул, обрадовавшись. Он бы не был рад, если бы знал, что я собиралась идти за Тали одна. У него была своя семья, и хотя я хотела, чтобы он был со мной, семья была важнее.

— Ниа, — сказал Ондераан, — можно поговорить...

— Мне нужно отвести Целителя к Ним и Эллис, — сказала я, уходя. Он хотел поговорить о папе, о Тали и обо мне. Я не могла этого сделать, пока не забрала ее.

Мы не могли спать, хоть и устали. Целитель позаботился о Ним и Эллис, им с колдунами выдали комнаты, и они ушли спать. А мы устроились в моей комнате, хоть и было тесно. Я, Энзи, Винвик, Джован, Бахари, Айлин, Данэлло и Халима. Тали должна был сидеть с нами.

— Я не уйду без Тали, — сказала я.

Айлин кивнула.

— Мы знали это.

— Но вам лучше уйти.

Она села прямее.

— Нет уж.

— Вы не можете рисковать собой и дальше. Данэлло почти потерял семью из-за меня, — я посмотрела на него, он не возражал. — Я не прошу помощи. Это мой бой, моя сестра. Я заберу ее.

Данэлло обнял Халиму.

— Ниа, может, тебе стоит послушать Джеатара и уйти. Мы выиграли в этот раз, потому что нас не ждали, и у нас была помощь. Теперь они настороже. Брони из пинвиума не хватит, чтобы пропустить тебя внутрь.

— Я должна попробовать.

Я не знала, как. Я бы спросила у Джеатара, но он еще злился, даже если хотел помочь нам выбраться из Басэера. Я все для него испортила. Разозлила герцога, разбила Подземелье. Сколько людей умрет ночью из-за меня?

Айлин взяла одеяло с кровати и укутала меня.

— Зато ты узнала, что у тебя еще есть родня. Это же хорошо?

— Разве?

— Ты больше не одна.

Я и не была одна. У меня были Тали, Айлин и Данэлло. Мы были семьей месяцами заботились друг о друге. Я могла рассчитывать на них. Могла ли я рассчитывать на Ондераана? Я его едва знала.

— Как только Джеатар и Ондераан уснут, я попробую найти Сеуна, — сказала я. Тали была в беде, я должна была сосредоточиться на ней. — Если кто и знает путь в лагерь, то это Квенджи.

— Я иду с тобой, — сказала Айлин.

— Нет, оставайся с Джеатаром. У нас лишь один набор брони, мы тебя не скроем.

— Можно изобразить, что я — Забиратель.

— Они поймут, что ты врешь, как только коснуться. Лучше, если...

В дверь постучали. Мы вздрогнули. Джован ответил.

— Солдаты на улице, — сказала женщина. — Джеатар сказал хватать мечи и готовиться, — она ушла в следующую комнату и сказала то же самое.

Халима заплакала. Энзи пыталась успокоить ее, но только расплакалась сама. Они были слишком юны для этого. Мы все были юны.

— Вы остаетесь здесь, — сказал Данэлло, указав на девочек. — Прячьтесь под кровати. Джован, Бахари, Винвик, вы тоже прячетесь и защищаете их.

— Мы запрем другие двери, чтобы показалось, что там кто-то прячется, — сказала Айлин, вскочим. — Может, они подумают, что здесь никого нет, раз открыто.

— И выключите свет, — сказала я, помогая ей.

Мы потушили свет в коридоре, а потом вышли в главную комнату. Там был Джеатар с Ондерааном и десятью, что остались с нами. Колдун и его ученики стояли и проверяли оружие. Многие лампы были потушены. Только у лестницы они горели.

— Они уже здесь? — тихо спросила я.

— Еще нет. Они идут по виллам, мы почти в конце.

— Сколько их?

Он сделал паузу.

— Около тридцати солдат.

Ним побледнела и опустилась на подлокотник дивана, ее меч упал. Эллис похлопала ее

по плечу. Я посмотрела на мальчика Забирателя, исцелившего их. Он сидел за столом у исцеляющих брусков, одна рука лежала на них, словно он пытался понять их перед использованием. Святые, пусть ему не придется ими пользоваться.

Я подошла.

— Наполненные куски есть? — Ондераан уже убрал большую часть пинвиума.

— В одном есть боль, но он не полный. Остальные пустые. Но они хорошие. Могут выдержать много исцелений.

— А броня?

Он коснулся ее и покачал головой.

— Пустая. Но выдержит много.

Я собрала броню.

— Надевай.

— Что?

— Это защитит тебя, а ты сможешь исцелять в нее. Бруски тоже возьми, они могут нам понадобиться.

Ладно, — он возился с ремешками, я помогала ему надевать броню. Она была ему велика, но для этого боя хватило бы.

Для меня она тоже велика.

Так я никого не смогу обмануть в лагере. Будет глупо даже пытаться. Но порой дуракам везло.

— Как тебя зовут? — сказала я. Тали возмутилась бы, узнав, что я все еще его не спросила.

— Туссен.

— Все будет хорошо, не переживай.

Он улыбнулся, но вряд ли поверил мне. Я сама себе не верила.

Я подошла к Джеатару, тот говорил о тактиках, которые я толком не понимала. Данэлло кивал с остальными, видимо, понимал это. Я смотрела на лестницу, она изгибалась, так что до последнего поворота дна не было видно. Стена была плоской с одной стороны, так что стоящий там будет скрыт от спускающегося. Может, для того лестница и была такой.

— А если поставить там ловушку? — спросила я, указав на низ лестницы. — Эллис ведь говорила, что они сбежали от солдат Лиги, потому что оставили ловушку.

— Стоило подумать об этом, — пробормотал Ондераан, а Эллис сказала:

— Да, можно так сделать.

Эллис пропала и вернулась с тонкой веревкой. Дверь открылась, и мы напряглись. Один из дозорных спустился.

— Солдаты в нескольких виллах от нас. Я запер дверь в книжном шкафу и укрепил дверь. Я видел пятнадцать Бессмертных и десять обычных солдат.

— Бессмертные войдут первыми? — я держала веревку, Эллис забивала гвоздь в стену.

Джеатар кивнул, надежда озарила его глаза.

— Тогда вам лучше отойти, — сказала я. — К той стене, — я указала на угол, который не было видно с лестницы.

Данэлло и Айлин кивнули, но Ондераан покачал головой.

— Ниа, от этого не скрыться. Нас этому учили.

— Она справится, — сказал Джеатар, уводя остальных. — Нам повезло.

— Повезло?

— Ниа особенная, — он улыбнулся мне. — Только ей нечего бояться в случае с Бессмертными.

Только если в их бронях была боль. Иначе мне будет плохо. Зато я смогу использовать свою боль.

Стук донесся сверху, мы притихли. Джеатар потушил последние лампы, все ждали в темноте. Еще стук, грохот, дверь выломали. Осторожные шаги звучали над нами, много шагов. Голоса, какой-то приказ, хотя я не могла разобрать слова.

Робкие шаги становились громче. Мебель бросали с громким грохотом. Они искали. Они обыскивали виллу.

Пот стекал по моей спине. Тьма давила на меня. Хотя я знала, что тьма защищает меня лучше всего, я хотела свет.

Стук на вершине лестницы. Осторожное постукивание, книги вытаскивали, они падали на пол. Радостный вопль.

Они нашли скрытую дверь.

ДВАДЦАТЬ ТРИ:

Вокруг меня участилось дыхание, звуча эхом в темном подвале. Я сжимала пальцы, готовая к удару. Удары по двери, словно топором, и дверь разбилась. Обломки полетели по лестнице, стуча по ступенькам.

— Похоже на подвал, — тихо сказал мужчина.

Я почти улыбнулась. Так на шумев, он пытался говорить тихо?

— Лампы. Идите вдвоем.

Солдаты пошли по ступенькам, их шаги слышались раньше, чем было видно свет ламп. Когда желтый свет озарил стену, я подняла руки и придвинулась. Я слышала шуршание за собой, остальные поднимали оружие и готовились.

Тени, больше света, шаги громче. Почти у ловушки.

— Ах! — первый солдат упал, лампа вылетела из его руки, разлилось масло и огонь. Я прыгнула на его спину, придавила его и прижала ладони к Бессмертному, пытаюсь удерживать его. Пусть там будет боль.

Вжих!

Я тихо помолилась, боль покалывала на лице и руках. Солдаты на лестнице закричали и упали, а потом скатились по лестнице. Лампы падали с ними, масло разливалось, горели волосы и форма. Солдаты вне вспышки закричали. Некоторые пытались отползти и потушить огонь.

— У них прутья из пинвиума!

— Назад, — приказал голос. — Я спускаюсь.

Чем дальше, тем лучше. Я отступила. Ним подбежала и схватила упавшую лампу, затоптала огонь ногой. За секунды в комнате снова стало темно, только слабое сияние озаряло низ лестницы. Тень кого-то большого двигалась по лестнице. Он остановился у ловушки. Замер.

Мои ладони подрагивали. Почему он не двигался? Если у нас были прутья из пинвиума, мы могли пять раз ударить по нему. Если только...

— Они без боли, — сказал он и перешагнул ловушку.

Я направилась вперед от защиты стены. Свет прорезал тьму, ударил мне по глазам. Я отпрянула и закрыла лицо. Святые, он включил лампу передо мной!

Вжих!

Боль пронзила меня, но больно было из-за света. Я смаргивала слезы. Я бросилась вперед, мои руки прижались к... кольчуге.

Ой-ой.

Он схватил меня, поднял и бросил, словно я была лампой. Я врезалась в стол, боль вспыхнула в ребрах, а потом я ударилась об пол. Солдаты побежали по лестнице. Некоторые несли лампы, остальные — мечи.

Я не слышала приказ Джеатара. Он побежал к солдатам, Эллис и Ондераан были за ним, остальные — в нескольких шагах за ними. Они выглядели как духи, бледные и зловещие в свете ламп.

Я вскочила на ноги и искала в толпе солдат голубой металл. Нашла нескольких, но было рискованно вспыхивать ими в комнате с остальными. Я направилась к лестнице, пригибаясь, двигаясь быстро, стараясь избежать ударов мечей и ножей.

Солдат задел меня, меч легко прорезал юбку и ножу. Я схватила его, сунула пальцы за воротник и толкнула. Он отдернулся. Я двигалась, другой меч задел плечо. Я подавила крик, схватила женщину обеими руками за плечо. Толкнула боль. Она закричала и отшатнулась.

— Преобразователь, — закричала она со страхом. — Здесь Преобразователь!

Я добралась до лестницы и нашла двух Бессмертных. Они ударили меня по груди, другой — по бедру. Я схватила их за руки, падая.

Вжих!

Солдаты падали на лестнице. Я схватилась за ближайшую кожу и втокнула жжение порезов, боль ран. Желудок все равно мутило, у солдат был доступ к Целителям и пинвиуму. Скоро они снова будут сражаться.

— Ниа!

Джеатар. Я повернулась и побежала, перелезая через почти отключившихся солдат. Джеатар боролся с двумя — Бессмертным и обычным. Кровь была на рубашке Джеатара, его, судя по тому, как он шатался. Бессмертный погрузил меч в его грудь за миг до того, как я добралась до него.

Я схватилась за броню Бессмертного и представила, как ветер раздувает одуванчики. Боль вспыхнула, повалила солдата рядом с ним и Джеатара. Я оттолкнула ошеломленного Бессмертного, и он рухнул. Пол был скользким от крови Джеатара, быстро вытекающей из него. Я схватила его руку и руку солдата, пытавшегося убить его. Тянула и толкала боль.

Джеатар застонал и встал. Он слабо улыбнулся мне, кровь была на его лице, но рана уже не кровоточила.

— Спасибо.

— Обращайтесь.

Мы помогли друг другу встать. Сражений было много. Айлин и Туссен были сзади, Айлин подтаскивала раненых, Туссен исцелял их для сражения. Сорг и другие колдуны махали мечами как молотами, но они ударяли достаточно сильно, чтобы их опасались.

Джеатар вернулся в бой, двигаясь как кот во тьме, его меч сверкал, цели падали. Эллис и Ондераан помогали ему, разбираясь с солдатами.

Бессмертные менялись, некоторые сражались, другие исцеляли раненых, как делали и мы. Но они делали это быстрее. Они могли сражаться и исцелять себя при этом.

Мы проиграем, если это продолжится.

Они привыкли к такому сражению, мы не поспевали. Скоро их будет больше, чем нас.

Мне нужно ударять быстрее. Превратить их броню в песок, сравнять шансы.

— Им нужно больше боли, — сказала я Данэлло, проносясь мимо него к Бессмертному у лестницы. Я не знала, понял ли он, но он кивнул и продолжил сражаться.

Я пригибалась, перекатывалась, ранилась и атаковала. Пыталась бить по тем же солдатам, но в полумраке их было сложно различать. Мы, казалось, бились часами, но я знала, что мышцы обманывают меня. Не только я уставала.

Джеатар был уже не таким ловким, колдуны падали быстрее.

Меч Бессмертной вонзился в мой живот. Я вскрикнула и прижала ладони к ее броне.

Вжих.

Боли вспыхнуло не так и много, она лишь отпрянула. Песок посыпался сквозь мои пальцы, женщина отпрянула. Ее грудная пластина обвалилась песком, она вспыхнула слишком много раз.

Я стиснула зубы, потянулась к ней, но промазала и упала на колени. Она еще двигалась, паника была в ее голосе, и я с трудом слышала слова за ревом в ушах.

— Она разрушила мою броню!

Живот пылал, но холодом, и тело немело. Колени не хотели подтягивать меня к ее открытой коже. Солдаты двигались ко мне со страхом и волнением на лицах. Не Бессмертные. Они держались в стороне.

Я пыталась оставаться в сознании, встать и найти плоть.

Мечи блестели в свете ламп. Два меча летело ко мне. Я не видела, кто держал их, все было мутным.

Бам!

Другой меч остановил один, но плечо остановило другой. Я закричала и упала.

Ноги в сапогах пробежали над моей головой, зазвенели мечи. Руки схватили меня и оттащили.

— Держись, я здесь.

Давление и тепло на коже. Покалывание. Голова прояснилась, зрение вернулось. Холод и огонь пропали.

— Это было близко, — сказал Тусен, моя кровь еще была на его руках.

Слишком.

— Спасибо.

— Мы в беде?

— Просто исцеляй.

Я пошла обратно. Вспыхнула броней Бессмертного, кусок превратился в песок, в этот раз на руке.

— Вам не победить, — сказала я, они замерли. Они уже не были непобедимыми. Конечно, мы тоже не были сильными бойцами. — Скоро вы будете беззащитны. Сдавайтесь.

Великан, что бросил меня, расправил плечи.

— Цельтесь в ее голову. Убейте раньше, чем она передаст боль.

Грудь сдавило. Все это время они пытались убить меня?

— Сержант, приказано добыть ее живой.

Я не видела, кто говорил, но он явно нервничал.

— Всякое могло случиться, — он бросился быстрее всех. Я отскочила. Джеатар и Данэлло помчались вперед. Сталь встретила сталь, я упала на пол.

Солдаты наступали. Я отползала. Ондераан отбил меч, что летел ко мне, Сорг отбил

тот, что атакował его. Подземелье и колдуны обступили меня, защищая.

Бам, бам, бам...

Шум, металл о камень, я едва слышала его за стенами и звоном мечей.

Что-то падало... катилось?

ВЖИХ!

Кожу покалывало. Крики обеих сторон заполнили подвал. Падали тела, мечи звенели об пол. Шаги на лестнице. Недовольное цоканье языком.

— Не люблю, когда игнорируют приказы, сержант, — сказала Вианд, шагнув к нему. Стьюиг и другие люди были за ней, они были в кольчуге, открытой кожи было мало. Бессмертных с ними не было.

Я встала на ноги, руки все еще покалывало. Шар пинвиума размером с грейпфрут лежал на пол. Я сомневалась, что в нем осталась боль, но его можно было просто бросить.

Я шагнула к нему, трое солдат придвинулось ко мне. Я замерла.

— Хорошее оружие, — сказала я Вианд. Я не могла пройти мимо нее. Мне было нечем стрелять. Я была далеко от Бессмертных, чтобы вспыхивать ими.

— Удобно, да?

Не только удобно.

— Почему нельзя было сразу его использовать? Без драки?

— Я бы так и сделала, если бы была здесь, — она рассмеялась и махнула солдатам.

Они начали зажигать лампы.

— Думаешь, я бы послала за тобой Бессмертных?

— Не понимаю.

— Было бы опасно, если бы ты понимала.

— Что?

Она вздохнула и пригладила волосы.

— Когда я снова тебя потеряла, герцог отказался давать мне солдат. Я внедрила шпиона на завод перед тем, как ушла, на случай, если ты осталась. Мне повезло. Я бы оказалась здесь раньше, но глупый ученик заблудился, покинув тебя, и он не сразу нашел меня. Но я вовремя пришла, — она посмотрела на комнату. Столько крови. — Чуть не опоздала.

Я сжала кулаки. Ученик! Тот, что дошел до ворот виллы и «испугался» заходить. Лжец.

Вианд взмахнула рукой, четверо вышли вперед, один нес веревку, другие направляли мечи на мою голову и сердце. Стьюиг не отходил от нее.

Он следил за мной.

— Вытяни руки, прижав запястья, сжав кулаки, — сказала она.

Я смотрела на нее. Она вздохнула.

— Не заставляй меня убивать кого-нибудь.

Я вытянула руки. Мужчина обвил их веревкой, связал мои запястья.

— Опустите их.

Я послушалась. Другая веревка обвила меня, прижимая руки. Люди Вианд завязывали веревки дополнительными узлами. Потом они связали мои ноги. Им придется нести меня, но, похоже, таким и был их план.

— Ладони.

Другой мужчина подошел и укутал мои ладони длинной узкой тканью.

Пот был на его лбу, пока он делал это, словно он боялся, что я вдруг коснусь его.

Вианд подошла с улыбкой на лице.

— Попробуем еще раз? В этот раз я хорошо связала тебя. Ты от меня не сбежишь.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ:

— А остальные? — спросил один из ее людей.

— Оставь их. Если я схвачу ее друзей снова, она будет усердно стараться сбежать, — она шагнула ближе и подняла мою ненастоящую косу. — Интересно. Черный тебе идет.

— Такого же цвета твое сердце.

Она рассмеялась и отпустила косу.

— Ведите лошадей, — сказала она одному из мужчин, тот кивнул и побежал по лестнице. Вианд позвала двух других, и они подняли меня. Они шли за ней, оставляя всех позади. Стьюиг шагал между ней и мной.

— Вы правда оставите их здесь?

Она не слушала меня.

Она серьезно или собиралась вернуться за ними, когда доставит меня?

Мы вышли из проема в библиотеку. Прошли по коридору в прихожую, свет падал из окошка в форме капли над дверью. Лошади ржали. Вианд открыл дверь, холодный воздух с дождем ворвались в дом, увлажняя пол. А еще был запах дыма.

Они вынесли меня наружу. Дождь был мелким, воздух — туманным в бледном свете утра. Было сложно сказать без солнца, но казалось, что прошло пару часов после рассвета. Ощущалось, будто с разрушения завода прошли дни, а не часы.

Карета с лошадьми ждала на дороге. Юноша открыл дверь, и Вианд забралась, затем Стьюиг. Мужчины подняли меня и устроили на сидении напротив нее, как куклу, а потом сели по бокам.

— Куда вы меня отвезете?

— Если расскажу, ты замолчишь?

Я обдумала это.

— Вряд ли.

Она рассмеялась и снова пригладила волосы. Хотя ее волосы и так были на месте.

— В тебе есть стержень, девчонка. Мы могли бы подружиться в другой жизни.

— Вряд ли.

Она рассмеялась, и ее люди тоже.

— Я отвезу тебя к герцогу. Как только я отдам тебя, ты будешь его проблемой, — она склонилась к окну. Дым все еще поднимался со стороны завода. — Судя по всему, не только его.

Герцог. Я должна была сбежать, но Вианд была другой. Она не считала меня слабой. Количество стражи и веревки доказывало это.

Мы ехали по улицам, где становилось все больше людей, чем ближе мы были к стене. Солдаты, мятежники, жители бегали по улицам. Горел не только завод.

— Что случилось? — Сизэкт попыталась убить герцога? Она заставила часть Подземелья напасть?

— Люди не любят, когда солдаты выбивают их двери и роются в их вещах.

— Это мятеж?

Она покачала головой.

— Для этого нужна идея. Нет, эти люди просто злятся. Хотя, думаю, некоторые пользуются хаосом. Возможно, к закату здесь начнется мятеж.

Карета замедлилась, мужчина заглянул в окно.

— Там слишком людно. Придется ехать другим путем.

— Попробуйте через конюшни. И убивайте всех, кто попытается тронуть карету, — она улыбнулась мне. — Уловки больше не сработают.

У меня таких уловок и не было. И думать я о них сейчас не могла.

— Что будет с остальными, если Бессмертные проснутся раньше? — они будут беспомощны.

Она пожала плечами.

— То, что они решат.

Плохо дело. Он снова запрет Сорга и остальных колдунов. Заставит Туссена, Энзи и остальных...

Энзи!

Она все еще пряталась в комнате с Джованом, Бахари, Халимой и Винвиком. Они должны были слышать сражение. Они должны были слышать Вианд, узнать, что меня забрали. Джован точно начал бы что-то делать. Энзи сможет исцелить Туссена и помочь остальным раньше, чем Бессмертные проснутся.

Прошу, Святая Сэя, пусть они спасут остальных.

Вианд склонила голову и посмотрела на меня с вопросом во взгляде.

— Я снова вижу надежду, — сказала она. — Что ты придумала?

— Думаете, я расскажу вам?

— Нет, — она улыбнулась, — но ты вызываешь у меня любопытство.

— Вы знаете, что говорят о любопытстве.

— Но я же не кошка.

Карета поворачивала в толпе. Мы попали в конюшню, где было больше солдат, чем лошадей. Слишком много стражей для одной конюшни.

Может, мятеж все-таки приближался.

Вианд выбралась первой и скрылась под зеленым тентом, пропав в конюшне быстрыми шагами. Ее люди вытащили меня, как мешок с кофе, и встали во дворе со мной в руках. Через минуту Вианд вернулась и помахала нам.

Лошади шумели, поднимали головы и смотрели на меня. Конюшня выглядела ухоженно, но не подходила по виду лошадям герцога.

Мы добрались до дальнего конца, юный солдат открыл дверь. Мы прошли, и Вианд вытащила из ящика на полке темно-синий капюшон.

— Говорю сразу, это, — она помахала капюшоном, — чтобы ты ничего не видела.

Что видела? Конюшню с кучей солдат?

Она натянула капюшон на мою голову, но я успела увидеть, как юный солдат давит на канделябр, и дверь открылась. Затхлый воздух поднимался из тьмы. Наверное, это был тайный проход в замок. Я представила, как герцог уходит по нему посреди ночи, возможно, для встречи с Вианд на заводе, чтобы проверить, как идут эксперименты.

Вианд завязала капюшон на моей шее, словно поняв, что полоска света может как-то подсказать мне путь для побега. То, что она так думала, меня немного приободрило.

Ее люди понесли меня в проход. Твердый камень звучал под их сапогами, а потом тихий плеск, словно они шли по лужам. Они шагали долго, и хотя я пыталась считать повороты, это было невозможно, ведь я не касалась ногами земли. Мы остановились, и звякнул металл. Скрежет замка, и мы пошли снова.

Плеск сменился стуком по камням, а потом приглушенными шагами, как по мягкому ковру, а потом снова по камню. Мы шагали по ступенькам. Двери открывались и закрывались, но никто не говорил. Мы должны были оказаться в замке. Пахло чистотой, а не затхлостью того прохода. Они могли даже носить меня кругами, чтобы запутать.

Тихий стук, приглушенные голоса.

— Сэр, у меня Преобразователь, — сказала Вианд, капюшон с меня сняли.

— Вовремя, — пробормотал мужчина.

Я моргала от света в простой круглой комнате с парой скамеек и небольшим письменным столом. В такой комнате ждали, а не проводили время.

Если не были солдатами. Половина десятка людей в кольчуге стояла вдоль стен, следила за мной и всем, что двигалось.

Ухмылка Вианд пропала.

— Ее было сложно поймать.

— Ты мне это уже говорила, — сказал мужчина передо мной. За пятьдесят. Редые черные волосы зачесаны назад. Серо-голубые глаза. Обруч из пинвиума с сапфиром на голове.

Герцог.

Гнев пылал во мне. Этот человек ранил нас, убил столько и украл так много? Его тело было слишком тонким, чтобы носить броню, его плечам не хватало ширины для владения мечом. Его щеки были впавшими, глаза окружали тени из-за нехватки сна. Конечно, он все воровал. В честной борьбе он бы не победил.

Я подняла голову.

— Вы — вор-убийца, разрушающий жизни и города, и вы должны повеситься на глазах у всех, чтобы обрадовать людей.

Вианд потрясенно посмотрела на меня. Ей будет плохо, если я сбегу.

Герцог прищурился.

— Это точно она? — спросил он у Вианд. Я помрачнела. Это был мой враг, и он даже не узнавал меня.

— Точно, сэр. Как видите, ее... сложно с кем-то спутать... если хоть раз увидел.

— Хорошо. Оставьте ее, — он указал на деревянную скамейку у стены. — Плата на столе.

— Благодарю, сэр.

Солдаты уложили меня на скамейку.

— Как вы можете работать на него? — спросила я у них. — Он сжег целый город, чтобы украсть трон.

Они не слушали меня, но герцог покраснел. Хорошо.

— Какой из братьев должен был править? Вы убили их, чтобы было безопаснее?

— Уберите с нее веревки, — сказал он, чеканя слова. — Я не буду тратить хороших людей на то, чтобы они носили ее и слушали ее бред.

Вианд вскинула бровь.

— Это не...

— Выполнять.

— Хорошо, сэр.

Один из солдат разрезал веревки на моих руках и ногах. Он оставил одну на моих запястьях. Вианд сняла ткань с моих ладоней, а потом посмотрела на меня и подмигнула.

— Свободны, — сказал герцог.

Вианд опустила голову и ушла. Я могла поклясться, что слышала ее смех, когда она закрывала дверь.

Герцог подошел ко мне, его глаза сияли от волнения.

— Итак, ты — Преобразователь.

Он не хотел ответа.

— Какая же ты гадкая, — он ударил меня по лицу. Я улыбнулась, щека болела.

— Даже не было больно.

— Смелая? — сказал хорошо одетый мужчина, стоявший у окна. Старше герцога, но не намного. Седые волосы, такие же глаза. Родственник?

Он смотрел на меня, словно я была скотом с фермы.

— Слишком смелая, — согласился герцог. Я показала язык, и его кулаки сжались.

— Бейте меня, не бойтесь, — даже ножом. Больше боли для передачи. Я могла бы дотянуться до него раньше, чем стражи меня остановят.

Хорошо одетый мужчина положил ладонь на плечо герцога.

— Она дразнит тебя.

— Знаю!

— Слишком много надежды на девчонку, хоть и смелую.

— Видишь кровь на ней? Дыры в ткани? Это сделали люди Вианд, но больно сейчас им.

Люди Вианд? Он мог не знать об атаке Бессмертных на Подземелье. Тогда он не знал, где я была! Может, Айлин и остальные еще могут сбежать на ферму Джеатара.

А Тали?

Может, мне не придется лезть в лагерь Забирателей. Герцог был хорошим призом. Я могла закончить войну здесь. Я многое знала о похищениях, если я схвачу герцога, я смогу отдать его Джеатару, и мы заставим отпустить всех из лагерей Забирателей, включая Тали.

— Поверь, на ней нет ни следа.

Кроме новых шрамов. Я бы с радостью получила больше, если бы это дало мне больше боли для передачи ее герцогу.

— Бессмертные тоже могут исцелять себя, — сказал мужчина.

— Они не могут этого, — герцог вытащил что-то из кармана. Пинвиум.

Вжих.

Я смотрела на него, боль покалывала кожу. Много для такого маленького прутика, но он был синим, наверное, чистым.

— Щекотно, — сказала я, хмурясь. Он поднял прутик снова. Я скривилась и вскинула руки, подставляя их вспышке. Не сильно помогло, но могло немного ослабить веревки.

Вжих.

— Все еще щекотно, — сказала я.

Герцог покраснел и опустил прутик.

— Так такое видел, Эркен?

— Нет, такой иммунитет удивляет.

— Никто больше не посмеет мне угрожать.

Я фыркнула.

— Я бы не была так уверена.

Эркен не был убежден, хоть я его и впечатлила.

— Если это работает.

— Сработает, — герцог скрестил руки на груди, сжимая кулаки. — Пусть Виннот готовится. Я хочу проверку как можно скорее.

— Да, сэр, — один из солдат кивнул и пропал за дверью.

Если сработает? Прибор, что ранил Энзи и остальных? Он же был уничтожен в огне завода? Или нет?

— Ничто не сработает, — сказала я. — Все вас ненавидят. Каждый день вас боятся все меньше. Мы не можете прятаться от этого и дальше.

Герцог ухмыльнулся. Не такую реакцию я ждала.

— С тобой мне прятаться не придется.

Женщина в сине-серебряной форме подошла к герцогу.

— Сэр? Виннот готов.

— Отлично. Сержант, ведите Преобразователя.

Солдат слева от меня потянул меня к двери сбоку. Тут я заметила слабый гул в воздухе и уловила дрожь ногами.

— Куда вы меня ведете?

— Не такая смелая? — сказал герцог. — Осторожнее с ней, ее заменить не получится.

— Что вы собираетесь со мной делать? — я боролась, но с таким успехом можно было биться с деревом. Он тащил меня к двери в другую комнату. — Скажите!

— Лучше не знать, — сказал мужчина. Я не сразу узнала лицо. В последний раз я видела его лежащим на полу в Лиге Целителей.

— Виннот, — сказала я. Я смотрела на мужчину, наполнившего Тали болью так, что она не могла двигаться. Он проводил эксперименты на Забирателях. Он создал Бессмертных и отправил их убивать.

— Вижу, моя репутация опережает меня, — он улыбнулся и продолжил делать записи в блокнот. А за ним было...

Что-то.

Точно пинвиум, но странная бесформенная смесь от чистого синего до почти бесполезного серо-голубого, а еще странные серебристо-голубой металл, какой я никогда не видела. Штуковина была большой, диск шести футов в диаметре и с фут толщиной на подставке на полу. Шпиль торчал из центра, словно воск, таявший на свече, сделанной из смеси серебристо-голубого металла и пинвиума разной чистоты. Над шпилем была дыра размером с мою руку, идеально круглая и гладкая. Такие каналы размером с руку были через равные промежутки на диске, тонкие оковы виднелись над ними. Их было много.

Это держит нас, ранит нас...

Я считала. Двенадцать каналов. Шесть Забирателей было на заводе. Святые, это были оковы. Я представила, как руки Забирателей прижимают к тем каналам и приковывают к диску. Удерживающему их, причиняющему боль.

И герцог меня считал гадкой? Этой вещи не должно быть. Я даже не знала, что это было, но понимала это. Это было так же ужасно, как пинвиум с письменам в кабинете Зертаника.

Я медленно вдохнула. Желудок сжимался, как и там, даже сильнее, чем при виде прибора для исцеления Ондераана. Я не видела письма, но они могли быть сзади этого металла.

— Как скоро можно будет применять? — спросил герцог у Виннота.

— Зависит от Преобразователя. Мы не нашли других таких для проверки, так что

потребуется время. С сильными талантами всегда так.

Я отвела взгляд. Я не хотела в этом участвовать.

— Что это такое? — спросила я.

— Работа всей жизни, — сказала Виннот с вздохом.

Жизнь такого не стоила.

— Подключай их, — сказал герцог.

Виннот улыбался и потирал руки.

— Это будет интересно.

Солдаты вывели четверых Забирателей из комнаты, юных, как Энзи и остальные, самым старшим было двенадцать или тринадцать. Слишком юные. Мое горло сжалось, я боялась и надеялась увидеть Тали. Я хотела, чтобы она была подальше отсюда, потому что мне начинало казаться, что поймать герцога мало.

— Пустите! — боролся первый Забиратель. Темноволосый мальчик с кругами под глазами. У него была длинная туника без рукавов и мешковатые штаны.

Может, не слишком юный для боя, но слишком юный для Бессмертных. Он боролся, кусался, извивался, как кот. Двое солдат и один помощник запихали его руки в оковы.

— Подчинись, — сказал помощник.

Мальчик закричал и обмяк, его глаза были открытыми и стеклянными. А потом он начал тихо стонать. В такт.

Я хотела бороться. И кричать. Что делал пинвиум с письменами? Они знали? Они понимали, что за этим странно смешанным металлом?

— Впечатляет, — сказал Эркен. — Он подчиняет их.

— Я же говорил, — сказал герцог с гордостью. — Это самая лучшая смесь. Крагстан пока никак не используют отдельно, но в смеси с правильным соединением пинвиума он дает интересный результат.

— Влияет на разум?

— На всю нервную систему. Пара слов, и они будут делать все, что я скажу.

Это было ужасно. Ранить людей было плохо, но менять их разум?

Слова Джеатара звенели в моей голове. Они ломают воли и создают оружие, которого хочет герцог. Как долго Тали продержится здесь? Так он заставил Бессмертных работать на него? Он использует такое и на Тали, чтобы она сражалась?

Они присоединили еще одного Забирателя, а потом еще. Последний вышел из комнаты, старше остальных. Я знала ее, но это не была Тали.

Ланэль.

Я обрадовалась и ощутила укол вины. Хоть она помогала Винноту с его экспериментами, записывала симптомы Тали и остальных, выдала нас Светочу, такого не заслуживал никто.

Она беззвучно сунула руки в оковы. Они стонали друг за другом, пальцы дергались на диске, словно в них толкали боль. Джован и говорил, что странная плита толкала в них боль.

Святые, это...? Комната покачивалась. Боль циркулировала через них? Их проверяли на способности? Виннот нашел способ сохранять им жизнь, но наполнять болью? Пинвиум с письменами раскрывал способности, если они были?

Это было глупо. Зачем тогда там я? Мои способности уже знали.

Я поежилась. Герцог знал о них.

Я была ему нужна не за передачу боли. Это его не интересовало. Я нужна была ему из-за

своего иммунитета, как он и показал Эркену, ударив меня вспышкой.

Он хотел, чтобы я вспыхнула этой штукой.

Если он подчинит меня, как остальных, то я, наверное, так и сделаю. Сколько там боли? Если боль попадала в людей, вылетела бы из диска настоящая боль? Не просто внешняя боль, как делало оружие из пинвиума, но боль, которая может убить?

Я подумала о Гевеге, Верлатте, обо всех городах у реки.

О Сорилле, уже уничтоженном от руки герцога. Обо всех Забирателях, что прятались и молились, что ищейки не найдут их. Вспомнила, как боролась бабушка, сколько людей она исцелила, чтобы они боролись дольше.

Обо всех, кто умер, пытаясь отогнать герцога от нашего дома, от наших людей. Как папа и мама. И бабушка.

Оружие было полно боли, может, ее там было больше, чем в Плите Лиги.

Как только меня присоединят, я вспыхну ею, в кого скажет герцог. Я буду ходячим взрывателем пинвиума. Но если я вспыхну ею сейчас, пока меня не приковали...

Сизэкт была права. Только убийство герцога могло нас освободить.

Я бросилась к пинвиуму.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ:

Солдат, державший меня, пошатнулся и отпустил. Другие замешкались и слишком поздно потянулись за моей рукой, но он схватил за мою косу. Было больно, но она оторвалась.

— Остановите ее! — приказал герцог со страхом в голосе. Он знал, что я сделала со Светочем. Что я сделаю с ним, добравшись до этого оружия.

Я бежала изо всех сил. Я добралась до половины пути, когда солдаты схватили меня за руки и оттащили, ноги скользили по полу.

Герцог подошел и схватил меня за челюсть, поворачивая к себе. Кожу покалывало под его пальцами.

Святые! Он был Забирателем!

Герцог сжал сильнее.

— Хватит. Я не...

Я напрягла ноги и ударила его в грудь. Солдаты отпустили меня, и я упала на пол следом за герцогом. Я поползла к диску, но руки схватили меня снова.

— Будьте готовы, если она передаст, — сказал он солдатам, Виннот помог ему встать. Как только он был на ногах, он отбил руку.

Передача ушибленной спины вряд ли меня спасет.

— Я много денег потратил на поиски тебя, Преобразователь, — он сверлил меня взглядом. — Будь хорошей девочкой и слушайся меня.

— Я никого не слушаюсь, — я старалась звучать зло, но внутри все сжималось. Забиратель. Он делал такие ужасы с другими Забирателями. Это не должно было меня удивлять, он делал ужасы со своими людьми.

Он оскалился, явно пытаясь улыбнуться.

— Будешь, — он повернулся к Винноту. — Присоединяй ее.

— Да, сэр.

— Люди устали вас слушать, — вопила я на герцога, солдаты тащили меня к оружию. — Мы устали страдать, чтобы вы могли все украсть у нас.

Герцог смотрел на меня, словно обнаружил меня раздавленной своим сапогом.

— Это вы у меня воруете. Это была наша земля, наши шахты, пока мой прадедушка не раздал все. Три территории были землями басэери, они будут ими снова.

— Никогда!

Солдат разрезал веревки на моих руках, еще два солдата крепко держали мои руки.

Один прижимал сапог к моим ногам, чтобы я не ударила. Солдаты прижимали меня к каналам, как других Забирателей, прикованных там. Я боролась, высвободила ногу, но она беспомощно скользила на каменном полу. Кожу покалывало, оковы обхватили мои запястья.

— Подчинись, — сказал Виннот. — А мы ждем.

Все тело начало покалывать, ощущение было таким, когда я готовила себя исцелять. Оно было не только в руках, но во всем теле, двигалось волнами. Порывы меняли направление, задевая то живот, то руки. Пальцы болели от необходимости толкнуть, но у меня было мало боли.

— Что со мной происходит? — спросила я. Больше вопросов было в голове, но желания спрашивать угасало. Я знала, что нужно задать их, хоть слова с трудом давались мне.

Боль покалывала на коже. Диск пытался втолкнуть ее в меня. Я боролась, отталкивала ее, но не могла ощутить пинвиум под руками. Я ощущала письма, что скрывались там.

Герцог уже не ухмылялся.

— Почему она не подчинится?

— Я же говорил, нужно ждать. Она старше и сильнее остальных, — Виннот поднял блокнот. — Можешь описать, что ты чувствуешь? — спросил он у меня.

— Сильную злость, — я плюнула и попала по его щеке. Он вытер слюну, словно такое случалось каждый день. Я разозлилась сильнее, туман рассеивался в голове. Боль стала горячей, пробиралась в меня, но я боролась. Каждый укол хотел подчинить меня Винноту. Боль делала нас податливыми.

— Удивительно, — сказал Эркен. — Сколько там боли?

— Мы не знаем, — сказал Виннот, следя за мной. — В записях, которые мы нашли с ним, отмечено, что оно поглощает боль с тех пор, как был добавлен пинвиум, как вы видите по вкраплениям. Я исследовал его и искал способ опустошить или высвободить хоть часть боли, сделав оружием, но не получалось. Нужен был кто-то, управляющим прибором. И потом я услышал о способности Преобразователя вспыхивать пинвиумом, о ее иммунитете. И я решил сосредоточиться на этом и превратить диск в большую вспышку.

— Я знала, что на что-то сгожусь, — я боролась, удерживала гнев и ненависть, ощущение себя. Отгоняла боль, чтобы разум оставался моим.

Виннот рассмеялся, словно был удивлен, что я еще говорю.

— О, да. Ты — курок, что заставит этот прибор работать. Без тебя он не вспыхнет, — он снова рассмеялся. — По крайней мере, не так.

— Я... вспыхну, — как только коснусь. Я прижала пальцы к серебристо-голубому металлу и попыталась представить одуванчики, но не могла сосредоточиться. Я смогу сделать это. Я должна. Нужно лишь вспыхнуть пинвиумом. Сосредоточиться. Просто...

...столько боли... так много боли... слишком много боли...

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ:

Боль стала огнем, огонь — льдом, лед вернулся к боли. За болью, жаром и холодом я ощущала, как что-то корчится, что-то кричит.

А потом поняла, что это я.

Я выла в голове, но другие молчали. Я ощущала их. Отчаяние, боль, страх. Подчинение. Я плакала с ними, боль двигалась через нас снова и снова, заставляя сдаться.

Голос донесся сквозь боль.

— Ты — мой курок.

Я ненавидела этот голос. Я качала головой, но не чувствовала, чтобы тело двигалось. Я кричала «нет», но звука не было.

— Сэр, может, стоит дольше воздействовать на нее прибором. Она нужна нам подчиненной.

— У меня есть власть. Посмотри на нее.

— Лучше оставайтесь за защитной стеной.

Гнев поднялся выше боли, и мысли стали ясными. У меня уже не было тела, но был разум, хоть он боролся с приказом подчиниться, сделать то, что хотел герцог. Я собрала себя в тесной точке между сердцем и желудком, где я всегда носила собранную боль. Меня было немного, но это была я.

Я копила это.

Голос вернулся.

— Ты — мой курок.

Я молчала и ничего не выдавала. Хотела сказать «да» и раскрыть все. Нужно было согласиться, служить, это тянуло меня, словно боль, что тянула пальцы.

Я отгоняла боль. Я не подчинюсь. Они не сделают меня уступчивой. Мой разум был сильным.

Разум был моим.

— Ты — мой курок.

Я хотела согласиться, но гнев, который пробудил голос, затыкал меня.

— Почему она все еще борется?

— Сэр, я говорил, что потребуется время.

— Не так много. Мятеж ухудшается. Это идеальная возможность для полной проверки.

— Мы не можем давить на нее так сильно, пока не знаем...

— Ты — мой курок! Мой, слышишь? Мой!

Я подавила боль и улыбнулась.

Боль была постоянной, руки и ноги все время покалывало, но низкое пульсирование было новым. Оно было не сильным, не было связано с моментами тишины перед возвращением боли. Пульсирование было связано с криками.

Диск пытался поглотить меня. Стучался в мой разум и душу, требовал впустить.

Нет.

Я боролась, заставляла пальцы отпустить и вспыхнуть, остановить тех, кто просил меня делать то, чего я не хотела. На миг я ощутила движение.

Нет, не движение. Давление в плечах. Туда-сюда. Меня трясло.

— Ты — мой курок! Скажи это! Ты — мой курок! Ты. Мой. Курок.

Боль двигалась. Я боролась, но она пробралась внутрь, растеклась вокруг скрытой меня. Необходимость подчиниться подавила гнев, что оберегал меня. Не так долго я боролась. Моя воля угасала с каждым ударом боли, пока...

— Я... ваш... курок.

— Ура!

— Пусть постоит дольше, проникнется. Нам нужно, чтобы она была податливой.

Виннот. Герцог.

Картинки вспыхивали в голове, лица и места. Бледная Тали в комнате в башне. Айлин смотрела на меня из-за решетки. Забиратели, прикованные к металлу. Хрупкий герцог кричит, чтобы я была тем, чем не хотела.

— Глупости. Мы сделали это, у нас власть. Я хочу это проверить.

...я была ему призом...

Я никому не была призом.

Я пыталась соединить слова, но они не шли дальше мыслей. Они ускользали с волнами боли, пробивающей меня, уносящей всю защиту, что я начала строить. Я задержала дыхание. Снова и снова, по капле, боль копилась во мне, пока проходила сквозь меня.

Мне хотелось выстрелить ею. Уничтожить ее. Уничтожить его.

— Я...

Горло сдавило.

Испуганный вскрик:

— Она говорила?

— Невозможно, Виннот. У нее нет воли делать что-то, кроме того, что я скажу.

У меня была воля, но я не могла дотянуться до нее. Она была на дне реки боли. Я должна была нырнуть и схватить ее... я задержала дыхание и погрузилась.

— Не... курок.

— Она говорила!

— Не важно. Она сделает сказанное. Как и все они.

Я не буду делать то, что мне говорят.

— Я. Не. Курок.

Безумный шепот. Слова со страхом. Они боялись меня и того, что я найду на дне реки.

— Может, стоит уйти за стену.

— Боишься, Эркен?

Я вдохнула раз, другой, погрузилась в реку снова. Холодная тьма была за жаром. Я нащупала что-то пальцами.

Яркая искра, как солнце на воде.

Я копнула глубже, обхватила это пальцами и потащила с собой на поверхность.

Лиловая фиалка.

Тали. Дом.

Я должна бороться с герцогом, как все они боролись. Бороться как... Я посмотрела на Ланэль напротив меня. Она боролась со мной, когда я пыталась передать ей боль в Лиге. Отказывалась от боли, которую я толкала в нее. Могла ли я бороться?

Я закрыла глаза и представила боль, передающуюся от Забирателя к Забирателю. Я прищурилась, заставляя ее стать тоньше, когда она проходила через меня. Я собирала ее между сердцем и желудком, хотя она кричала и пыталась вырваться. Я ловила ее туда.

Она была моей.

— Проверим. Введите его.

Я открыла глаза. В комнату втащили мужчину, закованного в цепи.

Солдаты толкнули его на стул и приковали цепи к стене.

— Ты — мой курок, — сказал мне герцог. — Досчитай до десяти и стреляй в того мужчину.

Нет.

Мой голос не слушался разума.

— Раз, два, три...

Шаги спешили прочь, дверь захлопнулась. Нужно послушаться, вспыхнуть, это желание было на поверхности реки боли.

— ...восемь, девять, десять, — боль заполняла пустоту.

Вжих!

Иглы жалили мою кожу, обжигали веки. Забиратели вокруг меня кричали, резкая нота поверх тихих стонов. Мужчина на стуле закричал и обмяк, его кожа была красной.

Нужно было вспыхнуть, это желание снова втекало в меня.

Дверь открылась.

— Впечатляет. Он еще жив?

Пауза.

— Да, сэр.

— Хмм. Она может управлять тем, сколько выпускает?

Управлять...

Я представила обруч из пинвиума, одуванчики утонули в реке боли. Она обрушилась на меня злым потоком.

ВЖИХ!

Мужчина на стуле закричал и попал в тумане, одуванчик ударился о камень. Другие голоса кричали близко и далеко, их было слишком много. Металл звенел о камень.

— Хватит! — хриплый голос был полон боли. — Хватит вспыхивать!

Пинвиум под моей рукой пылал. Боль билась об меня.

«Все дело в контроле, — говорил папа, придавая раскаленному голубому пинвиуму форму молотом. — Надавишь слишком сильно, выстрелишь раньше, чем будешь готова. Слишком слабо, и никогда не выстрелишь. Нужно найти баланс между этим. Попроси его делать то, что хочешь ты. Чары в работе с пинвиумом, а не против него».

— Нет.

— Ты — курок. Слушайся и перестань вспыхивать!

Я хотела взорвать все, я боялась, что желание разорвет меня. Это было хуже необходимости слушаться. Я потянула из диска боль, чтобы вспыхивать было нечем. Пинвиум скулил, кричал в моей голове. Он хотел мою боль. Хотел управлять мной.

Помоги мне, кусок голубого металла. Помоги, и мы оба победим.

Я не могла подчиниться. Мне нужен был компромисс, чтобы диск и боль получили желаемое и оставили меня в покое. Я представила, как вокруг оков растут маленькие одуванчики. Осторожно подуть, чтобы отлетела лишь часть семян.

Вжих.

Забиратели закричали. Пинвиум заскулил сильнее, пол дрожал под ногами.

— Сэр, держитесь, мы заберем вас отсюда!

Сапоги топали по камню. Тащили тела. Хлопали дверями.

Я прижала ладони к пинвиуму. Забиратели проснулись, их глаза были огромными и испуганными. Они боролись с оковами. Нужно было вспыхнуть. Я сосредоточилась на металле, приковывающем нас к диску.

Вжих.

Забиратели закричали и дернулись в оковах. Некоторые упали на пол, оковы сломались.

— Бегите, — процедила я, борясь с желанием вспыхнуть снова. Оно давило желание подчиниться герцогу, Винноту, даже себе. Забиратели отпрянули, выглядя растерянно. Некоторые пошли к двери. Другие шатались и падали.

Я прижала ладони к пинвиуму, диск сиял темно-синим под металлом, как письма на печи. Воздух мерцал над ним, земля гудела под ним. Металл выглядел раскаленным, но пинвиум был не горячее камня летом. Теплый, но не обжигал.

Меня.

Боль полилась из диска, окружила меня, пытаясь подчинить меня. Я хотела вспыхнуть сильнее, но не все Забиратели вышли из комнаты. Кожу покалывало на всем теле. Пинвиум выл и просил освободить его. Боль двигалась по кругу, но попадала теперь только в меня.

Нужно было выпустить ее, хотя разум кричал мне остановиться.

ВЖИХ!

Моя изорванная окровавленная одежда исчезла. Крики затихли.

ВЖИХ!

Стены трескались. Камень под моими коленями крошился. Серебристо-голубой металл отлетал кусками. Песок пинвиума сыпался с оружия, нечистый металл рассеивался. Звук в голове — камень о камень, а потом что-то во мне... изменилось. Нет, не только во мне, но и в диске. Волна... чего-то... катилась между мной и диском, бурлила.

Я упала на колени среди песка пинвиума, еще падающего на меня. Я отползла, разбитый пол впивался в ладони и колени. Я ползла между брошенных мечей и красного тумана.

Меня мутило сильнее, чем раньше. Я заставила себя встать на колени. Оглянулась на то, что точно там было.

Пинвиум с письменами.

И больше ничего. Серебристо-голубой металл, нечистый пинвиум рассеялся, а это осталось. Я слышала его, ощущала. Письмена сияли голубым, были вырезаны глубоко и пульсировали, словно билось сердце.

Как мое сердце.

Письмена пульсировали. Моя кожа трескалась.

Боль. Там пульсировала боль, но...

Письмена вспыхнули снова, воздух покинул мои легкие.

Я ощущала слабость.

Письмена вспыхнули. Сердце трепетало, словно из меня высасывали жизнь.

Святые, что я наделала?

ДВАДЦАТЬ СЕМЬ:

Я пошла, шатаясь, к открытой двери, изломанной, но все еще на петлях. Диск пульсировал, но уже медленнее, уже не совпадая с биением моего сердца, но сильнее, каждая волна раскатывалась дальше. Я упала в другой комнате между двух тел. Ланэль и мальчик. Их кожа была красной, словно ее оцарапал песок, но они были живы. Герцог и его люди пропали.

Я потрясла Ланэль.

— Вставай, нужно уходить отсюда.

Ланэль дернулась, мальчик застонал. Я трясла их сильнее. Диск пульсировал, и боль касалась моих ног. Я оттащила их от двери. Стена защищала нас, но не надолго. Она уже была в трещинах, куски падали на пол с каждым ударом пульса.

— Идем!

Глаза Ланэль открылись. Она отпрянула, скулит.

— Просыпайся! — я изо всех сил затрясла мальчика. Он проснулся, в глазах были боль и страх.

— Ты! — Ланэль попятилась от меня.

Я помогла мальчику встать, обхватила его рукой. Другую руку я протянула ей.

— Идем с нами или умирай здесь. Мне все равно, выбирай сама.

Она схватила меня за руки, и мы вышли из комнаты, направились, шатаясь, по дворцу. Длинный коридор тянулся в стороны. Я выбрала сторону, где ковер был истоптан сильнее.

Я нашла лестницу, ведущую вниз, и пошла туда. Стена рушилась, пока мы шли, боль, крадущая жизнь, задевала спину. Мы пошатнулись и чуть не скатились с лестницы.

— Где все? — спросила Ланэль, когда мы попали на следующий этаж. Большая комната, темное дерево, богатые картины. Людей не было.

— Бегут, как мы? — сказал мальчик.

Я кивнула.

— Если у них есть голова.

Я заметила двойные двери в дальнем углу и направилась к ним. Пыль падала, делая дерево белым, а ковры серо-голубыми. Комната дальше напоминала приемную, и мы шагали вперед в поисках двери или окна наружу.

— Ты с ним расправилась? — сказала Ланэль, когда мы замерли на развилке.

— С кем?

— Герцог. Он мертв?

— Не думаю, — я не видела столько красного тумана в комнате.

Она надулась.

— Плохо.

Я повернула налево, потому что боль пульсировала справа. Стекло трескалось, и узоры эти на фоне ставен напоминали молнии на ночном небе.

— Скорее.

Мы нашли тяжелую дверь, что могла вести наружу. Мальчик остановился.

— Погоди, — он снял тунику и дал мне, пытаюсь не смотреть вниз. — Наружу тебе так нельзя.

Я тоже не смотрела вниз. Моя одежда пропала вместе с серебристо-голубым металлом, прикованным к стулу человеком и кто знает, кем еще. Мои щеки стали теплыми, я надела тунику. Она не подходила по размеру, но закрыла все, что нужно было.

— Спасибо.

— Ты спасла мне жизнь. Это меньшее, что я могу сделать.

Я открыла дверь, и меня ослепил свет солнца. Дождь прекратился, солнце висело высоко на небе. Мы часами были присоединены к той шгуковине.

— Идем.

Люди бежали из дворца. Некоторые с пустыми руками, другие тащили мешки, картины, еду. Окна разбивались, сыпался камень из комнаты с диском. Ущерб распространялся, как от камня, брошенного в озеро.

Удар пульса, падал стекло. Еще удар, стены рушились. Падали люди, крича, их задевала волна. Мы бежали по широким ступеням на входе в замок, по разрушенным мраморным дорожкам. Еще больше людей было на улице, все убегали от дворца.

Мы попали в толпу, держались за руки, чтобы не потеряться. Испуганные лица окружали нас, у многих была красная кожа и ожоги. Солдаты тоже бежали, некоторые помогали подняться упавшим.

— Куда можно пойти? — спросил мальчик, цепляясь за меня.

Я знала только виллу, но Джеатара и остальных там уже не было. Их или арестовали, или они убежали. Только бы они сбежали и ушли на ферму Джеатара.

— Пристань, — Сеун мог быть там и следить. В таком хаосе лагерь Забирателей не должны толком охранять, я еще могла найти Тали. Я огляделась, не зная, как попасть туда с этого места.

— Сюда, — Ланэль повела нас.

Может, она жила здесь, а потом ее поймали, или она работала на Виннота, пока ему не потребовался еще Забиратель для оружия, крадущего жизнь. Частичка меня задумывалась, не вела ли она нас в ловушку, но даже Ланэль не могла быть такой глупой.

Или пульс прекратился, когда мы попали на пристань, или мы оказались вне поля его действия. Тысячи людей толкались на улице, боролись за путь. Солдаты кричали, но никто их не слушал. С каждым шагом нас толкали вперед-назад.

Раздался резкий свист, по камню стучали копыта. Головы вокруг нас оборачивались.

— Солдаты? — нахмурилась Ланэль.

— Надеюсь, нет, — люди сбились здесь, как крабы в ловушке, это будет бойня.

Карета подъехала. Вооруженные люди на лошадях приказали людям отойти. Некоторые послушались, но большая часть не могла отойти, не было места.

— Расступитесь, — прокричал мужчина, взмахивая хлыстом, но никто не двигался.

Люди нервно шептались.

Я потянула Ланэль и мальчика.

— Нам лучше двигаться.

— Ага.

Мы пытались идти в толпе, убраться от стены и кареты, но люди кричали и отталкивали нас. Еще больше мужчин высунулось из кареты, они били людей длинными шестами.

Толпа расступилась. Мы выпали на освободившееся место и ударились о дверь кареты. Я схватилась за открытое окно, чтобы не упасть.

Женщина рассмеялась.

Я подняла голову. Вианд.

— Ты хитрая, как мангуст, девчонка.

Я не могла дышать, но не из-за того, что ко мне были прижаты Ланэль и мальчик. Мне было некуда бежать, не было боли для передачи, я никак...

Вианд была в бледном шелке. Ее волосы были распущены, блестящие черные кудри ниспадали на плечи. Она не двигалась, выглядела расслабленной, кубок был в ее руке.

Она махнула другой рукой, дверь открылась.

— Прокатить?

— Я с вами никуда не поеду.

Она пожала плечами.

— Как хочешь, но пройти врата будет непросто.

— Но вы снова меня поймаете.

— Нет смысла. Мой контракт с герцогом выполнен.

Она серьезно? Ей было все равно, хоть она снова меня нашла?

— Прощу, — прошептала мне на ухо Ланэль, — я не хочу оставаться здесь.

«Не вини свои ноги, раз ты отказалась от лошади», — всегда говорила бабушка.

— Хорошо, — я помогла Ланэль забраться в карету и залезла следом за ней.

Вианд подвинулась, освободив нам больше места. Я села рядом с Ланэль, напротив Вианд, близко к двери, если потребуется выпрыгнуть.

Мы устроились, она постучала по карете.

— К пристани.

— Да, мэм.

Крики становились громче, в них звучала угроза. Карета поехала. От каждой кочки во мне все болело. Зато эта боль могла попасть к Вианд.

Я не знала, что говорить или делать. Помощь Вианд была сродни поездке на крокодиле по реке.

Я посмотрела на Ланэль и мальчика. Мы могли ранить Стьюига и Вианд. Я знала, что в Басэере теперь было мало пинвиума. Мы могли бы их убить.

Разве я убила не достаточно?

— Вы не хотите меня ловить?

— Нет. Мне за это уже заплатили, а герцог пока еще не приказал снова тебя поймать, — она сделала глоток из кубка. — Это всегда была работа. Ничего личного.

— А для меня было личное.

На миг она устыдилась. Я ее не простила и не стала доверять, но если она ощущала хоть укол вины, может, еще оставалась надежда. Для нее и для меня. Я тоже делала то, что не хотела. Но я все равно не понимала, как она могла просто уходить и вести себя так, словно ее поступки не были ужасными.

— Где герцог? — сказала я, надеясь и боясь, что я его убила.

— В Лиге Целителей, насколько я слышала. Что-то насчет ужасной вспышки боли, — она улыбнулась и подняла кубок в мою сторону. — Отличный ход, кстати.

Я не убила его. Я не знала, что чувствовать по этому поводу.

— Упыря ты зацепила.

— Виннота? Он мертв?

— Я почти уверена в этом.

Я улыбнулась. Это было неправильно, Тали меня отругала бы, но мое сердце стало легче от понимания, что его нет.

Карета добралась до ворот, солдаты пропустили ее, пока боролись с испуганными людьми.

— Где мне вас высадить?

— Здесь подойдет, — сказала я. Вианд тогда не поймет, куда я отправлюсь отсюда.

Она, наверное, думала, что мы хотим попасть на судно. Или украсть лодку.

Лодка!

Джеатар говорил, что лодка ждет. Если они выбрались из виллы, они могли направиться сюда. Данэлло и Айлин не дадут ему уйти без меня, но он не мог рисковать безопасностью остальных. Мне нужно было забрать Тали и добраться до них раньше, чем Джеатар убедит их, что я не приду.

Я открыла дверь и выпрыгнула.

Часть меня хотела поблагодарить ее, но это казалось неправильным. Другая часть хотела заполнить Вианд болью, чтобы она кричала.

— Поездка мне понравилась.

— Ты интересная, Ниа. Может, в следующий раз мы будем на одной стороне.

— Вряд ли.

Она рассмеялась, Ланэль и мальчик выбрались из кареты. Вианд помахала и поехала по пристани. Наверное, ее где-то ждала лодка.

— Сюда, — сказала я, направляясь к стене.

— Девчушка! — Сеун махал мне. Квенджи сидел рядом с ним, между ними был большой мешок.

Айлин сидела с другой стороны. Она завопила и побежала ко мне, как только увидела.

Ты жива!

— Как и ты, — я обняла ее так крепко, как она меня, но часть меня хотела, чтобы она уже ушла. Она не отпустит меня идти за Тали.

— Мы с трудом сделали это. Думаю, у Джована будущее командира армии. Ты бы слышала, как он приказывал, — она заметила Ланэль и помрачнела. — Что она здесь делает?

— Она идет с тобой.

— О, вот уж нет. Ей нельзя доверять!

Ланэль скривилась и отвела взгляд.

— Виннот ставил на ней эксперименты. Думаю, она уже поняла, кому можно верить.

Айлин фыркнула.

Ланэль тоже фыркнула и посмотрела меня.

— Я уверена, что могу доверять тебе, но только и всего.

— Этого хватит? — спросила я у Айлин.

— Нет, но я вижу, что ты не передумаешь, у нас нет времени спорить.

— Тогда решено.

Айлин прищурилась.

— погоди, что значит «она идет с тобой»? Ты же идешь?

— Нет. Я иду за Тали.

Она вздохнула, на миг на ее лице проступила вина.

— Я боялась, что ты это скажешь, — она свистнула, руки схватили меня сзади.

— Эй!

— Мы так и думали, что ты попробуешь остаться, — сказал Данэлло, держа меня крепко, и я не могла коснуться его кожи. А я хотела.

— Квенджи, хватай ее ноги, — Айлин взяла мешок. Я отбивалась в руках Данэлло.

— Пустите! — никто не помогал, и я не знала, что делать.

— Прости, Ниа, но мы не позволим тебе убить себя, — Айлин посмотрела на меня со слезами в глазах. — Джеатар проверил лагерь. Все люди герцога сейчас там, ведь дворца нет. Даже ты туда не попадешь.

— Я смогу!

Квенджи смог схватить мои ноги, они с Данэлло понесли меня по пристани.

— Не делайте этого. Мне нужно найти Тали, — слезы текли по моим щекам. Как они могли так со мной поступать? Они были моими друзьями, моей семьей. Тали была им семьей.

Они не могли так поступить!

— Мы найдем ее, но не сегодня, — сказал Данэлло прерывающимся голосом. — Мы

вернемся.

— Нет!

Ланэль и мальчик шли за нами, но не помогали. Я явно видела улыбку Ланэль.

— Это похищение.

Айлин покачала головой.

— Это любовь. Мы слишком тебя любим, чтобы позволить умереть. А ты умрешь, если пойдешь к тому лагерю.

На половине пути я перестала бороться, сил не было. Дым затемнял небо, страх и боль наполняли воздух. Кто знал, сколько жизней было потеряно этой ночью? Сколько будет потеряно, если начнется гражданская война? Я не могла оставить Тали здесь. Просто не могла.

— Но она там, — мое горло с трудом выпускало слова. Я подвела ее, потеряла. Оставила Бессмертным и тому, кто будет управлять ими вместо Виннота. Джеатар говорил, что Бессмертные были сломлены, подчинены воле командующего.

Если я найду ее, будет ли она еще моей Тали?

Айлин положила ладонь на мое плечо.

— Знаю, и мы найдем ее.

— Как? Мы убегаем.

— Мы вернемся за ней. Но мы не можем остаться. Ты это понимаешь.

Тали.

Я смотрела на дым на горизонте, а потом они унесли меня под палубу.

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ:

Я никогда не прощу их за это.

— Откройте немедленно! — я стучала по двери каюты, но они заперли меня. Заперли с моей виной, гневом, горем. Они были мне друзьями. Даже Ондераан так не поступил бы. — Выпустите!

Они не слушались. Я не была уверена, там ли они. Было сложно услышать что-то за скрипом судна и шумом волн. Голоса кричали на палубе, паруса хлопали на ветру.

Никто не открывал дверь.

Я рухнула на пол, когда руки уже не могли бить по двери. Через минуту с другой стороны тихо постучали.

— Ты успокоилась? — сказал Данэлло.

— Нет.

— Ты ранишь меня, если я войду.

— Да.

Пауза.

— Ладно. Мы будем ждать, так что скажи, когда будешь готова к разговору.

Никогда. После того, что они сделали. Я схватила стул и бросила в дверь.

— Вы заставили меня бросить сестру!

— Знаю, и нам очень жаль. Нам тоже больно.

Я бросила что-то еще, даже не посмотрев, что.

— Не так, раз вы ее там бросили.

— Если бы мы подумали, что можем спасти ее, мы бы остались с тобой в Басэере.

Я хотела назвать его лжецом. Кричать об этом. Но Данэлло не врал.

Айлин врала, но не мне.

Я села. Зачем они сделали это? Я должна была знать. Мне нужно было увидеть их лица, заглянуть в их глаза, спросить, зачем они оставили Тали.

— Я тебя не раню, — сказала я, почти уверенная в этом.

Данэлло сомневался, потому что выждал минуту и открыл дверь. Он осторожно заглянул, готовый отскочить.

— Я могу войти?

— Да.

Он вошел и закрыл за собой дверь. Кто-то снова ее запер.

Мой гнев вспыхнул, но лишь на миг. Было больно бороться.

— Айлин не зайдет?

— Нет. Она боится тебя сильнее, чем я, — он осторожно улыбнулся. — Но не намного.

— Похищение было ее идеей?

Он кивнул.

— Ты согласился?

— Я знал, что она права. Ты не ушла бы, если бы мы тебя не заставили, — он робко шагнул ко мне, сцепив перед собой руки. — Я не хотел потерять тебя.

Но мы потеряли Тали.

— Как ты мог так со мной поступить?

Он скривился, отвел взгляд, но потом посмотрел мне в глаза. Там была печаль.

— Мы не знали, что еще сделать.

— И выбрали побег? — я снова хотела бросать вещи.

— Нам нужно было сделать выбор. Ты или Тали. Мы знали, что не можем спасти обеих, и мы знали, что не можем спасти Тали. Мы сделали то, что сделала бы ты.

Я не могла дышать.

Данэлло медленно кивнул.

— Было сложно, но мы сделали выбор за того, кто его сделать не мог. За тебя.

Я закрыла глаза, прогоняя слезы. Я бы сделала не такой выбор. Но я сделала его, спасая Айлин и Данэлло первыми.

Тихие шаги пересекли каюту. Я открыла глаза.

— А если она умрет? — виновата буду я.

Данэлло осторожно сел рядом со мной.

— Нет. Она крепче, чем ты думаешь. Ты научила ее выживать, как научила меня.

— А если этого не хватит?

— Хватит.

Я смотрела на него, хотела бить его кулаками, но хотела и дрожать в его объятиях.

— Мне очень-очень жаль, Ниа.

Я уткнулась лицом в его шею и заплакала. Он держал меня, гладил волосы, говорил, что все будет в порядке.

Но так не было. И могло никогда не наладиться.

Судно добралось до обветренной пристани, на которой никого не бывало годами, но дерево было прочным и усиленным, если приглядеться. Кто-то старался придать ей старый вид.

Шесть повозок ждали нас с возницами и вооруженной стражей. Они с уважением поприветствовали Джеатара, вежливо поздоровались с нами. У нас было больше вещей и

припасов, чем я ожидала, они укладывали вещи, пока мы усаживались. Я не знала, откуда они узнали, что мы прибудем, но потом принесли клетку с птицами-посланниками. Джеатар мог так сообщить им.

У него всегда был запланирован побег. Может, потому он был еще жив.

Я не говорила в пути. Айлин пыталась говорить со мной, но я смотрела на болота, потом на поля и холмы. Мы ехали все дальше.

Через час мы добрались до каменной стены с тяжелыми воротами, один из людей Джеатара пропустил нас. Стена не выглядела старой, она была сильной, защищенной. Тянулась, сколько я видела, по бокам от дороги. Ферма Джеатара была огромной, если это была ее граница.

— Ого, — сказала Айлин, приближались к самой ферме. — Невероятно.

Пришлось согласиться. Дом был больше виллы, в два этажа, огромные деревья росли в просторном дворе. Цветы обвивали деревянную ограду, окружающую главные земли. Милями тянулись ухоженные поля с хижинами, складами и домами, которые я не узнавала. Я бывала на фермах с мамой пару раз, но мало знала о них.

— На этих полях может поместиться весь Гевег, — сказала Айлин.

Я кивнула.

Мужчины и женщины вышли из дома, чтобы встретить нас и занести вещи. Халима и другие дети побежали вперед, преследуя бабочек в садах. Члены Подземелья разглядывали местность, словно оценивали защищенность. Я сомневалась, что об этом нужно беспокоиться, ведь у Джеатара здесь было много стражи.

Я выбралась из повозки. Мне было нечего нести, у меня не было вещей. Радостно пели птицы, не зная моих проблем.

Тали бы здесь понравилось.

Джеатар открыл двойные двери и вошел в дом. Остальные — за ним. Красивая полная женщина вышла со стороны кухни и подошла к Джеатару. Слишком старая для жены, хотя я никогда не думала, что у Джеатара может быть жена.

— Там гостевое крыло, — сказал он, указывая на широкий коридор справа.

Пол из темного дерева блестел в свете, падающем из высоких окон. Они были открытыми, пахло жимолостью.

— Уэя покажет вам комнаты и позаботится обо всем. В конце коридора ванная, хотя там поместятся только четверо за раз. Придется по очереди. Ужин будет через пару часов, но если кто-то голоден, еда есть.

Люди замешкались, желая и еды, и помыться, и поспать.

— Все будет здесь, никуда не убежит.

Некоторые рассмеялись и пошли за Уэей по коридору. Другие направились в ванную и на кухню. Джеатар остановил нас с Айлин и Данэлло.

— Ваши комнаты наверху, — сказал он, указывая за плечо. — Там безопаснее.

— Спасибо, — сказала я. Данэлло улыбнулся и поспешил за близнецами и сестрой, направившихся за едой. Айлин задержалась, но через минуту пошла наверх. Она остановилась на половине пути.

— Мы разделим комнату? — спросила она у меня дрожащим голосом. Я не говорила с ней, после того как мы покинули — Тали, ты покинула Тали — Басэер, но она все еще пыталась.

Она сделала то, чего я не могла. Мне не нравилось это, но Айлин видела то, что я не

видела. Она понимала людей лучше меня. Она часто знала, как поступить правильно, хотя все казалось сложным.

— Да, одна комната, — сказала я, но не смогла улыбнуться. Пока что.

Айлин сделала это за меня, ее облегчение сияло в улыбке.

— Хорошо. Я выберу лучшую на этаже, не переживай, — она взбежала по ступенькам, я услышала, как открываются и закрываются двери.

— Она знала, что ты будешь злиться, но все равно это сделала, — сказал Джеатар, в его голосе было восхищение. — Я рад. Не думаю, что кто-нибудь еще смог бы остановить тебя.

— Видимо, так, — я могла убедить Данэлло отпустить меня, если бы он был один. Он бы и не попытался меня схватить. Он бы попытался отговорить меня, а потом остался бы со мной, когда я отказалась бы. И мы оба погибли бы. — Айлин права чаще, чем ошибается.

Он кивнул с печальным видом.

— Хотел бы я сделать больше.

— Помощи уже хватает.

Он криво улыбнулся.

— Святая Ниа, Сестра оптимизма.

Я? Святая? Вряд ли.

Ветер поднял занавеску, луч упал ему на глаза. Он прищурился, недовольство мелькнуло на его лице. На миг он был похож на герцога. У него были такие же глаза.

Голос Сизэкт звучал в моей голове. Законный наследник. Никого из семьи не осталось.

И тихий шепот Джеатара. Трое. Было три брата.

Может, не только у меня был дядя басэери.

— Вы... — я прикусила язык. Было безумно думать о таком. Безумнее, чем о том, что я — Святя.

— Что я?

— Вы богаче, чем я думала, — сказала я вместо этого. — Эта ферма. Вилла, — это была догадка, но он звал место домом, хотя казалось, что главнее там Ондераан, защищавший Джеатара.

Они были против герцога. Им нужно было... Заменить его кем? Отцом Джеатара? Джеатар едва сбежал из Сорилля, когда герцог сжег его. Герцог напал на Сорилль, потому что там был его соперник.

У Джеатара были деньги, даже власть, хотя он явно это скрывал. Ему было важно, что будет с людьми, он пытался улучшить жизни, хотя мог скрываться на этой ферме и не обращать внимания. Но он этого не делал. Он боролся за то, во что верил, любой ценой.

Даже если ценой была Тали?

Я не могла этого допустить. Ондераан был связан с Джеатаром, дедушка был связан с Сориллем. Моя семья была связана с его семьей, хотя я не знала, как, но я знала, почему. Мы все хотели остановить герцога. Мы все были готовы на жертвы ради этого.

— Это деньги семьи, — сказал он с печалью. — Осталось не так и много.

— О, — потому что он потратился, чтобы остановить герцога? Помогал Подземелью, кормил их, вооружал и защищал?

— Идем, тебе нужно поесть, — сказал он. — Я знаю, что ты голодна.

— Я всегда голодна, — я пошла за ним на яркую кухню, залитую солнцем, как и вся ферма.

Голова кружилась. Нет, это совпадение, игра света. Если Джеатар был законным

наследником, Ондераан должен был знать. Он бы рассказал людям, использовал бы Джеатара, чтобы объединить Подземелье и тех, кто в тайне противостоял герцогу. Он бы представил его суду, раскрыл бы преступления герцога.

Но Ондераан мог и не знать.

Джеатар мог скрывать это ото всех нас. Пытался делать в тайне то, что не могла его семья — остановить герцога, вернуть Трем территориям независимость, закончить войны. Скрываться было умно, ведь герцог точно убил бы его, если бы узнал, что он еще жив.

Но это не работало. Герцог не остановится, если он не умер от вспышки. Трон могли занять не те люди, ничто не изменилось бы, кроме владельца сапог у наших шей.

Никто не будет в безопасности. Ни я. Ни Тали. Никто.

Джеатар вручил мне тарелку с кусочками фруктов.

— Опять у тебя этот взгляд, — встревожено сказал он.

Может, мне эта тревога не казалась.

— Просто размышляю.

Он кивнул с состраданием во взгляде.

— Мы вернемся и найдем Тали, когда будет безопасно. Обещаю.

— Знаю. Я думала о другом.

Он вскинул брови.

— Правда?

Я кивнула.

— Правда.

О будущем, где не нужно прятаться, где мы сможем пройти в Басэери и забрать из лагерей Тали и других Забирателей, похищенных герцогом. Где Бессмертные будут разогнаны, и никто не будет ставить на Забирателях эксперименты.

Где люди Гевега и Верлатты, и даже Басэера, смогут работать, играть и жить в безопасности.

Будущее с Джеатаром на троне.

Больше книг на сайте — Knigolub.net